

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ефим Роговер. Повесть И.С. Тургенева «Ася» 2

МАЛАЯ ПРОЗА

Александр Мецгер. С тёщей на рыбалке. Теща. Грибы для тёщи..... 8

Анатолий Тупицын. Шли белые снега..... 16

Ольга Геньба. Женщина-осень. Ведьмино дерево. Привет, Андрей! На даче.
Криминаль-танго. Про Андрюшку. Я так влюблён..... 20

Булат Тугельбаев. Первый учитель..... 30

Валерий Киселёв. Как распознать «вражеского» агента... (Случай
на пограничной заставе)..... 40

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

Стихи *Эдуарда Дэлюжа, Сергея Винницкого, Андрея-Viktoria-Андреева,*
Майи Шеремет, Ирины Горбань, Василия Денисюка, Наталии Рябухиной,
Людмилы Аристарховой 53

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Елена Жилинская. Метаморфозы с привкусом Эрл Грея. Стихи. 82

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Ефим Роговер. Лермонтов. Жизнь после смерти..... 85

ПРОЗА XXI ВЕК

Ева Талая. Память пустыни (продолжение)..... 89

Елена Жалеева. Ястребы и ласточки (продолжение)..... 118

Валерий Орлов. Роман ни о чем (продолжение)..... 130

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Алексей Воронов. «Я всегда был убеждён, что правильно выбрал свой путь...» 150

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ПОВЕСТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»

«Асю» можно считать последней повестью Тургенева о «лишних людях» и одним из ранних его произведений о «первой любви». Созданная в 1858 году, она на два года опередила повесть, получившую это характерное тургеневское название — «Первая любовь» (1860). Начатая 12 июля 1857 года, «Ася» была завершена 27 ноября того же года.

Замысел повести возник в дороге. О нем сообщила Н. А. Островская, хорошо знавшая об обстоятельствах рождения сюжета. Она передала рассказ И. С. Тургенева о том, что побудило его остановиться на разработке новой темы: «Проездом остановился я в маленьком городке на Рейне. Вечером, от нечего делать, вздумал я поехать кататься на лодке. Вечер был прелестный. Ни о чем не думая, лежал я в лодке, дышал теплым воздухом, смотрел кругом. Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего — высунулась головка хорошенькой девушки. Так вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она, и зачем она в этом домике, какие ее отношения к старухе, — и так

тут же в лодке и сложилась у меня вся фабула рассказа».

Как видим, ядром этого замысла стал образ героини. Тургенев рассказал о случайной ее встрече за границей с русским юношей, о ее сердечных переживаниях и о той личной драме, которая произошла между молодыми людьми. Но повесть поведала не только об отношениях в сфере интимных чувств: она затронула глубокие общественные вопросы, касающиеся русской и зарубежной действительности.

В центре произведения пленительный образ героини повести — Аси. О ее своеобразии говорит уже внешность девушки, наделенной одним из лучших портретов в тургеневской художественной галерее. Нам запоминается «склад ее смугловатого круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щечками и черными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне еще развита»; «ее черные волосы, стриженные и причесанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши». В памяти остаются такие движения и жесты героини, особенности ее реакций и поведения: она дичится, ёжится, потом застенчиво улыбается. «Я не видал, — замечает рассказчик, — существа более по-

движного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову». За этой внешностью все более приоткрывается что-то свое, особенное в ее характере и отношении к людям. При этом восприятие Аси повествователем дается в динамике, соответствующей подвижности самой девушки. Сначала она кажется существом непонятным и полузагадочным, то грациозно-шаловливым, одушевленным, то неестественно бледнеющим, внутренне беспокойным. Позже рассказчик уясняет ее своеобразие: это чуткость, способность постоянно размышлять, самобытную сосредоточенность на том, что ее тревожит, то, что «ни одно чувство не бывало вполювину». Отыскивает повествователь и причину ее беспокойного поведения, находя ее в прошлом героини.

Оказывается, Ася воспитывалась в крестьянской избе, а затем попала в господский дом. Она была дочерью дворянина и крепостной крестьянки. Отец в своей усадьбе предоставил девушке полную свободу. Он стал ее учителем и отнюдь не баловал ее, но «он любил ее страстно и никогда ничего не запрещал». Так незаметно автор затронул сферу сословности, социальных отношений, в некоторой мере определивших своеобразие характера. Асей с детства была осознана двусмысленность и известная ложность ее положения — сначала в доме отца, потом в пансионе. В итоге «самолюбие развилось

в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренялись, простота исчезла». Тургенев тонко показывает детерминированность формирующегося характера от социальной среды, зависимость его от обстоятельств жизни. Тем не менее, Асе удалось сохранить в себе чуткость к людям, склонность к напряженному размышлению о жизни, нежелание «подойти под общий уровень».

В Асе есть нечто, сближающее ее с Натальей Ласунской из «Рудина» и Лизой Каитиной из «Дворянского гнезда». Недаром повесть вобрала в себя опыт создания Тургеневым двух его первых романов. Д. И. Писарев заметил в 1861 году: «Наталя в «Рудине» похожа на Асю, или, вернее, в основу их личностей положена автором одна идея, разработанная различно в обоих романах». Ни богато одаренные натуры этих героинь, ни их ум не были искажены плохим воспитанием. Обе они развились свободно и сохранили сердечную искренность, чистоту чувств, высокие требования к жизни и человеку и отвращение к фальши. Им обеим свойственна очаровательная непосредственность и душевная простота.

Сквозь «наносные» черты (болезненное самолюбие, дикость как влияние среды) у Аси прорываются ее естественные, природные свойства, ее внутренние силы, побеждающие все искусственное, благоприобретенное и случайное. Она не может скрыть свое настроение, плохое или радостное, утаить свою печаль или неожиданный восторг. Присущая ей простота может дойти до наивности, и в этом —

красота ее натуры. Вспомним, как переживает она глухость г. Н. к природной красоте: «— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили! — закричала мне Ася. Я вышел и оглянулся. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку».

До известной степени образ Аси рожден в русле пушкинской традиции. Не случайно ее брат напевает строки из стихотворения поэта «Я здесь, Инезилья...», а сама она вспоминает стихи из «Онегина» о няне, хочет походить на Татьяну Ларину и даже быть ею, отличаясь той же цельностью и нравственной силой. Ей грезится подобие птице, способной взвиться, полететь и утонуть в синеве. В этом плане она родственна тем женщинам-птицам, которые были так щедро нарисованы русской литературой, начиная от Ярославны и Катерины Кабановой и кончая чеховской Чайкой и булгаковской Маргаритой. К сожалению, ей дано сознание того, что «мы не птицы».

«Ася, — замечает Д.И. Писарев, — такая личность, в которой есть все задатки счастливой, полной жизни; развившись помимо условий нашей жизни, она не развилась ее нелепостями».

Но примечательно, что девушка все-таки мечтает пойти «куда-нибудь далеко, на молитву, на трудовой подвиг», «прожить не даром, след за собой оставить...» Ей представляется, что этот подвиг она может совершить в сфере любви.

Тургенев рисует героиню в ту пору ее жизни, когда она встретила свою любовь, которая кажется светлой и чистой, сопровождаемой неудержимым порывом к счастью.

Чувство ее прекрасно и поэтично, оно привносит в повесть глубокий лиризм и музыку. Недаром оно сопровождается романсом А. Гурилёва, старинными немецкими песнями и звуками ланнеровского вальса. В то же время любовь молодых людей врывается как стихия, им не подвластная.

Избранник Аси, господин Н., тоже кажется воплощением молодости, красоты, здоровья, чистоты и юношеской свежести. Он жаждет возвышенных чувств, наслаждений, иногда беззаботных, порыва к счастью как естественного проявления молодости и расцвета жизни. Ему не чужды представления о высоких идеалах добра, истины и справедливости. Писатель раскрывает утонченность и субъективную значительность переживаний господина Н. Кроме того, автор делает его разносторонне образованным, хорошо разбирающимся в поэзии, классической литературе, музыке и живописи. Не случайно в повести заходит речь о «маленькой рафаэлевской Галатее» (разговор идет о прославленной фреске итальянского художника в римской вилле Фарнезина — «Триумфе Галатеи»), о «Грюне Гевёлбе» (то есть о коллекции драгоценностей в Дрезденском королевском замке «Зеленый свод»), о стиле ван Дейка (великого фламандского живописца, ученика Рубенса), об австрийском композиторе И. Ланнере, о поэме В. Гёте «Герман и Доротея» и балладе Г. Гейне «Лорелея». Этот мир искусств не просто упоминается в «Асе», а соотносится с интересами господина Н. Поэтому ни о какой односторонней характеристике героя повести не может быть

речи. Избранника Аси волнуют вопросы об отношении человека к природе, к долгу и самой любви. Ему присущи и такие возвышенные переживания: «Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Ее степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле». Это уже выражение самых высоких — патриотических — чувств и отрадная ностальгия по родине.

Тургенев внимательно и психологически тонко передает зарождение чувства молодых людей, смену их «безымянных ощущений», в которых чередуются «и грусть, и радость, и предчувствие будущего, и желание, и страх жизни». Он фиксирует приход «чудес первой любви», «лучезарный лик счастья», «избыток блаженства», трепет сердца, «отдание своей души другой душе».

В то же время писатель вплетает в ткань своей повести отдельные детали, которые свидетельствуют об отсутствии у г. Н. истинной глубины переживаний. Так, в исключительной по богатству предметов прикладного искусства галерее «Грюне Гевёлбе» господин Н. переживает «ощущение тоски и злобы» и чуть от них «с ума не сошел». Он грубо пересекает упомянутый лунный столб. Он абсолютно не реагирует на пушкинские стихи, напечтые Гагиным, на романс Гурилёва, на расспросы Аси о Лорелее. Более того, Н. не способен понять эмоциональные реакции девушки, суть перемен ее настроений и саму возлюбленную свою.

Правда, герой повести искренне увлечен Асей, отдается своим переживаниям, любовный сюжет медленно, но неуклонно движется к своей кульминации. Но мы все больше и яснее чувствуем, что Н. не принадлежит к ряду героев, что он не способен на самозабвенную любовь, будучи подверженным сомнениям и колебаниям. Он всецело занят собою, лишен нравственной целеустремленности, заражен эгоизмом и гамлетизмом. К тому же в его сознание слишком глубоко въелись сословные, барские предрассудки, и для него неприемлемы не только дикий нрав девушки, но и сомнительность ее происхождения. Н. слишком безволен и боится наложить на себя любые обязанности — личные, семейные, общественные. В то время, когда Асе кажется, что у нее выросли столь желанные крылья и она действительно способна подняться в поднебесье, когда повесть обретает краски «чистого золота поэзии», как оценивал ее Н. Некрасов, господин Н. предается рефлексии, маскировке подлинных чувств и душевной фальши. В решающий момент — на любовном свидании — он лукавит перед собою и проявляет несостоятельность перед героиней.

В сцене последней встречи г. Н. с Асей Тургенев развенчивает своего героя, рисуя его человеком нерешительным, нравственно дряблым, безвольным и трусливым. Вновь совпадают ситуации романа «Рудин» и повести «Ася». В обоих произведениях Тургенева героиня искренне любит, назначает свидание, проявляет самоотверженность и готова связать с избранником

свою судьбу. Последний же оказывается «не в состоянии... сказать наверное, любит ли он». Правда, герои этих произведений могут быть названы антагонистами. Если Рудин — мечтатель, вынужденный скиталец, философ и деятель, приуроченный для подвига, то г. Н. — праздный турист, сибарит и бездеятельный эгоист. Тургенев предлагает в «Асе» сниженный вариант типа лишнего человека, который оказался освобожденным от вечной неудовлетворенности, духовных недугов и нравственных страданий. Вместе с угасшим чувством любви в герое повести «Ася» гибнут и его художественные дарования, намеченные в потенции. Чуткий к красоте художник оказывается очень скромным дилетантом. Не случайно именно дилетантизм подмечает автор и в этом своем герое, и в «яростном» Гагине, перекликаясь с суровой оценкой этого явления, которую дал А. И. Герцен.

Повесть И. С. Тургенева замечательна не только яркой обрисовкой ее героев, но и мастерским воссозданием немецкой жизни в одном из районов Германии. Писатель выразительно передает атмосферу городка З. (имеется в виду г. Зинциг), в котором происходит действие, живописно рисует просторы могучего Рейна, дряхлые стены и башни, холмы и узкие улицы города Л., торжественные пиры — коммерш, на которые сходятся студенты одной земли или единого братства, рассказывает о фольклорных интересах немецких жителей, упоминает об отдельных артефактах Германии.

Надолго запоминаются пейзажи, которые открываются перед

путешествующими по немецкой земле. Картины природы даются здесь Тургеневым или в скупой, монохромной тональности, или в яркой колористической живописности. Натурные зарисовки писателя во многом зависят от меняющегося освещения, что придает им особую трепетность и психологическую соотнесенность с настроениями персонажей.

Повесть Тургенева была высоко оценена видными русскими художниками слова. Н. А. Некрасов после прочтения этого произведения писал о нем автору: повесть «прелесть как хороша. От нее веет душевной молодостью, вся она — чистое золото поэзии. Без натяжки пришлось эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, а вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте. Даже Чернышевский в искреннем восторге от этой повести».

Сам Н. Г. Чернышевский в известной статье «Русский человек на rendez-vous», анализируя повесть, остановился на рассмотрении характера и поведения ее главного героя, родственного таким образом, как Бельтов, Рудин, Агарин и др. Критик использовал фигуру господина Н. для резкого осуждения «лишних людей» и либерального движения его времени. Возлюбленный Аси «верен нашему обществу. Он не привык понимать ничего великого и живого, потому что слишком мелка и бездушна была его жизнь <...> он робеет, он бессильно отступает от всего, на что нужна широкая решимость и благородный риск...» Черты, определяющие сущность подобных людей, — нерешительность и бессилие. Герои эти «теперь не при-

годны к роли, которая дается им». Повесть имеет «направление чисто поэтическое, идеальное», а окончание ее — «во вкусе Печорина». Иное, отрицательное отношение к «Асе» выразил Л. Толстой. Он учитывал «личный» подтекст проблематики произведения, его автобиографизм и не одобрял позицию Тургенева в одном из кардинальных общественно-нравственных вопросов, затронутых в нем. Но автор «Казаков» неоднократно обращался к повести «Ася», высоко ценил начало произведения и его описания природы, «недосягаемые ни для кого из писателей».

Повесть Тургенева «Ася» вошла в бесценное классическое наследство русской литературы. Она и сегодня радует и волнует нашего читателя. В 1978 году по ней был создан замечательный фильм И. Хейфица «Ася», в котором режиссер и актеры (И. Костюлевский, В. Езепов, Е. Коренева) раскрывают тему и конфликт сердца и разума, духовного и расчетливо-эгоистического начала, крылатости и бескрылости. Фильм тонко и содержательно следует букве и духу своего первоисточника. Повесть «Ася» — одна из самых любимых книг нашего юношества.

Примечания

1. Островская Н. А. Воспоминания // Тургеневский Сборник/Под ред. Н. К. Пиксанова. П., 1915. — С.86-87.
2. Писарев Д. И. Сочинения: В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955. Т.1. — С. 256.
3. Там же.
4. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.-Л., 1960-1968. Т. VI. — С. 321.
5. Данилевский Р. Ю., Тиме Г. А. Германия в повестях «Ася» и «Вешние воды» // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. — Л.: Наука, 1982. — С. 83-84.
6. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М.: Гослитиздат, 1952. — Т. X. — С. 413.
7. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1947. — Т. V — С. 158.
8. Сергеев П. А. Как живет и работает Л. Н. Толстой. Изд. 2-е. М., 1908. — С. 53.

Александр Мецгер
(Россия, Краснодарский край, Краснодар)

С ТЁЩЕЙ НА РЫБАЛКЕ

Рыболов или охотник — это не просто увлечение. Это образ жизни. Об охотниках столько написано да рассказано, что, кажется, уже и добавить нечего. Вот, к примеру, случай про охотников.

Один мой знакомый стал похвастаться, что у него самая умная собака.

— Чем же это она умней других? — усмехнулись его приятели.

— А вот пошёл я как-то с Рексом на охоту, — стал рассказывать тот, — и вдруг вижу дичь. Кричу: «Рекс, утки!»

А Рекс, весь взвёрошился, и спрашивает: «Где?»

А чем хуже рыболовы? У них рассказы не менее правдивы, чем у охотников. Свяжи рыболову руки, так он на кулаках покажет, какой у пойманной им щуки был глаз. Вот и мне хотелось бы вам рассказать несколько правдивых историй.

Сначала расскажу о некоторых приметах, которых должны придерживаться настоящие рыболовы. Во-первых, перед рыбалкой нельзя с женой спать. Во-вторых, нельзя умываться, только на речке можешь глаза промыть, чтобы поплавок видеть. И самое главное — идти на речку без бутылки всё равно, что в магазин без денег. Но ни в коем случае на закуску не брать рыбу. Иначе рыба в речке увидит, обидится и клёва не будет. Ну вот, придерживаясь этих основных рыбацких примет и обычаев, вы сможете стать настоящим профессионалом, так как всё остальное придёт с опытом.

Пошёл как-то один мой знакомый на рыбалку. Смотрит, а на его любимом месте уже мужичёк сидит. Да так ловко у него получается, одну за другой рыбку дёргает. Ну, мой знакомый присел рядом, удочку закинул. Сидит пять минут, десять — клёва нет, а тот, что рядом, только закинет удочку и тут же вытаскивает, да не какую-нибудь мелочь, а сантиметров на двадцать пять рыбину. Мой знакомый и спрашивает:

— Слушай, друг, а на что ты ловишь?

— На червя, — отвечает незнакомец.

— Так и я на червя, а у меня не клюёт!

— А я заговор знаю, — усмехнулся рыбак, — с вечера червей накопаю и несу теще, чтоб поплевала на них. Видишь, лучше всякой приманки.

Так в тот день мой знакомый и не поймал ни одной рыбки. В другой раз он уже с вечера накопал червей и понёс теще. Тёща очень удивилась просьбе зятя, но после долгих уговоров и обещаний, что принесёт ей много рыбы, оплевала, даже больше, чем надо, всех червей. Утром довольный рыбак расположился на речке, открывает банку с червями, а они все дохлые, один лишь при смерти лежит, стонет и говорит:

— Уж лучше бы ты нас рыбе скормил, чем таким мучениям подверг.

Вот такая печальная история произошла с моим знакомым.

А однажды я с двумя приятелями на мопедах решил съездить на рыбалку. Как и положено, взяли с собой поесть-попить и необходимые для ловли снасти. Может, рыба ещё не проснулась, может, время для завтрака ещё не подошло, но клёва не было. Тогда мы решили позавтракать: рыба увидит, что мы едим, и у неё аппетит разыграется. На поляне, под деревом, расстелив клеёнку, расставили напитки и закуску. И только собрались завтракать, как вдруг что-то захрустело в камышах. Оглянувшись, увидели направляющегося к нам кабана с жёлтыми клыками, напоминающими два кинжала. Видно решил составить нам компанию. Через минуту, уже с деревьев, мы наблюдали, как гость, обиженный плохим гостеприимством, бродил по нашей закуске. Перевернув бутылки, он стал лизать жидкость с клеёнки, потом принялся за еду. Гость явно не торопился. Насытившись, он тут же, на импровизированном столе и уснул. Солнце начинало садиться, когда, наконец, он проснулся. Видно, его с похмелья мучила жажда. Побродив между бутылок и не найдя ничего съедобного, кабан хрюкнул, как бы прощаясь, и перевернув наши мопеды, ушёл в камыши. На задеревеневших ногах и с затёкшими руками, мы с трудом сползли с деревьев и, схватив мопеды, помчались домой. Вот такая неудавшаяся, то ли рыбалка, то ли охота, произошла со мной и моими приятелями.

Но самая удивительная история произошла с моим другом. И эту историю, по секрету, я вам и хочу поведать.

Вот говорят, что все люди произошли от обезьян, но это было так давно. А вот почему моя тёща, к старости стала похожа на своих дальних родственников, до сих пор понять не могу. Как подумаю, что и моя жена станет в её годы такой же, так меня в дрожь бросает. Кроме того, у тёщи ещё и инстинкты её дальних родственников проснулись. Как-то и говорит мне:

— Хочу на рыбалку.

Я-то на рыбалку не очень люблю ходить, ловлю в основном со сковородки.

Но убедительный аргумент, в виде волосатого кулака, с мою голову, сделал меня сговорчивым. Ну, как я мог отказать любимой тёще? В пять часов утра тёща вытянула меня сонного из постели, и повезла на своём мотоцикле с коляской на рыбалку. Проснулся я на речке.

— Качай лодку, — приказала тёща тоном, не терпящим возражения.

Через полчаса она прокричала:

— Придурок, возьми насос, ты своими лягушачьими лёгкими не то, что лодку, даже шарик не надуешь.

Насосом качать оказалось намного быстрее, чем ртом.

— Может, я на бережку посижу, пока вы ловите, — предложил я, надеясь ещё вздремнуть.

— Ты, что хочешь, чтобы я гребла? А ну, марш в лодку!

В лодке опущенной в холодную воду, моя нижняя часть туловища сразу же замёрзла, и я в уме не раз уже проклинал свою мучительницу. Кроме того, что я сидел на вёслах и должен был грести, в мои обязанности входило также снимать рыбу с крючка и насаживать червяка. Но хуже всего было то, что тёща не могла закидывать удочку. Когда она раскручивала удочку,

мне приходилось залегать на дно. Жужжащая над головой леска навела на меня ужас. После такого заброса лески, крючок, наконец, зацепился за камыши.

— Что расселся, — прокричала моя мучительница, — полезай в воду и отцепи.

— Может, подгребем, и я попытаюсь дотянуться до камышины, — робко предложил я.

— Ты что, хочешь, чтобы я лодку проколола о камыши? — рывкнула теща.

Вода была холодная. Хорошо ещё, что не глубоко: всего по пояс глубина. Отцепив крючок, я начал возвращаться.

— Я тебе не говорила, что здесь полно пиявок, — ехидно промолвила тещенька, как бы сочувствуя, — на прошлой неделе одного рыбака насмерть засосали.

Пиявок я боялся с детства, и поэтому ринулся к лодке со скоростью торпеды. Когда я завис на боку, лодка наклонилась, и теща, чтобы не перевернуться, решила веслом сковырнуть меня. Ей это почти удалось, но лодка всё же перевернулась, накрыв меня. Больше лодка меня не интересовала, так же, как и теща, все мысли мои были направлены к берегу. Когда теща с лодкой и удочкой вылезла на берег, я сидел под кустом и меня от холода била дрожь.

Теща зло посмотрела в мою сторону, плюнула и, погрузив вещи в мотоцикл, уехала. Целую неделю у меня от этой рыбалки не проходил насморк и кашель.

Когда я почувствовал себя лучше, появилась теща.

— Завтра едем на охоту, — заявила она, — на уток.

— Куда? — перепугался я.

— А здесь недалеко. В основном в камышах у реки.

— Так нужна же собака, — попытался я возразить.

— Вот поэтому я и беру тебя с собой, — решительно оборвала теща.

ТЁЩА

Хорошо иметь тещу где-нибудь за границей, ну, в крайнем случае, в конце станицы. А вот если она живет напротив, то жизнь становится в тягость. Каждый день ходишь, как по заминированному полю. Дрюне как раз не повезло. Угрюмый, да еще и скуповатый, он долго не мог найти невесту. А здесь как раз напротив — подходящая кандидатура. Это потом Дрюня узнал, после свадьбы, что у жены с головой не все в порядке. А вначале думал, что раз молчит, ни о чем не спрашивает, значит стеснительная. А это то, что необходимо идеальной жене. Может, они так бы потихоньку и прожили свою жизнь, но теща решила скрасить им будничные серые дни, превратив жизнь Дрюни в яркую, полную неожиданностей и приключений трагикомедию.

Ещё в день сватовства у Ивана Пискунова, или Дрюни, как его звали за глаза, возникли с будущей тещей Бугайкой, прозванной так то ли за фамилию, то ли из-за размеров, конфликты. Будущий зять требовал прида-

ное. Бугайка не отказывалась. Она предложила подушку, старый диван и настольную лампу. Полдня они торговались, и, в конце концов будущая мама согласилась дать еще утюг, правда, со сгоревшей спиралью. Эта победа окрылила жениха.

Свадьбу решили не играть, а сделать вечер, пригласив близких и друзей, так что гуляло с десяток старушек. «Растрат будет меньше», — радовался Дрюня. А зря. Бабки выпили ведро самогона и, как саранча, уничтожили все, что было на столах. Неизвестно, съели они или унесли с собой, но у каждой уходящей сильно оттопыривались карманы и раздулись животы, словно они были на девятом месяце. На следующее утро они требовательно во главе с Бугайкой стучали по окнам и в ворота. Дрюня выглядывал из-за закрытой шторы, притворяясь, что его нет дома. В конце концов, после трехчасового штурма, теща полезла, как самая молодая, через забор. Подгнившие столбы не выдержали такого хамства, и Бугайка рухнула на шиповник, оказавшись почему-то под забором. Чтобы её вытащить, полупьяные подружки полезли по забору, под которым лежала Бугайка. Неизвестно, чем бы все это обернулось, но у Дрюни кончилось терпение и, выйдя из хаты, он помог теще освободиться. Из денег, что подарили бабки, пришлось опять покупать старухам похмелку и закуску.

С женой, как считал Дрюня, ему повезло, и жил он с ней счастливо ровно три дня — именно столько, сколько болела после свадьбы Бугайка.

Злая и раздражительная, с раннего утра Бугайка явилась к молодоженам и начала обзывать зятя.

— Как тебе не стыдно: жена беременная, а ты заставляешь ее носить ведро с водой.

Дрюня даже поперхнулся от неожиданности:

— Как беременная? Мы же три дня как поженились.

— Ну и что, это достаточный срок. Я уже после первой брачной ночи знала, что беременна.

Схватив ведро воды, которое его жена поставила посреди двора, с интересом прислушиваясь к разговору, Дрюня молча вошел в хату. Быстро собрав кое-какую еду в сумку, приблизился к двери. Во дворе теща поучала дочь, как надо себя вести с мужем. Иван вышел на крыльцо. Теща, презрительно окинув зятя взглядом, повернулась и пошла к себе.

Утро, когда он уходил на работу, и вечер, когда возвращался, были для Ивана самыми напряженными. Можно было подумать, что теща специально следила за ним из окна. Стоило ему появиться дома, как тут же вырисовывалась теща с вечными придирками и нравоучениями. Самыми же тяжелыми днями были для Ивана выходные. Чтобы ее не видеть, Дрюня уходил то на рыбалку, то к соседям что-нибудь подремонтировать. И вот как-то копал он подвал одному из знакомых. И тот, как полагается, усадил Дрюню за стол. Выпили, и тут Ивана прорвало. Рассказал все, что накопело за последние дни.

— Что ты за мужик, — стал поучать знакомый Дрюню. — Возьми держак, да погоняй по улице. Вот увидишь, как шелковая станет.

Слова знакомого запали Дрюне в душу. Уже смеркалось, когда, покачиваясь, Дрюня возвращался домой. Теща его ждала.

— Ах, ты, алкота, — начала причитать она, но вдруг прикусила язык, увидев, как Дрюня молча отрывает штaketину от забора.

Все соседи высыпали на улицу, услышав визг бежавшей Бугайки, следом за ней с криками «убью!» мчался Дрюня со штaketиной.

Дальше было заявление участковому и отсидка в «обезьяннике».

— Ну что, алкаш, получил свое? В следующий раз посажу на больший срок, — радовалась злая баба.

Но Дрюня ласково посмотрел на Бугайку и загадочно молвил:

— Спасибо вам, мама. Благодаря вам я стал богатым человеком.

— Это как так? — недоверчиво покосилась Бугайка.

— А подметал я улицу и нашел портмоне, полное иностранных денег.

— Доллары, что ли? — заинтересовалась Бугайка.

— Во-во, они самые.

— А где они? — заволновалась теща.

— Да я их в погребе припрятал, не знаю, что с ними делать, то ли поменять, то ли продать.

— Дай, я посмотрю.

— Да смотрите, они между банок лежат.

Дрюня не ожидал такой прыти от тещи. Несмотря на свои габариты, она через секунду слезла в погреб. Снимая с полок закрутки, Бугайка даже не заметила, как из погреба исчезла лестница. Внимание она обратила лишь тогда, когда зять стал закрывать ляду.

— Это что ж ты, изверг, творишь? — заволновалась она.

— А это я приговариваю вас к пятнадцати суткам, — ответил Дрюня.

Что там кричала Бугайка, трудно было разобрать, и лишь первые три ночи соседи слышали, как у Дрюни кто-то воет и скулит. Соседям Иван объяснил, что привязал собаку, а та не привычна к цепи. А теща уехала на две недели в Дом отдыха по бесплатной путевке от соцзащиты. Эти объяснения вполне удовлетворили соседей и не вызвали никакого беспокойства. Жене же он наказал не трогать мать в погребе, пусть спокойно перебирает картошку. То ли Бугайка охрипла, то ли поняла, что выть по ночам бесполезно, но на четвертую ночь все было спокойно.

Ровно через пятнадцать суток в погреб к Бугайке опустилась лестница. Причитая и всхлипывая, Бугайка прямым ходом отправилась к участковому. Не знаю, по какой статье, но осудили Дрюню на год лишения свободы, но, так как эта статья подходила под амнистию, тут же, в зале суда, и отпустили.

С тех пор между Дрюней и Бугайкой началась скрытая война. То в обед Дрюня вместо еды в сумке обнаруживает кирпич, то кто-то подопрет двери Бугайки поленом, и та просидит до обеда взаперти. То в панталоны Бугайки, развешанные для просушки на проволоке, кто-то насыпал стекловаты, то у Дрюни из туалета повылазили все нечистоты, из-за того, что туда кто-то подбросил дрожжей. И казалось, конца этому не будет.

Но однажды Бугайка получила письмо от своей двоюродной сестры из Казахстана, в котором та просила срочно приехать, так как она при смерти и хочет отписать ей богатое наследство. С этим письмом Бугайка обегала полсела и одолжила огромную сумму денег на дорогу под будущее богатство.

Две недели ее не было, и все это время Дрюня был на седьмом небе. Приехала Бугайка с потухшим взглядом, молча прошла к себе домой и заперлась. Три дня ее никто не видел, пока одна из соседок не решилась проведать. Она узнала, что сестра живет в достатке, умирать не собирается и что у нее двое детей и четверо внуков. Но самое главное, что письма она никакого не посылала. Может, от жадности, а может, от мысли, что надо отдавать занятое, но вскоре Бугайка отошла в мир иной. Дрюня радовался бы, но когда он узнал, что как прямой наследник должен вернуть все ее долги, у него поднялись волосы дыбом. — Вот гадюка, — простонал он, — даже после смерти сумела мне нагадить.

ГРИБЫ ДЛЯ ТЁЩИ

Сознаюсь вам честно — я ненавижу собирать грибы. Один раз попробовал, так на всю жизнь хватило. Вообще-то, парень я городской, и, переехав жить в станицу, не знал, какие трудности меня здесь могут ожидать...

Но спустя некоторое время, ты начинаешь осваиваться и ко всему привыкать, в свободное время ностальгически вспоминая город. А свободно-го времени здесь практически не бывает. Весь год нужно делать запасы на зиму: фрукты консервировать, соленья всякие. Короче, всё лето горишь на грядке, чтобы осенью урожаем спрятать в подвал, а зимой его сожрать. Вот такая философия крестьянского уклада жизни на селе.

Весной это было, пришёл ко мне как-то сосед (помню, дождичек прошёл накануне) и предлагает съездить в посадку за грибами. Тёща тут же язык подложила:

— Любишь, небось, зимой огурчики да грибочки маринованные! Нечего дома сидеть, езжай, пока люди соглашаются тебя с собой взять.

Я ей и говорю:

— Я ваши огурцы не ем. Я ими закусываю.

Выносит мне тёща два ведра, литров по двадцать каждое, а жена ещё два кулёк, размером с мешки, в карманы сует.

— Оденься, чтоб клещи не прицепились, — советует сосед.

Ну, я сапоги резиновые и на спортивный костюм плащ с капюшоном, одел. Сели мы с соседом на его мотоцикл и поехали в посадку. Ближайшая, где растёт жердёла (это на местном диалекте называют так мелкий абрикос), находилась километрах в пяти от станицы. Сосед объяснил, что только в таких посадках растут грибы.

Вскоре съехали мы с трассы и подрулили к посадке.

— Мотоцикл оставим здесь, — говорит сосед, — а по посадке пойдём. Я с правой стороны, а ты слева иди.

Посадка небольшая — километра три. Разошлись мы в разные концы, и пошли, каждый по своей стороне. Сосед быстро пошёл. Минут через десять я его из вида потерял.

— И чего он спешит? — думаю, — столько грибов пропустил.

Через час я уже ведро грибов насобирал, а конца посадке и не видно. С полным ведром идти неудобно: спина болит нагибаться, плащ цепляется

за кусты и ветки. Но, когда и второе ведро наполнил, то идти стало совсем невозможно. А грибов видимо-невидимо.

Успевай только, срезай да складывай. Время словно остановилось, а посадка всё не кончается. Пришлось делать привалы. Но, когда кроме двух вёдер, ещё и кулёк добавился, перерывы на отдых пришлось делать чаще. Перенесу метров на двадцать вёдра, потом возвращаюсь за кульком, нарезаю по пути грибы в следующий кулёк. Где-то на середине посадки, так мне показалось, зазвонил мобильник.

— Ну, ты где? — услышал я голос соседа.

— Где-то на середине, — ответил я неуверенно.

— Как будешь идти назад, позвони, я приеду за тобой, — пообещал сосед.

И тут я понял, что остался совсем один в лесополосе. Кричи, не кричи о помощи — никто не услышит. Инстинктивно, я сильнее сжал нож и стал прислушиваться. Где-то скрипнула ветка, и я насторожился. В траве под ногами что-то зашуршало. Я отпрыгнул. Из травы выглянула мордочка ёжика. Увидев меня, он снова нырнул в траву. Впереди закаркали вороны, словно их кто-то потревожил.

— Может впереди кто-то есть? — мелькнула мысль.

Но, хочешь, не хочешь, а идти надо. С двумя вёдрами и огромными кулками я стал выбираться из посадки. Проползая под упавшим деревом, я плащом зацепился за сучок. Пришлось выползати из плаща, толкая впереди себя кульки и вёдра. И, вот она — свобода.

Оказывается, я не дошёл до конца посадки, каких-то метров пятьдесят. Оставив грибы, я полез за плащом. И тут начался дождь. Тяжёлые холодные капли застучали по листьям, и через минуту обрушился ливень. Деревья не спасали от дождя. Дождь длился недолго, но успел намочить меня с головы до ног. Наконец, я освободил плащ. Вернувшись к грибам, слил воду из вёдер и, взяв в руки поклажу, медленно побрёл по дороге. С каждой минутой грязь всё больше налипала на подошвы сапог. Ногу было не поднять, словно сапоги были на бетонной платформе. Руки, словно чугунные, ныли от тяжести, а ладони горели от кульков и вёдер. Всю дорогу, пока я шёл, одна только мысль успокаивала меня:

— Никогда больше не буду есть грибы, и никакая тёща не заставит больше меня их собирать.

Часа два, а может, больше, я плёлся, очищая о траву подошвы и делая перекур, чтобы дать отдых рукам. Подходя к концу посадки, я выругался:

— Чёрт! Надо же было позвонить соседу. Теперь ещё придётся ждать, пока он приедет.

Я начал искать мобильник. Раз по пятьдесят я проверил каждый карман, пока не убедился, что телефона нет.

— Наверное, потерял, когда под деревом ползал, — догадался я. — Если даже вернусь, то всё равно не найду то место.

Оставался единственный выход — идти пешком.

— Пять километров с кулками и вёдрами по трассе, — прикидывал я, — дойду часа за два, в крайнем случае, за три. Главное, до темноты успею.

Я бодро вышел на трассу. Проезжающие мимо КАМАЗы обрызгали меня с ног до головы.

Пришлось спуститься в кювет. Здесь снова на сапоги стала налипать грязь. Я стал оглядываться. Когда не было машин, я выбегал на дорогу и быстро, насколько позволяла моя ноша, шёл по асфальту. Когда приближалась машина, я снова спускался в кювет. Такие манёвры сильно тормозили моё продвижение. Теперь болели не только руки, плечи и поясница, но и икры ног. Мышцы стало сводить судорогой.

— Чтоб ты подавилась этими грибами, — мысленно желал я теще.

Плащ не спасал от холодного ветра, который пронизывал до костей, когда проезжала очередная машина. Мокрый спортивный костюм, не успевший высохнуть на моём теле, стал таким холодным, что меня начало трясти. Станица так медленно приближалась, что казалось я никогда не дойду до неё. Солнце начинало садиться, когда я приблизился к крайней хате.

— Ещё километр по станице, и дома, — мечтательно вздохнул я.

Эта мысль прибавила силы, и я стал не так часто останавливаться, чтобы передохнуть.

Почему на окраинах сёл собаки наиболее агрессивны? Несколько шавок привязались за мной. Пришлось останавливаться, чтобы камнями отогнать их. И вот он, родной переулок! За углом я увидел знакомый мотоцикл и рядом с ним соседа. Сосед меня увидел и заулыбался:

— А мы уже думали, что на грузовике за грибами придётся ехать? Ты почему не позвонил?

— Мобильник потерял, — прохрипел я.

Сосед заглянул в ведро, и глаза у него полезли на лоб.

— Ты что, так сильно тещу ненавидишь? — спросил он.

Я непонимающе поднял на него глаза.

— Да здесь всю станицу травануть можно, — продолжил он.

— Ты о чём? — спросил я, начиная догадываться.

— Ты же поганки насобирал, — привалившись на мотоцикл, стал хотать сосед.

Из калитки показалась теща. Она подозрительно покосилась на соседа, потом на меня. Наконец, она перевела взгляд на грибы и спросила:

— Тебе, зятёк, нажарить или замариновать?

Анатолий Тупицин
(Россия, г. Николаевск, Волгоградская область)

ШЛИ БЕЛЫЕ СНЕГИ

Старую Марью в распутицу да в морозы зимние во двор не выводили; сажали ее на стул у окна; смотрела она слепыми глазами в это светлое пятно, смотрела долго, словно видела в нем то, что нам, зрячим, не видно за суетной жизнью нашей, что видела она за свою столетнюю жизнь; светлое пятно окна для нее больше, чем просто кусочек сельской улочки, где мелькнут звонко детишки, бегущие в школу и из школы, то кто пройдет, прижимаясь к заборам, там, где еще топорщится не затоптанная жухлая травка, то, натужись, машина проползет по вязкой глинистой грязи, — не видит всего этого старая Марья: у нее за окном идут белые снега.

Бегут по первопутку каурые, а гривы их волнистые, как-то завитые, до самых колен полощутся; гладко скользят смазанные полозья саней по искристой солнечной дороге; даль прозрачна и глубока; вся земля представляется Марьюшке такой вот: без конца, без края светлой степью, чудно, когда тятенька рассказывает о лесах дремучих да про города из бела камня, о морях-океянах рассказывает; для нее мир — это степь, хуторок, заблудившийся на перепутье ветров, да вот, как сегодняшним днем, выезд в слободу, где маковки церковей золотые, Волга-матушка, как то море-океян.

Сбирались в слободу загодя, гостинцы готовили родным — по маме в слободе родня: Агафью, сестру мамину, отдали замуж за сапожника Андрея; домом справно своим живут, мастерскую сапожную держат, а мастеровым людям почет и уваженье.

Ох, да уж тянет в слободу Марьюшку, аль признаться боится себе, что так тянет — аж сердечко замирает? На крылах быстрых лететь готова, будь они, крыла; не крылаты кони, но несут все ж быстро, вон чуть марью даль потронулась: то берег правый Волги, Камышин там город, засверкают золотисто скоро и купола пяти церковей слободы Николаевской, Мыколаевкы, как по старому тут говорят. Ах, серденько, отчего ж так шибко трепещешь, рвешься отчего робкой птичкой из груди девичьей?

В тот раз Ваня сказал:

— Люба ты мне, Марьюшка..

Да сам весь аж пыхнул, картуз в руках теребит, теребит, а ей, Марьюшке, и охота, чтоб обнял крепко-крепко, и боязно как-то. «Ванюшка, радость ты моя!» — сказать хотелось, а язык, словно прирос, тяжелым стал. Не обнял, засмутился парубок слов своих потаенных... Тут Гришка, брат двоюродный, подскочил:

— Айда, Иван, — кличет, — там, на площади, цирк с Камышину приехал, чудеса казать будут. Ты то ж идешь, Манька?

— Как тятенька позволит, — промолвила лишь.

Не отпустил тятенька: негоже, мол, дивчине с парубками одной шлаться. Весь сказ. Да не весь, оказалось. В приезд другой — зимой, что солнечно лихо была, Ванюшка сказал: батьку попросит сватов заслать, а там, глядишь, и свадьбу справим. Но загад не бывает богат. Не случилось их свадьбы: пушай Царю-батюшке да Отечеству праведно сперва послужит Иван, а там уж само собой и семьей обзаводится — так порешила судьба их, оказавшаяся в руках старого иванового батьки. А тут и она — война проклятушая с германцем... Без вести Ваня пропал: то ль в плену где на чужбине мается, то ль в неродимой земле где косточки безымянно лежат.

Ждала-пождала; слезы все выплакала Марья; поддавалась-таки на уговоры тятеньки — не в девках век вековать, пошла замуж за Николая; с войны тот пришел; добрый, участливый Коля был, слюбились они крепко с Марьюшкой, да коротко счастье бабское, как лето бабье, травами переспелыми пьянящее. А тут травушки, что по росе Марья собирала, да сушила, настои творила, не помогли: в ту войну травили наших солдатешек в окопах германцы газами, оттого и зачах бывший служивый, помер, оставив жену молодую с грудным ребяточком.

Да как же маяться одной-то ей (маму с тятей в один год болезнь убрала с белого свету), кому нужна она, вдовушка с малюткой? А и нужна оказалось, потому как особой статью гордой отличалась Марья, красотой здоровою, душою доброю да не гуляща, а работяща была. Взял ее в ту пору в дом свой бобыль, хоть за тридцать перевалило, Степан, хуторянин. Так и зажили. Хорошо, плохо ли? На то Бог судья. А что кумушки судачили о своенравном, крутом нраве Степана, оно и правда: кулаков ей мужниных доставалось. Как без того бабе жить (дабы место свое знала), а жили не лучше и не хуже других, холод и голод одолевали вместе. Из семерых, троих деток из голодных годин вытянули. Особо из покойных поперву жалко Светланку было, убивалась Марья по ней; да и как не убиваться? Одна доченька народилась, а не уберегла. Голод тот год страшный стоял, падали прямо на дороге отошавшие люди, мерли; идет человек, качается, будто пьяный, упадет и помер. Грудная Светочка была, кусает десенками болтающиеся груди, а там же ни капельки молочка: макового зернышка уж столь дней не было во рту... От лепешек с лебеды откель взяться молочку-то.

Да что вспоминать? Кому и похуже доля выпала: соседей по хутору Дубининых тех вовсе в Архангельск сослали: ишь, кулаки... За то, что нанимали работать люд в поле да табун пасти.

Не успели обжиться (это при колхозах) хлопцы выросли, опять война, опять с германцем. И что им неймется, что за люди?

Старший, что от Коли был, Павло, в самом начале войны погиб под Киевом; Володька, как говорят, в рубашке родился — без единой царапины прошел ее от начала до самого Берлина; младшенький, Ванюшка, хоть культяпый, но живой с фронта возвратился, — радость для любой матери...

— Мамо, ты что дремлешь? Кличу, уж кличу, — услышала Марья голос невестки, Катерины, той что за Ванюшкой была. — Сейчас сбираться надо. И поедем. Сашка на машине отвезет. Что ты все в молчанку играешь, мамо? Иль осуждаешь нас: неблагодарные, мол, невестки?

— Что ж я? Господь воздаст... Намаялись со мной...

— И я то э говорю... Люди невесть что болтают: вишь ли пенсию себе твою забираем, дом твой на внучку переписали, что ты не нужна стала, так не знамо, как избавиться от тебя... Сама подумай: куда нам тебя девать? Сами уж одной ногой в могиле стоим, хвори одолели. Аннушка второй месяц в больнице. А мне что — разорвись? Дочка к себе кличет ехать, край треба помочь Ирке (мать я, аль не мать?). Ты на моих руках. Продыху нету. Пока Иван жив был, куда б ни шло, а тут одна-одинешенька... Не обессудь, мамо, к дочке поеду, дом продам, дело решенное. Не с пустыми руками поеду, не в приживалки к зятю, в городскую квартиру. Каки-никаки, а гроши неплохие за дом возьму, покупатель нашелся... Ты ж, мамо, видишь, как поныне жизнь повернулась, особо тут, на селе: развалилось хозяйство, с телятников даже шифер посдирали, кошары по кирпичику разбирают... Доярки, что надоют, по домам разнесут. Воруют и по крохе, и по крупному... Комбайнеры бункерами зерно продают... Ото еще — банкроты. Слух идет, что скупил хозяйство фермер какой-то — мешок денежный... Что будет — не знамо... Паи земли люди стали продавать... Я продала — на кой он мне? Ну ее к шуту жизнь такую... Тебе, мамо, там, в Доме престарелых, хорошо будет: довольствие полное, уход, врачи... Тут же — что случись: больничку нашу закрыли — в слободу тебя везти треба. Пенсию твою туда, в приют, перевели, на те пенсии вас, стариков, содержать будут. Опять же: мы не бросаем тебя, не приглянется, скажи, думать будем — куда тебя девать?..

«Что ж, видать, так лучше будет, — приходит к старой Марье думка. — Приют, так приют. Там то ж люди живут...» Но и обида приходит к старой Марье: сколь внучат вынянчила, взрастила она? Пока при мочи была, сама жила своим домом. Травами людей врачевала, заговорами. А как немочь одолела, сгорбилась и ослепла впридачу, то у одного, то у другого сына жила. Померли сыны. У невесток жила. Старшая, Нюра, обходительная. А эта, как вертихвосткой была, так и осталась, не больно свекровь привечала Катерина и при живом муже, а как Вани не стало...

— Где ж он, шелудивый, запропастился, на узлах сидим... Где его нелегкая носит... Не удался сынок, не удался... Не в Ивана покойного, царствие ему небесное. Обязательный мужик был. А этот, хоть не нажрался бы. Беда прямо с этой самогонкой... Пьют от мала до велика, с ума посходили... Мамо, я один платок пуховый положила тебе, а второй Ирочке отвезу, от бабушки, скажу, подарок... И колечко золотое тебе там ни к чему. А нам — память. Счас оно дороже...

«Колечко обручальное, Николаем дареное. В церкви Покровской венчались...» В памяти Марьи не его образ, а Ванин. Что все мысли о нем? Он объявился через много-много лет, когда и жизнь вся прошла. Из далекой дальней Австралии приехал; прижился там, семьей обзавелся, а домой,

в родимые места на старости лет потянуло — мочи нет: хоть перед самую смертью, а приехал проведать родню, могилкам поклониться. Как-то так случилось, что увидела его и Марья: словно годы его не берут: стройный, шустрый, волосы хоть реже стали, а теж черные, как смоль, лишь виски седина затронула. Как бы и горя не мыкал на чужбине, не чета там жизнь с нашей, легшее, выходит, жизнь там; глаза вот только выцвели, белесые стали, с каким-то холодным блеском ненашинским, чужие глаза.

— Марья Никитична, вы? — сказал.

— Батюшки мои! — только вымолвила Марья, враз в глазах свет и помутился.

Хоть слыхать-слыхала, что объявился Ваня, но не чаяла встретить... Разговора не получилось, так с пятое на десятое. Ох, и плакала потом Марья, ревом ревела, домой придя, как никогда за свою долгую жизнь не плакала. А что ревела, спрашивается? Себя саму так жалко стало...

Время, оно быстро летит, годы, как те короткие летние ночи, незаметно пробегают; только потом, когда ты уже никому не нужен, ни забот у тебя, ни хлопот, в глубокой старости сливается время в длинную тропу, на которой нет на счета шагам-годам, ни радостей, печалей не встретишь, потому, как другие ими живут, свои ты уже пережил; есть только вот эта сплошная знобкая последняя тропа, ведшая то ли в ад, то ли в рай, в эти годы уже и не важно — куда...

«Зажилась я на белом свете, зажилась», — думается старой Марье. Что греха таить, ждали и невестки смерти ее, но костлявая стороной обходила, детей всех позабирала, а она, беспомощна, почитай все ковыляет; у невесток, у них своих забот по горло, да еще при нынешней непутевой жизни. Они внучат-внучек своих, правнуков-правнучек Марьиных, переженили, замуж повыдавали; а она слепая, передвигает свои кости с помощью кого, а то вот сидит перед окном истуканом, как тот укор жизни, словно виновата в том, что задержалась на этом свете непозволительно долго...

Марья вздрогнула от шума.

— Явился-не запылится, оглашенный... Сашка, ты выпил? — голос Катерины.

— Ты че, ма, за рулем...

— Мамо, поднимайся. В дорогу пора.

...Через месяц старая Марья умерла там, в недавно открывшемся Доме престарелых; умерла тихо, ранним, ранним утром; умерла одна из первых жительниц этого печального приюта.

Лежала Марья в гробу величественная, с покойным лицом, а редкие крупные снежинки падали на него и не таяли.

Становилась зима.

Шли белые снега.

Ольга Геньба
(Россия, Воронежская обл., Семилуки)

ЖЕНЩИНА-ОСЕНЬ

Когда-то очень давно, более полувека назад, мы были детьми. Я и моя близкая подруга Вера. Жили мы в удалённом от центра селе Кантемировского района, граничащего с Украиной, и поэтому говор сельчан был почти украинский. Мы с подругой тоже «балакали».

Вот чёрно-белое фото. Мы с Верой стоим в школьных формах. Заснял нас, поступивших в первый класс, приехавший со станции фотограф. Две маленькие худенькие девочки совсем не похожи друг на друга. Одна — светловолосая и кудрявая. Это я. Другая — с чёрными, словно крыло галки, волосами, чёрными, красивой формы, бровями и карими глазами. Это Вера.

Как давно это было...

А теперь я смотрю и не могу насмотреться... Передо мной, на светло-коричневом кожаном диване, полулежит прекрасная полногрудая женщина. Густые волосы её аккуратно уложены. Брови изящно изогнуты. Глаза сквозь черноту длинных ресниц искрятся какой-то необычной таинственностью. Губы застыли в полуулыбке... Нет, это не улыбка Джоконды, которой не устанут восхищаться поколения. Нет! Здесь — нежность, тайна, радость, искренность и немного волнения. Тёплый свет обнимает её. Интерьер комнаты соответствует настроению. На стенах — рамочки с вышивками.

Я недоумеваю. Впервые вижу её такой... достойной кисти художника!!! Некоторое время люблюсь ею. И вдруг слышу:

- А знаешь? Я картину написала.
- Как?!
- А вот по-настоящему!
- Акварелью?
- Нет. Маслом, на холсте. Это осень.

Смотрю и не верю глазам своим... Ряды деревьев — в красном огне заката. Улицы — мокрые от дождя. И — двое влюблённых вдали, уходящих в осеннюю зыбь. И листья... листья... листья... Листья прошлого лета.

Никогда не думала, что картина может так взволновать и обрадовать, заставить даже прослезиться. Это её работа! Невероятно! Талант проснулся в подруге моей недавно!

Не так давно я узнала, что один из периодов жизни женщин называют «женщина-осень». У китайцев есть возрастной гороскоп, который помогает понять себя и окружающих людей. Он разделяет жизни человека на 12 периодов. Нынешний наш возраст принадлежит 10 периоду и име-

ет такие особенности: душа приобретает взлётность, люди становятся поэтами, впадают в творчество. Вырастает любовь ко всему прекрасному; прощальная вечерняя любовь облагораживает душу. Женщина вновь очаровывает мужчин и лишает их покоя.

Её зовущее тело, лучащиеся глаза, манящие движения, искренние чувства — всё притягивает взор особой противоположного пола и заставляет их желать такую женщину, женщину-осень. А она слаще женщины-весны и мудрей!

Виват Вере! И пусть как можно дольше в ней сохранится надежда, любовь, желание творить!

ВЕДЬМИНО ДЕРЕВО

Самое престижное достояние деревенского сада — ореховое дерево. Да-да! Настоящий грецкий орех, а не какая-нибудь лещина, которой в лесу видимо-невидимо. Это дерево гордое и величавое. Чтобы дожидаться от него плодов, нужно прожить с ним рядом не год и не два, а лет десять-двадцать. Лелеять и холить его. Любоваться им. Говорить приятные слова. Нежно гладить по светлому стволу. И каждый год надеяться и верить, что однажды осенью дерево досыта накормит всех орехами.

«Ведмино дерево» — так называют его в народе. О причине догадаться трудно. Может, потому так названо, что не растёт ничего под ним: ни травинка, ни цветок, ни кустик. Хитрит с людьми. Суков на нём нет, чтобы забраться и оборвать урожай. Лестницу подставить негде: только пышность веток кругом. И орешки выщёлкивать осенью начинает как-то тайно, не сразу заметишь. А, может, оттого, что только во дворе у ведьмы приживается? Трудно сказать...

А орехи-то, оказывается, целебные. От многих болезней излечивают. Вот и ждут-пождут хозяева урожая. Да что ждать-то, если прибылью только то и будет, что упадёт на землю? Собирать орешки каждый день надо. Дерево любит, чтоб кланялись хозяева ему часто.

Вот уж зелёные створки на плодах полопались, а дерево всё не пускает орешки на землю. Вот уж и створки высыхать стали, а всё равно держат плоды.

Тут дятлы стали прилетать, сойки, распознав про ореховое дерево. На земле появилось много пустых скорлупок. Пусть питаются птички божьи! Только в радость! Так приятно слышать утром через окно различные звуки от птиц: и как орех раскалывают заботливо клювом, и как возгласами родню к обеду собирают, и как с шорохом роняют на землю пустую ореховую скорлупку.

Однажды случилось невероятное. Как галки узнали про вкус ядрышек ореха? Как место нашли? Вначале прилетело несколько больших чёрных птиц. Заговорили между собой. Листья с орешника к тому времени осыпались уже и, издавая терпкий запах, удобно распластались на земле, излучая янтарный свет. Дерево обнажилось. Только на верхушке его, в засохших створках, притаились и ждали своего часа орехи. И этот час

наступил! Не прошло и минуты, как на орешнике появилось столько много галок, что дерево сделалось чёрным. Шумно стало. Каждая из птиц о чём-то рассказывала, хвасталась, смеялась. Ключи их казались такими большими! Галка, уместив целый орех в клюве, улетала. Ветка сотрясалась от сильного упора птичьих ног... И с дерева посыпался на землю град ореховый... Так было до тех пор, пока хозяин свистом не согнал галок с ведьминога дерева.

На земле остался слой орехов. Целая корзина набралась. Так и отблагодарил орешник за поклоны.

ПРИВЕТ, АНДРЕЙ!

Мне кажется, я никогда-никогда не сумею разлюбить тебя. Огромные расстояния и пространства посылают и посылают горячие биотоки от тебя — ко мне, от меня — к тебе. Время лишь раздувает огонь, пылающий в груди... Наверное, так бывает. И нельзя забыть. Нельзя успокоиться. Можно лишь помнить. Всегда помнить. Помнить душой. Помнить телом. Каждая клеточка тела обращена в твою сторону. Извилины мозга рисуют фантастические картины прошлого. Это прошлое неисчерпаемо! Там — дыхание и вздохи. Там — объятия и возгласы. Там — запахи и твоё крепкое тело. Я утопаю и растворяюсь в тебе.

Но безнадёжность сушит слёзы на глазах и студит горячее дыхание. Безнадёжность заставляет потушить огонь в глазах. Безнадёжность мучит. Наверное, души и тела наши слились воедино в том Звёздном Замке во Вселенной, приснившемся мне когда-то. Слились и трубят во все трубы Гимн любви, родившейся однажды.

Наверное, стоит выстрадать и выждать, чтобы услышать слова твои:

— Привет, Королева моя! Моя Богиня! Сладкая Фея...

НА ДАЧЕ

Полную успокоенность и согласие с самим собой Пётр Сергеевич в последнее время стал находить на своей даче. Это был старый, полузаброшенный домик со скрипучим, покосившимся крыльцом. Маленькие окна его выходят в сад. Створки окон открываются, щедро впуская в комнаты весенние ароматы. В них трудно разобраться: то ли сирень кормит обоняние дурманящим запахом, то ли вишня, помахивая цветущей веткой, посылает волшебные пассы, то ли черёмуха (совсем с ума сошла!) возбуждает давно забытые чувства...

Огородом Пётр Сергеевич не занимался: интереса не было. Пенсия хорошая. Все овощи можно купить. Пришло такое время на склоне лет — только жить да радоваться жизни. Вот он и радовался. Утомила

городская суета. Казалось, наслаждался одиночеством на даче. Умилал даже старый колодец, в котором собиралась только родниковая вода. Раздевшись до трусов, наш пенсионер неспешно подходил к колодцу, цеплял ведро на крюк журавля, неспешно вытаскивал наверх ёмкость, наполненную живительной влагой, и, гоготнув, обливал себя с головы до ног, громко побрякивая. Другое ведро нёс в дом. Потом выходил на крыльцо, вытирался полотенцем.

Следующее занятие — обойти весь сад, поговорить с каждым деревом, душу отвести.

— У-у-у-х, заболела, подружка моя, — сочувственно бубнил он грушенке, — лечиться будем. Ты у меня снова, как новая, станешь!

— А ты что-то не к добру цветы-то распустила пышно: чай, облетят все, плодов не дождёшься, — недовольно говорил он вишне. — Ладно. Подождём. Посмотрим.

— А на тебя вообще смотреть не хочу! Смутьянка ты! Как есть — смутьянка! — прыскал хозяин на черёмуху. — Что гроздь развесила? Манишь всё?! Ни к чему старика волновать! Пустое всё! Было да прошло! Нет больше никого и ничего! Нету-у-у-у...

Пётр Сергеевич печально отвёл глаза, почесал аккуратно подстриженную седую бороду, махнул рукой.

— Э-э-э-х, что было, то прошло!

В пятницу, к вечеру, на дачи съезжались люди. Говорили. Хохотали. Работали. Пели. Тишина, потопившая имения доселе, зазвучала.

Пётр Сергеевич вышел на крыльцо встретить вечернюю зорьку.

Приятное тепло сельской весны. Неуловимые и яркие запахи. А ещё — ни с чем не сравнимые звуки — пение соловья. Родина это.

— Красотища-то какая! — подумалось ему. — Нигде за рубежом не сыщешь такого.

Теплом и радостью наполнилась душа его. Он поднял глаза в небо и забылся...

— Мужчина, помогите, пожалуйста, — вдруг отвлёк его от приятных раздумий женский голос.

— Это вы мне? — почти робко произнёс Пётр Сергеевич.

— Да, вам. Я не знаю, как ведро закрепить.

Он спустился с крыльца и неспешно пошёл к колодцу. Там стояла молодая темноволосая женщина. Она была так притягательно хороша, что глаз нельзя отвести. Стало неловко. Но хотелось смотреть, можно даже сказать, что бессовестно смотреть на неё.

Пётр Сергеевич машинально закрепил цепь на ведре, сам спустил его в колодец, сам достал и поставил на лавку.

— Вот. Пожалуйста. Возьмите.

— Я очень вам благодарна.

... Эти большие карие глаза и чёрные брови! Эти ослепительно-белые зубы! Это манящее большегрудое тело! А эти ляжки!.. Эти божественно красивые ляжки, полные и загорелые...

... До глубокой ночи одиноко просидел на крыльце Пётр Сергеевич.

С особой силой и старанием рассыпал свою песню по свету непревзойдённый гений пения — соловей.

Ярко-ярко висел на небе лунный рожок. Если приставить палочку, то получится буква «р». Сие значит, что луна нарождается. Значит, всё впереди.

Большая Медведица демонстрировала свою яркую необычность и красоту.

Черёмуха расхвасталась запахом.

До утра не сомкнул глаз герой наш...

— Напророчила ты мне, черёмуха... Уговаривать буду... Ждать буду... Такая женщина! Моя будет! Моя!

КРИМИНАЛЬ-ТАНГО

Взбудораженный и злой Митька выскочил из дома на улицу. Он рьяно жестикулировал руками и выкрикивал:

— Вот знай теперь! Так твою мать! А то всё: Катя! Катя! А она — на тебе! Сколько ж можно на работе задерживаться?! Дела у ней! Не дела это! А мужики! Мужики с ума сводят бабу! На работу звоню — нет её! И дома — нет её! А где ж была-то? А?! Где была???

Чтобы успокоиться немного, Митька побежал в сарай скотину управлять. Оттуда ещё некоторое время слышалась матерная брань в адрес жены.

Почти сорок лет прожили совместно Митька с Катей. Дом построили. Хозяйство завели. Двух детей вырастили и выучили. Теперь вот троих внуков поднимают, ненаглядных и любимых.

За долгие годы всякое бывало в семье. Но как бы ни злился Митька, руку на жену никогда не поднимал. Кричал, ногами топал, руками размахивал, матерился, а чтобы тронуть — нет! Ревновал её всю жизнь. А как не ревновать? Красавицей была Катерина. Кареокая, с густыми чёрными волосами. И седины-то до сих пор нет. И зубы белые, красивые. Крутые бёдра, пышная грудь, массивные ляшки не давали покоя мужикам. Заглядывались все. Любовались. Compliments в след отпускали. Не зря ревновал муж. Светились глаза у Катерины от приятных слов и жадных взоров. И не отгородиться от этого, не спрятаться. Загоралось огнём всё внутри. Страстью жгучей была наделена она. И годы не при чём.

— Уеду от тебя к матери! Попробуй: и на работу сходи, и скотину управь, и огород обработай! — всё никак не мог успокоиться Митька. — А то ишь! Всё ей на подносе! И купаю её! И обед на работу собираю! Попробуй вот одна покружись со скотиной-то! И доить до сих пор не идёт! Обиделась, видите ли! Загордилась!

Не успев остыть от приступа гнева, Митька побежал в дом продолжать скандал. Ещё у входной двери он услышал, как Валерий Леонтьев с плейкаста на компьютере вновь и вновь пел одно и то же:

— Криминаль-танго! Криминаль-танго! Криминаль-танго!
— Криминаль-танго! Криминаль-танго! Криминаль-танго!
— Музыку она слушает! Тут не до музыки! Управляться надо! Иди корову доить! Делать больше нечего, как песни слушать?

Не разуваясь, он забежал в комнату и увидел, что жена лежит на кровати неподвижно, голова неловко откинута назад. Катерина показалась ему такой красивой, несмотря на свои почти шестьдесят лет, такой статной... Круглые груди заманчиво развалились в обе стороны. Тело влекло. И Митька готов был простить жене всё заслуженное и незаслуженное.

— Что? Притворилась? Не бойся! Не буду я тебя больше трогать! Иди корову подои! Поздно уже! И самим пора спать ложиться.

В ответ — ни звука, ни шевеления. Митька подошёл к кровати, нагнулся, взял жену за плечи — никакой реакции. Начал трясти её — напрасно! По щекам бить — не очнулась Катя.

— Ой, что ж делать-то?! — заголосил он... завыл диким голосом. Вцепившись руками в голову, начал рвать волосы... Выскочил на улицу, сопровождаемый голосом Леонтьева:

— Криминаль-танго! Криминаль-танго! Криминаль-танго!

Его окружила тёплая весенняя ночь. Луны ещё не было. Миллиарды звёзд укоризненно и неуютно смотрели на него со своей недостижимой высоты. Аромат цветения не давал дышать...

— Господи! Что я наделал?! Что я наделал?! — услышал Митька жуткий голос, свой и будто бы не свой...

Он упал на колени... Бился головой о землю... Рвал зубами траву и выл... ВЫЛ... ВЫЛ...

— Что я теперь без неё? Кто я? И зачем?

Митьке явно представилась сцена скандала: жена что-то громко возразила... он бросился её душить и, повалив на кровать, в гневе выскочил из дома.

— Неужели я так сильно сжал ей горло? Не может быть!

— Во зле всё может быть, — умиротворённо подумал он.

И тут, будто какая-то догадка осенила его. Он медленно поднялся с земли. Подошёл к ёмкости с водой. Вымыл в ней руки. Умылся. Вытерся краем рубашки.

Он уже не кричал... А был тих и спокоен. Какое-то минутное отрезвление сделало из него совсем другого человека.

Согнувшись, по-стариковски шаркая ногами, Митька открыл дверь в дом и прошёл на кухню. Остановился посередине. Неспешно снял с себя рубаху, потом майку. Расстегнул и спустил штаны... снял трусы. Оказавшись совсем голым, стал, осторожно ступая, ходить по кухне, открывать и закрывать ящики столов и дверцы шкафов.

— Криминаль-танго! Криминаль-танго! Криминаль-танго! — равнодушно и спокойно звучал голос певца.

— Вот он! — прошептал Митька, доставая из ящика большой нож, похожий на финку, заострённый с обеих сторон. — Так-то лучше будет!..

Совершенно голый, с ножом в руках, он двинулся в комнату, где лежала жена. Подошёл к кровати. Совсем близко.

— Что я без тебя? Что я без тебя? И зачем? — прошептал Митька и приставил острие финки к своему горлу... И вдруг услышал (и не поверил своим ушам!) тихий голос жены, почти шёпот:

— А мне мама приснилась... Я увидела её в саду, бросилась к ней и говорю: «Мама, я так соскучилась по тебе... Я иду к тебе...» Она отвернулась от меня и прочь пошла. Я слышала её голос: «У тебя ещё долг остался на земле — внуки...»

Так же тихо и таинственно Катерина продолжала говорить:

— Митя, а почему я одетая уснула? А ты почему раздетый?

Ещё секунду-другую Митька стоял, как в забытьи. Потом — мгновение ока — и нож оказался на ковре, вдали от него. Он бросился на колени перед кроватью, где лежала жена, схватил её руку, начал целовать её, рыдая и с трудом выговаривая слова:

— Прости меня, родная моя! Прости! Прости! Не жить мне без тебя! Одна ты у меня! Одна на свете! До конца жизни! Прости!

— Криминаль-танго! Криминаль-танго! Криминаль-танго!

— Криминаль-танго! Криминаль-танго! Криминаль-танго!

ПРО АНДРЮШКУ

На улице моросит мелкий дождь, сыкотно и холодно, хотя осень только началась. В доме тоже неуютно и холодно. Отчима и матери нет. Андрюшка сидит у окна, вглядывается в дождь и ждёт почтальонку, тётю Валу. Ему необходимо её увидеть.

Из школы он прибежал специально раньше обычного. Поесть ничего не было, а очень хотелось. Это чувство голода не покидало Андрюшку никогда, всегда до тошноты хотелось есть. В школе он пристраивался около ребят, которым из дома давали бутерброды с толстым, влажным и розовым куском колбасы. Она так пахла! Слюнки текли. Он просил откусить у одного, у другого, но лишь больше возбуждал желание поесть. Хлеба к чаю, что готовили в школе, у него тоже не было. Ребята охотно делились с ним. А однажды, ещё в третьем классе, Андрюшка это хорошо помнит, учительница купила и дала ему ромовую бабу. Мальчик скромничал и отказывался брать, а сам не сводил глаз с румяной сочной булочки, облитой сверху чем-то белым. Булочка сладко пахла. Не взять её просто нельзя было. Андрюшка никогда такого не ел. Тогда учительница, взяв его за плечо, мягко спросила:

— Андрюша, ты кушал сегодня утром?

— Да! — выпалил тот и опустил глаза.

— Ты, наверное, уже пил чай с булочкой? Поэтому отказываешься?

Чай с булочкой? Разве это много для завтрака? Вот суп и картошка — это другое дело. Андрюшка подумал и сказал:

— Нет, я ел суп и картошку.

Тогда внимательная учительница подумала и обманула Андрюшку:

— Но эту булочку купила тебе мама и просила тебе передать.

— ?!

Андрюшка хорошо знал, что такого быть не может, но отвернуться от гостинца не мог. Рука потянулась за ром-бабой. До конца уроков, все оставшиеся перемены, он экономно ел ром-бабу, всякий раз слизывая сладкую обливку и откусывая маленькими кусочками маслянистую и сочную булочку с изюмом, мальчик, глядя в глаза одноклассникам, говорил:

— Мама купила.

Андрюшке вообще везло на хороших учителей. Поесть досыта — это было не единственной его мечтой. Ещё больше ему хотелось хоть раз побывать в кукольном театре. Однажды кукольный спектакль привезли в школу. Приглашали только учеников начальных классов, а он был уже в восьмом. Он всю перемену наблюдал, как артисты носили в класс яркие декорации, огромные сумки. Он даже не пошёл на урок, всё подглядывал в щель, как в классе устанавливали разноцветные лампы, пёстрые кулисы, картонные деревья, доставали замечательных кукол.

Где-то под ложечкой защемило. Всё так рядом. А попасть нельзя. И денег нет... и с малышами стыдно сидеть.

Андрюшка до сих пор ростом с третьеклассника. И свитерок, и пара рубашек, и вторая обувь, купленные ему к сентябрю пять лет назад, были ему впору. Носил он всё бережно. Только сандалеты стоптались, и большой палец вылез; одевать такую маленькую, совсем детскую обувь было стыдно. Бледно-синее маленькое личико. Светлые волосики. Веснушчатый вздёрнутый нос. Глаза большие и печальные, а в последнее время воровато блуждающие по сторонам; веки припухшие и всегда красные. Андрюшка уже вовсю курил, делал взрослые движения рукой, и затыгиваться пытался. А на уроке кружилась голова, откуда-то из-под языка и из щёк текли слюни, ужасно тошнило. Ему хотелось плюнуть, и подышать свежим воздухом, и поесть. Тогда он громко выкрикивал на уроке:

— Можно выйти?!

Через несколько минут повторял свою просьбу вновь и вновь.

Как-то летом в сарае взрослые парни дали ему покурить скрученную из газеты сигарету. Андрюшка курнул, и все домашние неприятности, школьные беды вмиг перестали существовать; сердце и тело победила радость. Забылась мамка, которую он так любил, и которая так надрывала его душу. Мамка принимала всех мужиков, и Андрюшка знал, зачем они приходили. Сначала пили за столом самогон, стараясь спить отчима. Отчим быстро уходил из-за стола, раскачиваясь из стороны в сторону, сшибая по пути табуретки, охая, падал в маленькой комнате на кровать, в чём был, и засыпал сразу. Мамка ещё продолжала выпивать и хохотала с мужиками. Потом её, раскрасневшуюся и захмелевшую, вели на кровать за ширму.

Андрей слышал вздохи, похабный смех, противную возню, стоны. Он закрывал уши руками, зарывался головой под подушку и силился уснуть, скрыться и вообще перестать существовать... После всего мальчик бесшумно поднимался со своей кровати, шёл на цыпочках в мамину комна-

ту, тихонько отодвинув занавеску, смотрел на мать, взлохмаченную и потную. Он всхлипывал, подходил и, размазывая кулаком слёзы, поправлял смятые простыни и натягивал одеяло на мамкины разбросанные ноги. Потом приваливался к толстому боку матери, сворачивался калачиком и, выплакавшись, засыпал, оставляя горькие складочки на лбу и вокруг рта.

На следующий день он не ходил в школу: мать спала долго и не будила сына. Так повторялось много раз. Пришла учительница, но застала мать трезвой, в доме было чисто прибрано; поговорив, ушла. Андрюшка испугался, но не за себя, а за то, что учительница всё узнает про мать. Появлялся в школе поникший, затравленно смотрел на всех, старался заявить о себе, как-нибудь выделиться. Пусть знают, что с ним всё в порядке, и дома тоже всё в порядке. Через время опять пропадал.

Впервые Андрей попробовал самогонку у себя дома. Он допил из одного стакана и чуть не задохнулся, так загорелось в горле, сразу ослаб, добрался до кровати и крепко уснул. В другой раз мужики вытащили его из комнаты к столу. Мальчик упирался и не хотел идти. Налили ему стакан и заставили пить: «Ты мужик или нет?!». Сделал несколько глотков, поперхнулся и закашлял. Мать смеялась.

Наверное, учительница давно догадалась про мамку или узнала от кого-то, поэтому и жалеет. Она заметила его любопытные и жадные глаза в коридоре, когда привезли кукольный спектакль, подошла, протянула билет и сказала:

— Андрюша, присутствуй на спектакле вместо меня, присмотри за малышами.

Неслыханная радость! И у Андрюши опять навернулись слёзы...

Совсем темно стало за окном, как Андрюшка увидел знакомую фигуру почтальонки. Она широко шагала в мужских резиновых сапогах прямо по лужам. Андрюшка выскочил, в чём был, на улицу, побежал за ней и закричал в спину:

— Тётъ Валь! Не отдавайте мою пенсию мамке! У меня нет обуви, и есть нечего!

Я ТАК ВЛЮБЛЁН...

Он пожирал её глазами везде. Огненные стрелы направленных на неё глаз прожигали насквозь даже зимнюю одежду и добирались до самого сердца. Она чувствовала этот взгляд спиной, отвернувшись и набрасывая капюшон с шарфом. Вот сейчас она посмотрит на него в ответ, а он глаза опустит и уйдёт. Он следил за ней в приоткрытую дверь, когда она вела урок, объясняя у доски, а затем наклоняясь к каждому ученику. И она, в очередной раз почувствовав этот взгляд, поворачивала голову и видела в дверном проёме глаза, горящие, как угли.

Когда же не было учеников, он проходил в класс и, смущённо улыбаясь, задавал какой-нибудь пустой и смешной, заранее приготовленный вопрос:

— А как сделать пять ошибок в слове «ещё»?

Улыбка... Притяжение взгляда... И... больше ничего...

Но почему же кровь приливает к лицу? Почему сердце бьётся учащённо? Почему радость вдруг нахлынула?

А какой ароматный и целебный чай он приготовил, когда ей хотелось пить!

— Я знаю, какие травы там были, — сказала она.

— Какие?

— Колдовские. Влекущие... Мне семь ложек сахара. И не размешивая, — шутила она. — Я сладкое не люблю.

И он приносил приторный чай. И она пила. По глотку. Растягивая удовольствие.

А однажды ей стало плохо. Он довёл её до санчасти. Ждал. Переживал. На другой день, встретившись с ней глазами, спросил:

— Чаю хотите?

— Хочу!

Засуетился. Принёс. Пожелал приятного аппетита.

Всякий раз, прощаясь, выходил в коридор, ждал, когда она появится. Ловил взгляд. Заглядывал глубоко-глубоко в душу. Там, в глубине души, становилось тепло и томно и у него, и у неё.

Однажды на стопке ученических тетрадей она обнаружила чистый лист, в самом верху которого мелко-мелко написано: «Я так влюблён!»

Глаза лучатся. Краска заливает лицо. Слабость в руках и ногах... И радость, улетающая до самого неба! Только там, высоко в небе, — счастье и свобода. А здесь, на земле, — десять железных дверей и решёток, колючая проволока наверху высокой стены-ограждения. Здесь нет свободы. Зона здесь. Колония строгого режима.

Булат Тугельбаев
(Республика Казахстан, г. Астана)

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ...

Моей маме и моим тётям...

Лет тридцать назад я учился в одной из школ Целинограда. До сих пор ясно помню тот морозный зимний день, когда директор школы зашел в наш класс с новой учительницей. Огромные голубые глаза, добрая, какая-то чуть застенчивая, улыбка и изумительные коленки. Недавно мы с сыном смотрели фильм с Джессикой Альбой, кажется «лапочка», да она и была именно лапочкой, вы понимаете, что я имею в виду?

Конечно, все мы, пацаны, пали жертвами Ольги Николаевны. Чего стоил урок о теории эволюции? Листая классный журнал, и видимо наткнувшись на необычную фамилию, она сперва звонко рассмеялась, затем, спохватившись, попыталась сделать серьезное лицо, и, наконец, начала урок словами:

— Кстати, об эволюции... Свою фамилию я ненавидела с детства. Мало того, что был знаменитый белогвардейский атаман Шкуро, так еще при моем появлении на улице любой ребенок считал своим долгом крикнуть вслед что-то типа «Ольга Шкура в лес подула, грибы съела, отупела». «— Всю жизнь я мечтала сменить фамилию, — продолжила преподаватель, — и может быть поэтому на первом курсе института выскочила замуж, и пример эволюции вы можете видеть на мне. Из Шкуры я превратилась в Шубу».

Всю остальную часть урока Ольга Шуба объясняла нам теорию эволюции Дарвина. По окончании урока, когда в ответ на её вопрос: кто верит, что человек произошел от обезьяны, мы дружно подняли руки, она с грустью заметила, что каждый волен верить в то, что он хочет, но она знает, что лично ее предки произошли от инопланетян.

Что не от инопланетян, я понял с первого взгляда на нее. Со второго — понятно стало, что если все же от инопланетян, то наши предки были с одного космического корабля.

Удивительно, порой хватает одного взгляда на человека, чтобы почувствовать симпатию, душевную связь на уровне подсознания. Что-то неуловимое, давно знакомое, но забытое, как мотив африканских тамтамов, тянет полюса магнитов друг к другу, но по той же причине не даст никогда быть вместе.

Наш класс не был исключением из тысяч подобных классов советской школы. Новый микрорайон построили рядом с кварталом хрущевских многоэтажек, и поэтому в течение нескольких лет из-за переполненности

местной школы, дети новоселов вынуждены были ездить в старые. Куда бы ни шло в осенние и весенние месяцы, но зимой для пацанов это было сущей мукой. В те зимы в провинциальном Целинограде дожидаться редкого автобуса было просто очень холодно. Мокрые после вчерашнего хоккея ботинки сдавливали ноги морозными клещами. По прибытии в школу они раскисали и чмокали снизу войлочно-резиновым чмом. Они так и назывались, — прощай, молодость.

Ко времени сдачи в эксплуатацию школы в микрорайоне, подростки в основном были уже знакомы. Общий футбол, хоккей.

Это была удивительная сборная солянка. В одном подъезде жили иomenclатурный работник обкома партии, и вчерашний зеК, получивший квартиру после сноса барака в районе лесозавода. Заведующая универсамом соседствовала с учителькой физики. Дома в микрорайоне располагались соответствующим образом: шестнадцатый дом соседствовал с третьим, а первый с десятым. Сами строители создали весь этот хаос.

В классе, как и положено любому классу, основная масса плыла по течению, но были и свои зубрилы, свой скрытый лидер и конечно свой придурак. Им у нас был второгодник Дисюков. Небольшого роста, упругий, словно черный, резиновый мячик, с вечным ежиком на голове, он вечно скалил зубы и пытался на кого-нибудь наехать. Когда у него не получалось, он весело хохотал, типа я пошутил. Мы ему не доверяли. По окончании школы мы случайно оказались в одной компании.

— Ты меня помнишь? — спросил его мой друг Булка.

— Да, помню, — радостно скалясь, ответил Дисюк.

— Плохо ты меня помнишь! — сопроводив свой вопрос хуком справа, ответил друг. У него была своя причина. Козлик, Дисюк, заслуживал сто тысяч хуков (пиздюлин). Приятно, даже через много лет, осуществить свою детскую мечту, и поэтому, встретив говнюка, не стесняйтесь врезать ему по роже.

Как раз в тот день Дисюк вырезал внутренности кармана в штанах и уверял девчонок, что у него в кармане живой хомячок. Наконец одна из них от наивности, а может по другой причине, к нашей всеобщей радости сунула руку в карман Дисюка, но, увы, нащупала совсем не хомячка.

Весь урок класс пересмеивался, обсуждая конфуз одноклассницы, и когда во время перекички очередь дошла до фамилии Дисюка, начался дикий гогот.

— Не пойму причину всеобщего ликования?

— Да у него в кармане хомячок, — давась смехом, выкрикнул кто-то.

Реакция преподавателя была неадекватной. Эту старую, пошлую шутку, как выяснилось позже, знали и наши родители. Клянуть на нее могли только самые наивные девочки.

Сразу выделив из толпы сконфузившуюся, красную от готовых брызнуть слез, жертву розыгрыша, Ольга Николаевна произнесла фразу, ставшую у нас в школе сакраментальной:

— Дисюков, если ты не будешь следить за своим внешним видом, в трусах у тебя заведутся крысы.

Вот тут мы буквально катались по полу от смеха. Жестковато, но очень действенно. В тот день бывший неряхой Дисюк, много потерял в своем авторитете заводилы у ребят. В принципе все шло к этому. Это было время первых влюбленностей, и пацанва по мере возможности пыталась форсить. Когда мать дала мне тридцать копеек на стрижку под канадку в местной парикмахерской, я горячо стал пояснять, что я уже вышел из возраста канадцев.

Брюки клеш, широкий воротник расстегнутой до пуза, аляповатой рубашки поверх пиджака и по мере возможности длинющие волосы, — портрет красавца (ударение на ЦА) из микрорайона. Обычно, наш наряд, как ни странно, дополняли кеды. Мы все любили футбол. Да и к тому же кеды были самой дешевой обувью. Особенно, среди пацанов ценились кеды китайской фабрики «Два мяча». Синие, легкие, словно ветер. Они не совсем гармонировали с клешами.

Начало восьмидесятых было порой всеобщего дефицита, и, глядя на пожелтевшие фотки, удивляешься, как по-разному могли выглядеть наши одноклассницы в принципе одинаковой серо-белой школьной форме.

Вот уж действительно, красоту ничем не испортишь. Юность сама по себе красота, но когда длинноногая девочка с огромными глазами, каштановыми локонами, в белоснежных гольфах и кокетливой юбочке выше колен сидит за соседней партой, у нее есть определенное имя. Эта первая красавица нашей школы Галя Штумпф.

Единственный разрядник в нашем классе Вовка Шмидт придумал замечательную штуку. Ручное зеркальце можно было установить на носке ботинка, и, выдвинув ногу соответственным образом попытаться разглядеть цвет трусиков одноклассницы.

От степенного и всегда вежливого Вована такой хрени девчата не ожидали. И его фокусы проходили успешно. Частенько с усмешкой я разглядывал его кульбиты с зеркалом.

Но когда нога его потянулась в сторону парты красавицы, мой пинок придал зеркалу необычную траекторию. Оглянувшись на шум, Галя правильно оценила ситуацию. После урока она сказала мне с милой улыбкой:

— А ты ничего.

— Я чего, — мрачно пошутил я, внутренне злясь на себя за свою угловатость.

С Вовкой мы долго играли в трясучку. Молча трясли монеты и кидали их на пол в подъезде. Суть игры сводилась к тому, чтобы хорошим ударом перевернуть монетку с решки на орла. Наконец, я произнес:

— Ты больше так не делай.

— А то че?

— А то ничего.

По большому счету, нам нечего было делить, но я ревновал даже к цвету ее трусов.

Конфликт был исчерпан.

Странный школьный роман с исписанными учебниками обществоведения.

Я просто смотрел на нее, а рука сама по себе выводила на странице учебника: — как ты мне нравишься. Галя попросила учебник, и я автоматически отдал его. Через несколько минут учебник вернулся ко мне с вопросительным знаком. Как и водится, с девичей скромностью, надпись она отнесла на свой счет. Я передал его с восклицательным. И понеслось. За уроки, учебник переключивал со стола на стол десятки раз, пока не оказался в руках Ольги Николаевны. Видимо она все поняла.

После уроков она попросила меня остаться.

— Почему учебник? — спросила она.

— Так получилось. — ответил я.

— Не проще ли пригласить на свидание?

— Не проще, у нее парень из десятого класса, — включив дурачка, ответил я. — У меня нет шансов.

— Но ведь она с тобой переписывается?

— Ну, так это, как у Ремарка, я свой, а там, понты.

— Поди ж ты, Ремарк! Ладно, иди домой, Ремарк.

Надо сказать, что тогда не было smsок, и переписка носила фривольный характер, опережая по времени возникновения sms-флирт. На ее вопрос «ты как?» я отвечал в рифму «ништяк». Но если она написала «конфетку хочешь?», я отвечал «хочу, но не конфетку». Она показывала ответ соседке по парте, и обе начинали хихикать, крутить у виска пальцем. Но опять писали что нибудь, в ожидании очередной пошлости.

Содержание переписки Ольга Николаевна оставила без комментариев.

С той поры у нас с преподавателем возникли дружеские отношения. Отчасти обязан этим я был и старшей сестре, учившейся в аспирантуре, в Москве. Та частенько во время телефонных переговоров или в письмах советовала прочитать тот или иной роман, напечатанный в литературном журнале. Причем указывала название журнала, номер и год. Найти соответствующий журнал в библиотеке было делом техники. А посоветовать учителю... Особенно ее добил «Новый мир» с буранным Айтматовым. Частенько на перемене или после уроков она к зависти пацанов и недоумению учителей находила несколько минут, чтобы поболтать со мной.

Может от того, что она была ненамного старше нас, ее уроки проходили всегда в виде беседы равных с равными и были очень увлекательны.

Однажды старшая сестра, учившаяся в Москве, передала оказией посылку к новому году. Помимо кучки мандаринов, круглой коробки мармеладных лимонных долек фабрики «Рот фронт» и коробки дефицитнейшего индийского чая в посылке лежали старенькие, потрепанные, но довольно крепкие, джинсы фирмы «Риорда». Мечта совдеповского детства. И выбросить жаль, и носить неудобно. Это в Москве. А по мне так в самый раз.

Терпеливейшая из тетей под гневные окрики перекраивала секонд-хэнд под мои кривые ноги до поздней ночи. В полночь я поставил на газ тазик с синькой, и битый час, камлая, словно тунгусский шаман, кипятил котон, время от времени перемешивая варево огромной скалкой. Затем пришла

мама с аргументом в виде отцовского тапка в руках. Возразить было нечего и, вывесив брюки на балконе, я улегся спать. Всю ночь блаженная улыбка не сходила с моего лица.

Утром я проспал школу. В полудреме я слышал, как ко мне подошла мама, почему-то всхлипнула, и отошла, не став прерывать мой сон.

Когда я влетел в класс, на мое счастье урок вела Ольга Николаевна.

— А кто стучаться будет? — гневно спросила она. Затем приглядевшись ко мне звонко рассмеялась. — Посмотри на себя в зеркало, ни дать ни взять Чинганчук — Великий Змей в боевой раскраске. Иди домой, помойся обильно с хозяйственным мылом, и когда красишь джинсы, для фиксации используй уксус.

Это был единственный полезный совет, услышанный от учителя, который в последствии довольно часто применялся в жизни.

В школьном туалете из зеркала на меня глянула чудовищная, фиолетовая от синьки физиономия.

Домой я пришел вовремя. Наша большая семья доставляла немало хлопот соседям, но что было поделать. Отец с матерью с утра до вечера находились на работе, и мои младшие братья и сестренка, зачастую оставаясь одни, не упускали шанса вляпаться в неприятность. К потопам соседи уже привыкли. За неделю до этого проказники поливали чайником проходивших под окнами «человечков», кидали в форточку воздушные шарики, наполненные водой. Вот и сейчас громкий рев с четвертого этажа, в то время они так и назывались, «казахские этажи», возвестил мне одну из проблем.

Каждый приспосабливается, как может, и в холодные зимние дни на последних этажах нам с соседскими ребятами было классно играть и в глухой телефон, и в жмурки. Во время игры верхом шика считалось прыгнуть с площадки пятого этажа на четвертый. Или висеть, чтобы не быть «зачищаемым», держась за перила с наружной стороны, надеясь, что сварщик, вяривший лестничное ограждение, был ударником коммунистического труда. Это было весьма травмоопасным.

Лишь бы не сломали ногу, или не разбили кому-нибудь голову, думал я на пути вверх, перепрыгивая подряд через несколько ступеней, и размахивая портфелем, наподобие сумчатого кенгуру.

Слава богу, в этот раз мой младший братик, всего лишь, заигравшись, зачем-то засунул голову между перемычками перил на лестничной площадке. Назад вылезти голова уже не смогла. Мешали уши. Только примчавшийся на мои дикие телефонные звонки с работы отец смог разогнуть прутья решетки и освободить несчастного пленника. В школу я в тот день не попал.

Когда яблоко падает на голову Ньютону, рождается новый закон физики.

Когда яблоко падает на голову хулигану, у случайного прохожего рождаются неприятности. Но если яблоко попадает в руки проказнику, то «случайно» умело запущенное с балкона четвертого этажа оно попадает в голову сынку завуча нашей школы. Увы, он был не Ньютон, и, завывая, словно шакал после кастрации, побежал на поиски своей мамочки. Стервознейшая из завучей Катька, уже через минуту орала у дверей квартиры. Перепуганные малыши, затаившись за дверями, подобно героям Трои, ге-

роически выдерживали осаду. Как назло в это время из школы притопал и я. Она что-то сказала про моих родителей, я про ее.

Наконец на ее дикие вопли вышел сосед, дядя Толик, товарищ моего папы, заядлый рыбак и охотник. Он работал на железной дороге, и сегодня, судя по красным глазам, был после ночной смены. Его голый торс радовал глаз подростка, как Эрмитаж искусствоведа. Чего там только не было. И голубые купола церквей, и профили вождей революции. Одно слово — красота. Натюрморт дополнял надкусанный огурец в руке. Действительно, выглядел он, как ежик в тумане. На заявление Катерины Дмитриевны, что она завуч, хитро подмигнув мне, дядя Толик пояснил, что открывать хайло на правильного пацана в падлу, он-то видит, как пацан следит за младшаками. И вообще первый срок он мотал за то, что завалил училку. Смех, да и только, добродушный шутник, дядя Толик, да училку! К сожалению это оказалось правдой. Это до чего надо довести человека!

Она ушла, но пришла вендетта. Морально тяжело подростку, которого травит такая свинья. Ну не могла она пройти мимо меня, не отчитав за что-нибудь. Я отвечал, как мог, но родителям не жаловался. Раз в неделю проходила общешкольная линейка. Я стал ее «звездой». Доходило до крайностей. Ради того, чтобы поймать меня с сигаретой, завуч влетала в мужской туалет. В очередной раз, заметив за собой слежку, я попросил пацанят из младших классов, снять штаны и повернуться голыми жопами к дверям. Это было что-то.

Зачастую, заведя ее у дверей школы, я разворачивался и шел по своим делам. Свои дела жили неподалеку от школы. Два брата, которых мы звали Ришаты. Оба брата были худыми, но ловкими, как обезьянки, с вечно обритыми наголо головами. Их мама работала допоздна на Казахсельмаше.. У Ришатов собирались все, кому было нечего делать.

Играли в триньку, фараон игрался только на желания. Иногда пили вино. Братья Ришаты и Сосна любили «пошабить» — дышать парами бензина. Меня это не прикалывало. Когда совсем не было денег, играли в зоски. Принцип набивала. Только вместо мяча, из-за скромных габаритов квартиры использовался носок, набитый рисом.

Дела в школе клонились в сторону ГПТУ. Дело в том, что подростков, склонных к хулиганству, после восьмого класса отправляли в профтехучилища. Буквально за месяц, умело ведомая подрывная работа Катьки, превращала меня в отпетого хулигана. Ну и пусть. Было до отчаяния совестно перед родителями.

Выйдя от Ришатов, я лицом к лицу столкнулся с Ольгой Николаевной.

— Ты можешь объяснить в чем дело? — спросила она, — я тебя словно Шерлок Холмс, битый час караваю. Хорошо хоть девочки подсказали примерно подъезд. Ты же способный парень. Хватит заниматься ерундой.

— Да отвалите вы от меня вместе со своей Катькой, — пытаюсь не за реветь, грубо выкрикнул я и попытался проскочить мимо. Не тут-то было. Перехватив меня за руку, она произнесла:

— Ну-ка присядь и успокойся. — Достав из сумочки пачку сигарет «стюардесса», она протянула мне одну. — На, закури и объясни все по порядку.

А что я мог объяснить женщине из другого мира. Катька есть Катька. Она — завуч! А я пацан в дешевом хлопчатобумажном пиджаке.

На другой день Ольга Николаевна стояла у дверей школы, и когда Катька, завидев меня, попыталась осуществить наезд, она коршуном бросилась на мою защиту. То-то воплей было. Весь день школа ходила ходуном, и даже директор не мог ничего поделать. Вот ведь женский характер. Огромная, словно Кабаниха, Катерина Дмитриевна орала, как потерпевшая, что она ветеран образования, хваталась за сердце. Ольга Николаевна отвечала спокойно, но какое яростное было это спокойствие. Окончательно добило Катьку обвинение в расизме. Она и не догадывалась, что, живя в Казахстане, она была «великорусской шовинисткой». Какое четкое определение.

Вот ведь как в жизни бывает. Этот закон я изучил давно, и когда в коллективе, в котором я работал, спустя десятки лет после школы, родственница директора поедом ела одного молодого специалиста, изредка бросая на него плотоядные взгляды, я встал на его защиту. Когда коллеги спросили — оно тебе надо? — я пояснил, что надо, эта стерва съев его, примется за кого-нибудь из вас.

Эти страшные люди зачастую окружают нас, но пока они не тронули тебя, ты не понимаешь их подлости, и посмеиваешься, глядя со стороны на их тупые интриги. Но бойся, подойдет и твое время. Так говорил Вольтер: — Клеветайте, клеветайте и хвастайтесь, след обязательно останется. Ты думаешь, тебя ценят за работу? — Нет. Вода точит камень, и подобно гипнотизеру, интриган день за днем, капая руководством на мозги, терпеливо внушает нужную ему мысль. Может на том свете интриганы получают свое, к моему горькому сожалению на этом свете они в большинстве.

Катька отстала от меня, но принялась обливать грязью Ольгу...

К тому же, кто-то видел, как мы вместе курили. Этому не верили, но слухи есть слухи. Говорили и о панибратстве с учениками, и о непедагогическом поведении... Но я-то знаю, не угости она, как равного, меня сигаретой, а все мы тогда все равно курили, и учителя об этом знали, не было бы того разговора. И на другой день мы сидели бы в той же компании. Они были хорошие ребята, но так вышло, что им не совсем повезло.

Братья Ришаты, вместе с Жоркой и Сосной, в тот же год сели за попытку обворовать магазин. Причем сели по-глупому. Они и во время игры были изрядными хлюздунами, а тут, спрятавшись в укромном месте, не смогли поделить «добычу» и своими воплями привлекли внимание сотрудников милиции. В то же лето разбились при утоне мотоцикла, всегда ходившие парой, вечно не по годам серьезные, Глеб и Белый.

Модно использовать для толкования современных событий сборник Нострадамуса. С таким же успехом можно использовать школьный учебник математики или физики. К примеру, приведу классическую задачу из учебника. Любому дятлу ясно, что если из пункта А в пункт Б будет следовать пешеход, то навстречу ему будет двигаться такой же скучающий оболтус. И встретятся они обязательно у пункта С.

С дружкой Димасом мы встретились у пункта С. Было довольно морозно, и поэтому решили зайти к нему домой. Так, от нечего делать.

За некоторое время до этого отнюдь не химик, но известный экспериментатор, Димкина мама, — тетя Люда, поставив в чулане алюминиевую флягу, наполненную доступными всякой советской домохозяйке ингредиентами, запустила реакцию на субмолекулярном уровне, результаты которой в тот день вызывали у нас повышенный интерес.

Тетя Люда была виртуозом своего дела, и поэтому силиконовая перчатка, натянутая на отвод, заботливо прикрученный дядей Юрой к крышке фляги, показывала приветливые знаки. После двух или трех кружек бражки, вдохновленные, словно Пушкин в морозный день, мы выдвинулись на улицу, где и превратились согласно предсказаниям законов физики в две негативно заряженные частицы.

Его мы заметили сразу. Как его было не заметить! Десантник, прибывший в отпуск, стоял на ступеньках соседнего подъезда, без шинели, и наглейшим образом пытался склеить наших одноклассниц. Да он бы и ангела вывел из себя. Блестящая, лоснящаяся, самодовольная рожа, аксельбант на всю грудь.

Глянули друг на друга. Гордиться было решительно нечем. Красные от бражки глаза. Шапки из искусственной чебурашки, и старенькие пальтишки. Нет, вид у нас был отнюдь не романтический. Но в груди у нас полыхал неистовый огонь, разожженный испорченными ранетками на дрожжах.

Перекурили. Затем подобно древним гладиаторам, не торопясь, пытаюсь придать походке степенность, что не вполне удавалось, двинулись вперед.

— Идущие на смерть, приветствуют тебя.

Конфликта можно было избежать, но Аника-воин совершил страшную промашку. Когда мы, пошатываясь, проходили мимо, он непочтительно отозвался о нас, что-то типа пьяных щеглов. И это при девчонках!

Этому нас учит история. Воинственный Рим не даст жить спокойно богатому Карфагену. О том же говорит биология. Нельзя трясти перед быком, даже перед совсем юным бычком, красной тряпкой, да вообще, любой тряпкой.

Буквально через несколько секунд, не выдержав стремительной атаки коалиционных сил, противник бежал по улице, преследуемый наседавшим на пятки агрессором. С тех пор я понял, ВДВ есть ВДВ. Даже в сапогах он бежал быстрее нас!

Возбужденно размахивая трофеями, я аксельбантом, а Димас парой погон, мы возвращались к дому. Увы, у подъезда нас ждала тетя Люда.

— Зачем вы мальчика побили?

— Какого мальчика, тетя Люд? — с нашей стороны полное непонимание.

— Отдайте ему погоны. Как он без них в армию вернется.

— А че он, гад, сам полез, — горькая обида, обида до слез.

Погоны и аксельбанты, наши законные трофеи, к великому сожалению были конфискованы, а мы бесславно отправлены по домам.

В пылу погони мы пробежали мимо наших мам, возвращавшихся с работы, и даже не заметили их.

У наших родителей, да и у предков наших друзей, было замечательное свойство, они никогда не жаловались друг другу, а тем более в милицию, на наши не всегда безобидные шкоды.

Так или иначе, но что ни делается, все к лучшему. Сарафанное радио донесло до преподавателей приукрашенную историю о драке подростков с десантниками. В школе был составлен план воспитательных мероприятий.

В следующие выходные мы всем классом ехали в автобусе после коллективного просмотра фильма «Сеньор Робинзон», бурно обсуждая самые смешные моменты, а звонкий смех Ольги Николаевны заставлял улыбаться весь автобус. Потом вместе с несколькими одноклассниками и одноклассницами мы пили чай у нее дома, где решили провести школьный вечер, обязательно с танцами, посвященный Есенину.

Класс был разбит на пары, которые должны были готовить совместные номера, и наверно не случайно у меня появился повод все вечера в течение месяца проводить в обществе гитары, и Дульсинеи Тобосской второго микрорайона.

Прекрасные стихи Есенина, под грудной передох Галины, под мой механический перебор струн, заслужили приз за самое оригинальное выступление. Дружеские отношения с самой красивой девушкой школы подняли мой рейтинг популярности. Весь вечер магнитофон крутил медляки, и дамы меняли кавалеров, а кавалеры дам.

Одна девчонка из параллельного класса пригласила меня несколько раз на белый танец. Голову кружило от успехов, и когда она заметила, что ей пора домой, я с готовностью вызвался провести ее до подъезда, что и сделал, помахав рукой напоследок Галке, танцевавшей с Максом. Они помахали вслед.

Дело в том, что играть на гитаре весь этот месяц меня учил Галин кавалер, Максим, оказавшийся отличным парнем. И лстя своему тщеславию, я уже давно решил, что отбивать у такого парня девчонку крайне некрасиво, не по пацанским понятиям.

В тот вечер я провожал милую девушку домой. Шел крупный снег, и отпечатки наших ног оставляли первые следы на перинове. Размахивая руками, я громко декламировал стихи Есенина. Огромные, черные, подобные ночи глаза внимательно, с интересом, следили за каждым моим движением. Чмокнув меня в губы, она стремительно скрылась в подъезде. Кружило голову...

Ольгу Николаевну я больше не видел. Целую неделю после вечера пролежал с высокой температурой. А когда вышел на занятия, ее больше не было.

Вот уж действительно луч света в затхлом царстве. Ее уволили, или вынудили уволиться якобы по жалобам чьих-то родителей. Вся школа искала сволочь, стукача. Но одному мне было предельно ясно, чьих подлых рук это дело. Было ужасно, что она однажды просто не пришла, просто исчезла из наших жизней.

Многие молодые преподавательницы неправильно истолковывают юношеское преклонение. Зачастую подросток ставит себе несоизмеримые цели, подобно Дон Кихоту придумывает себе Дульсинею. Но что в этом

плохого? Скорее это от неуверенности в себе. Повысь человеку самооценку, и он начнет стремиться к реальным целям. Ольга Николаевна понимала и как истинная королева принимала наше преклонение, но всегда направляла его в нужную сторону.

Глупо осуждать преподавательский коллектив. Были и прекрасные педагоги. Но кто станет на пути у бешеной собаки, когда она несется вперед, брызжа слюной?

Те, кого мы в детстве так любили,
Позабыв о нас, куда ушли?
Нет, мы вас совсем не позабыли
КАК ВЫ ТАМ, БЕЗ НАС, ОТ НАС ВДАЛИ?

P.S. Через много лет, я занимал ответственный пост..., так получилось, что по роду деятельности принимал участие в чествовании пожилых учителей.

Каково же было мое удивление, когда неожиданно рядом со мной оказалась моя бывшая завуч. То-то же было разговоров.. Она буквально подтаскивала меня к незнакомым женщинам и с воодушевлением объясняла им, что я ее любимый ученик.. Что поделать... как мог, подыгрывал ей.

В эту ночь я долго не мог уснуть, в память приходила молоденькая хрупкая женщина... мой первый учитель... она мило улыбалась и непонимающе смотрела на меня, а сердце рвалось куда-то из груди... и приходило понимание какого-то чудовищного предательства...

Куда-то в пространство летели слова... — да хранит вас на вашем жизненном пути любовь вашего ученика...

Валерий Киселёв
(Россия, г. Москва)

КАК РАСПОЗНАТЬ «ВРАЖЕСКОГО» АГЕНТА...

(Случай на пограничной заставе)

ИРОНИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

...Выявление агентуры противника является наиважнейшей задачей в работе офицеров пограничной службы... Но вы будете допущены к этому позднее и только в особенных случаях...

Из лекции преподавателя по оперативному мастерству
в пограничном училище перед курсантами третьего курса

— Застава, в ружьё!

Голос молодого лейтенанта гремел среди бегущих и мечущихся в разные стороны бойцов пограничной заставы, как труба ещё не опытного военного горниста на поле сражения, а именно: заносчиво громко и иногда — срываясь на фальцет...

— Быстрее, быстрее, я вам сказал! Растуды, вашу мать! Война! Хватайте оружие, боеприпасы и — строиться для получения боевой задачи...

Здание заставы стояло на отnose от береговой линии океана на расстоянии примерно в километр. Это было красивое место и очень уютное для жилья. Огромного размера, чёрная от времени деревянная постройка напоминала сельский клуб времён коллективизации. Когда-то с любовью выполненные наличники вокруг окон придавали зданию залихватскую удаль и колорит русской глубинки. Хотя сама застава находилась далеко от сердца России, почти на краю страны, где-то тут, на затерявшемся острове Сахалин, вид у неё был, без сомнения, самый русский. Особую мощь зданию придавала большая железная крыша, остроконечная и свежевывкрашенная в коричнево-красные цвета, подавляющие своей новой яркостью беспризорность и утлость самой постройки, крыша явно выделялась над тайгой. Удалённость этого места от всего, протекающего в мире, как раз и придавала грандиозность и исключительность тем событиям, которые здесь сегодня происходили...

Построив солдат, лейтенант стоял перед строем своих подчинённых и был наполнен важностью момента! Был он подтянут и красив. Голос его был звонким, уверенным и очень молодым.

— Я только что получил шифротелеграмму из погранотряда! Война! — заговорил он торжественно, стараясь голосом походить на диктора радио, Левитана. Но сталь в голосе не получалась, и поэтому столь важное сообщение звучало как медная маленькая кастрюлька...

Но даже несмотря на это, строй, и так затихший и напряжённый, вытянулся, как струна, в единый и очень доверчивый нерв. Слова и тембр юного

голоса молодого начальника заставы взвинтили мысли всех до единого на уровень, доселе здесь невиданный. Они все до одного — солдаты пограничной заставы: и салаги [1], пришедшие на заставу несколько месяцев назад, и старослужащие, которым до дембеля-то [2] оставалось всего несколько недель, такого слова, как «Война», не ожидали услышать и, тем более, опасались испытать значение его на себе. Звучало это, несмотря на молодой, почти мальчишеский голос, — угрожающе, очень серьёзно и опасно...

На правом фланге рядовой Козлов, замерев от осознания прозвучавших слов, держал, прижимая к себе, ящик с патронами, а из-за стремительности команд и событий — даже не сообразив, не успев расслабиться, хотя бы поставить его на пол... Вес этого ящика составлял под тридцать килограммов! А он, услышав слова начальника заставы, перестал ощущать происходящее вокруг. Этот немалый вес для слабых молодых рук оказался непосильным... Но, застыв в обнимку с ящиком патронов и не помня себя от неожиданности происходящего и поднимающегося внутри страха, он так и продолжал его обнимать, застыв в немом ожидании. Мышцы молодого солдата всё же не выдержали: руки, а затем и пальцы разогнулись, и ящик с грохотом упал на деревянный пол...

В тишине молчания застывшего строя и переживания услышанного — этот грохот прозвучал так неожиданно и вдруг... Как барабанный бой! Раздался удар и... Доски ящика разлетелись в разные стороны, а к ногам лейтенанта, закувыркавшись, запрыгали по полу два «цинка» с патронами. Они остановились в нескольких сантиметрах от его сапог и превратились в некий мистический знак, послание сверху... Цинки с патронами, прилетевшие ниоткуда! Эти две противно-зелёные коробки с боеприпасами к автомату!.. Война!

Все уставились на железные «цинки», воспринимая их появление как знак судьбы...

Строй, застывший после слова «Война!», не знал, что делать. Они — солдаты, пограничники, — прекрасно и уже давно натренировались и умели выполнять любые другие команды. Например: «К бою!» При этой команде предполагалось нападение на заставу, и поэтому необходимо было занять каждому своё место, согласно боевого расчёта... Они привыкли и к команде «В ружьё!» Это означало — нарушение границы, и при этом сигнале надо было с оружием, в нужной, согласно погоде, форме построиться около комнаты дежурного в коридоре и, получив боевой приказ, мчаться на указанный «фланг» [3] границы для задержания нарушителя. А вот слово «Война!» вносило в головы бойцов сумятицу, непонимание и огромную, до размеров Тихого океана, на берегу которого они все сегодня служили, — тревогу... Неужели война? Так же, как тогда, в 41-м? Они все до одного вдруг вспомнили этот день по множеству просмотренных фильмов, а теперь — это то же самое страшное событие, но только уже в их жизни, и происходит с ними.

В другой бы раз такая растяпистость молодого солдата и падение ящика вызвали бы смех и шутки, но только не сейчас. Строй монолитно застыл и не менее монолитно каменно молчал. На лицах не было ни единой улыбки, и даже не было слышно дыхания людей.

Этот молодой лейтенант, появившийся на заставе совсем недавно, был ещё не изучен и не всегда понятен самим солдатам. По приезде он первым делом прошёл пешком весь участок границы, затем пересчитал всё имущество, находившееся на балансе, и, обнаружив огромное количество излишков автоматных патронов, предложил провести стрельбы. Он начал систематически и почти ежедневно проводить занятия... Для предыдущей спокойной и размеренной жизни забытого края это было необычно, но любопытно и интересно...

До этого солдаты на заставе не стреляли никогда. По крайней мере, ни один из старослужащих не помнил такого, чтобы даже кто-либо из предыдущих военнослужащих, «дедушек» [4] рассказывал им, чтобы кто-то здесь стрелял. На учебном пункте, где они все проходили подготовку — да! А вот на заставе — нет! Никогда. Здесь даже никто и не знал, и не задавался вопросом: «А где у нас находится стрельбище?» Да и заставка к тому же считалась «ссылной». Сюда отправляли служить только провинившихся на службе в других местах. Их называли: «залётные». Это были самые недисциплинированные солдаты и сержанты. «Как попал сюда служить этот молодой лейтенант, — рассуждали бойцы, — непонятно? Он такой юный, наверное, не старше нас, но почему же, будучи офицером, ещё даже провиниться нигде не успел, а уже — в ссылку попал...» Короче, при появлении нового начальника у солдат тогда возникло очень много вопросов. Но стрельбы начали проходить ежедневно. Сначала долго и неинтересно приводили оружие к нормальному бою. Делал это скрупулёзно и дотошно сам лейтенант, а потом приступили к занятиям. Вот тогда началось для всех настоящее удовольствие. Как только не умудрялись стрелять бойцы: и по мишеням, и по всяким там баночкам, и стоя, и от пояса... Это было, как в кино... Но всегда — по инструкции и курсу стрельб... По крайней мере, так говорил начальник. Научились попадать во всё, что только лейтенант ни покажет, мгновенно и уверенно. Благо, что места вокруг заставы — необитаемые, и — делай, что хочешь. К этим занятиям готовились конспекты; как методист он оказался находчивым и грамотным и всегда умел заинтересовать всех, присутствующих на стрельбах. Это были даже не занятия, а, скорее, увлекательная игра с практической стрельбой! А в конце лейтенант сказал: «Ну вот, теперь с вами — хоть в бой, хоть на войну!..»

Раньше на заставе весь день, кроме службы, у солдат уходило на хозяйственные работы и... безделье. Раз в неделю, конечно, была политподготовка, а остальное время уходило на сидение в курилке и перемирование друг другу косточек... Первой темой в таких обсуждениях было начальство. Ничего другого особенного на этой границе не происходило, а в самоволку здесь было ходить некуда, да и не к кому. Посёлок, находившийся рядом, представлял собой «два дома, три калеки»... Самой молодой «девушке» было пятьдесят пять лет. Бойцы к таким «подвигам», конечно, были не готовы. Кругом — лишь тайга, болота и олени... Иногда солдатские умельцы «заряжали» брагу в огнетушители, тогда уже для всех старослужащих наступал праздник.

С приходом лейтенанта жизнь изменилась. Теперь, кроме стрельбы, тактики и изучения техники, лейтенант организовал занятия по руко-

пашному бою. Из рядом стоявшего заброшенного частного дома сделали спортзал. Оказалось, матрасов, списанных на заставе, было тоже в излишке, ими успешно устелили пол этого помещения. Во вновь открывшемся спортзале было просторно и уютно, и сразу же всем до одного захотелось пойти на занятия... Надоело «валять дурака» и участвовать в бессмысленных разговорах в курилке. На занятия записывались заранее. Чуть все не переругались между собой, чтобы в это время в наряд не попасть. Всем было безумно интересно, что же такое карате, которое обещал показать начальник заставы, и хотелось научиться: «мужиком себя чувствовать»...

Лейтенант публично стал подбирать партнёра на тренировку. Он всем говорил: «Драться будем в полную силу! Без того, чтобы поддаваться. Разрешаю делать всё...» Так вот это самое: «драться в полную силу», вызывало у солдат заставы самую большую радость и стремление попасть на занятия. Как же так, без всякой опаски, можно было «навалить» лейтенанту на тренировке! Злобы к начальнику, конечно, по службе особенной ни у кого не было, он не был ни придирчивым, ни несправедливым... Но! Доказать в равном бою своё превосходство — захотелось обязательно перед всеми своими боевыми товарищами, и причём — каждому... В курилке, хотя времени в ней сидеть теперь совсем не стало, всё же умудрялись улучшить время и помечтать, кого поставить лейтенанту в спаринг-партнёры первым, и как он, выбранный ими богатырь, можно даже сказать «Илья Муромец!» ... съездит этому салаге по его лейтенантской физиономии...

На ту памятную тренировку пришёл даже заставский повар, который клялся, что все обеды и ужины успеет приготовить вовремя и что, оказывается, без занятий спортом вообще и рукопашным боем в частности, он жить больше не может...

Первая тренировка прошла, как Олимпийские игры, при «стопроцентной наполненности трибун». Причём сначала под лозунгом: «О, Спорт, ты — Мир!» И затем: «Побеждает сильнейший!»

Лейтенант оказался очень подготовленным бойцом, и по очереди «навалаял» всем желающим. Причём бил сильно, а некоторых — даже очень сильно... Бока болели у всех потом достаточно долго, но синяков на лицах почему-то не было, как-то у него это очень ловко получалось, и особенно: ребром ладони по шее...

«Вот гад! — жаловались позднее друг другу в курилке, — главное, ничего с ним сделать нельзя... Вёрткий такой и бьёт больно. Неплохо их там, в училище, готовят...»

Лейтенант в дальнейшем этот приём воспитания стал применять регулярно. А до всех остальных только позднее дошло, для чего все эти занятия по рукопашному бою были им придуманы!.. Как что не так, кто-то из солдат лейтенанту возразил, или на службе пролетел, в ответ слышал одно: «Сегодня в паре со мной работаешь!»

— Товарищ лейтенант! Я в наряде в это время...

— Ничего, я в наряд другого pošлю, а вы, сударь, — на тренировку! Вам физическую подготовку подтягивать надо...

Пререкания с лейтенантом закончились быстро, и на службу уже не смотрели, как на временное обременение, происходящее волею судьбы до дембеля [5]. Да и возможность захватить начальнику «по морде», хоть и теоретически, но, в принципе, оставалась.

Несмотря на все появившиеся трудности и тяготы, служба на заставе для личного состава превратилась в удовольствие. Среди солдат отряда пошёл слух, что на той далёкой заставе жизнь стала по-настоящему интересной и правильной. Из слова «ссыльная» заставка превратилась в единственное желанное место на острове, куда теперь хотел попасть любой пограничник отряда. Теперь солдатская молва из уст в уста передавала: «Мечта, а не служба!»

Конечно, рассказчики, наверное, ещё и привирали, рассказывая небывалые о том, как на занятиях стреляют, как овладевают рукопашным боем, какие тактические учения проводит молодой начальник, и о том, что отличившимся и хорошо себя зарекомендовавшим разрешают ходить в тайгу на охоту на оленя или медведя! Это было вообще пределом мечтаний... Кто-то говорил: «Да ну, что вы? Какая охота! Враньё всё это...» А другие, знающие, возражали:

— Вы бы посмотрели, как их кормят! На столе — и свежее мясо, и рыба разная... Там же корюшка и горбуша на столах не переводится... в разных видах — и рыба красная, даже калуга [6]. Даже икра красная и, болтают, чёрная... А мяса — сколько угодно... Сплошную оленину едят! Нет, если куда и хочется попасть служить — это только туда...

А тем временем строй солдат, поднятый по тревоге, стоял, замерев от необычности слов, услышанных от молодого начальника заставы, и ждал: что будет дальше?..

И именно это всё, происходящее с ними в последнее время, пронеслось в головах каждого со скоростью мгновений, отделяющих рождение и смерть... И каждый из них, молодых и любящих жизнь, задумался о Войне. Никто из них не хотел умирать. Теперь любая команда их молодого командира была бы воспринята как нечто единственно правильное, непрекаемое и, самое главное, — необходимое всем им...

— Ты только скажи, товарищ лейтенант, что делать... Подготовка у нас неплохая, — думал каждый из бойцов. — И стреляем, и дерёмся, политическая подготовка опять же...

А лейтенант сначала своим молчанием «держал паузу», а затем и словами продолжал нагнетать ситуацию...

— Обстановка очень серьёзная... — сказал он. — Международная «закулиса» такова, что нашему государству угрожает смертельная опасность...

Кто такая «мировая закулиса», бойцы точно не представляли, но были уверены, что это — враги нашего государства, и, в любом случае, — очень нехорошие и подлые люди...

— И только надёжные воины, такие, как вы, остаются оплотом и надеждой нашего народа! Как важно, что вы понимаете это и своей службой доказываете ежедневно и ежечасно. Я любого из вас готов взять с собой в бой. И не сомневайтесь, каждый из вас справится со своим страхом и переживанием. Но сейчас вам надо пройти очень важную

ступень готовности. Считайте, что это — как последний шаг перед вечностью!

Речь его была настолько зажигательной, пламенной, умной и возбуждающей, что весь строй был готов кинуться и мгновенно выполнять любой приказ командира... Даже голос его теперь звучал по-другому.

— Да, умеют их готовить в военных училищах! — думали солдаты. — Как говорит! Оратор! За таким — прямо сейчас готовы идти в бой и ложиться на пулемёты...

Если бы какой-нибудь начальник, не сейчас, а потом, спросил бы молодого лейтенанта: «Послушай, что ты там такое нёс перед строем солдат, пугая всех войной? Ты, лейтенант, с ума, что ли, сошёл? На дворе — мир и благополучие! Всё в порядке... А ты? Бред какой-то».

— Ничего не бред! — возразил бы молодой лейтенант. Если бы я точно такие же слова сказал на политзанятиях о международной обстановке... Скажите, где бы я соврал?.. А это такие же занятия, только по боевой подготовке.

А потом бы лейтенант, уже саркастически улыбаясь, добавил бы:

— На границе, даже если вы, пардон, ну скажем, в бане, любое слово начальника заставы — это политзанятия... Или я не прав?

Уверен, не нашлось бы ни одного вышестоящего начальника, который не согласился бы с этим очень приткким лейтенантом...

Главное — когда, что и как подать. Слово — это тоже блюдо, которое необходимо приправить обстановкой и временем, как еду — солью и приправами.

Ну, лейтенант! И оратор, и политик, и даже, наверное, — кулинар...

Действительно, если вспомнить те слова, произнесённые начальником заставы... то там нет ни одной ошибки. Кстати, это можно говорить при любом строе и в любом государстве перед своими или даже чужими солдатами. Слово умелого человека — это вообще опасное дело. Можно целые армии завести так далеко, что выбраться оттуда уже не удастся никогда...

Итак, первая часть задачи была начальником заставы выполнена. Его солдаты были готовы на подвиги и самопожертвование... Оставалось теперь правильно распорядиться этим положением и...

Надо сказать, что всё предыдущее — и речь и объявление тревоги были направлены и настроены лишь на одно, на то, что произошло дальше...

А лейтенант, воодушевившись и уже с металлом в голосе, продолжал:

— Сейчас каждый из вас срочно готовится к выполнению задания. Задание я буду ставить каждому в отдельности. Понятно?

— Так точно! — единым порывом выдохнул строй.

— Радист, вот вам подготовленный мною текст зашифрованного радиообщения. Срочно передать в отряд... После чего оборудуете запасной пункт связи. Место я вам укажу...

— Шифровальщик, это — ещё одно письмо руководству отряда. Немедленно зашифровать... Кроме всего, я подготовил ещё серию телеграмм. Работать требуется быстро. Шифры менять через каждый час...

— Замполиту — подготовить походную Ленинскую комнату и начать подготовку материалов для писем домой каждому бойцу...

И... Так и пошли команды и распоряжения. Все они, важные, целесообразные, не терпящие отлагательств и не терпящие возражений... А в конце, перед тем, как скомандовать: «Разойтись!», лейтенант, так, как бы между делом, но само собой разумеющееся, добавил:

— Люди, работающие на особый отдел [7], зайти ко мне в кабинет для получения специального задания!.. Но!.. Только те, которые имеют на это право... — закончил речь лейтенант с многозначительными паузами и остановками для обдумывания желающих это услышать.

А потом, уже не давая больше никому времени опомниться, погнал всех: «Быстрее! Быстрее!..» — выполнять задачи.

Застава закипела предбоевой жизнью. Было такое ощущение, что идёт трудовая вахта, и до конца пятилетки осталось каких-то три дня, и надо было обязательно выполнить задачу, ну, например: «строительства счастливой жизни». Никто уже не сомневался в важности полученных приказов и метался по территории в поисках лучшего решения.

Все перестали обращать внимание друг на друга, каждый занимался своим, очень важным делом.

Лейтенант сидел один в кабинете и своим красивым, выработанным в училище почерком, он его называл «штурманский», заполнял книгу пограничной службы. Это был труд в тысячу страниц, очень кропотливый, требующий особого внимания и знаний. Каждый день в ней, в этой огромной книге, надо было заполнить всего одну страничку. Но именно эта страница включала в себя всю жизнь охраны границы этой заставой на этом конкретном месте, за эти сутки. Здесь надо расписать действия каждого человека в течение дня и его боевую задачу. Это — не просто боевой приказ. Это — искусство сделать всё рационально, не упустив ни одной детали, не ошибаясь в мелочах, учитывая слабые стороны каждого из подчинённых и зная обстановку на границе. Неправильное или небрежное принятие решения по охране приводит к большим печальным последствиям. Это может быть: и нарушение границы, и гибель людей, и любой несчастный случай... Поэтому эта работа была — и творческой, и интеллектуальной, и не терпящей небрежности...

В такое время, когда начальник заставы работает с Книгой Пограничной службы, мешать ему категорически запрещалось... Запрещалось! Но обстановка на заставе сегодня была особенная и, как известно, другая, поэтому осторожный стук в дверь раздался и не прервал его мысль... Он сказал:

— Войдите!

Лейтенант ждал его. Он знал, что этот человек должен был прийти. Это был «человек» особого отдела...

«Ничего себе! Повар!» — пронеслась в голове лейтенанта мысль, как только он определил личность вошедшего... Он хорошо знал, что все между собой звали этого солдата «Граф». Почему к его рязанской, абсолютно рыжей, деревенской физиономии приклеилось это имя, никто уже сказать не мог. Но то, что «Граф» был общим любимчиком, — это было точно. Ну, во-первых, он был повар и всех кормил — это факт. Для каждого у него был свой отдельный кусочек самого желанного продукта и начинка какой-нибудь вкуснятины на всякий случай, и это — второй факт.

А это каждый ценит, потому что считает, что это благо — только для него, а поэтому никто и никогда, ни из солдат, ни из офицеров, забыть такое благо не может. А ещё — он добряк и обаятельный парень, никогда и ни с кем не конфликтующий... Да и много чего ещё хорошего можно о нём сказать...

«Как же я сам не додумался! Конечно, повар... Именно повар всегда и со всеми может видаться в течение дня. Кому-то днём подливает супчику лишний половник, а с кем-то ночью жарит картошечку с грибами... Именно он, и только он, имеет самый короткий и правильный путь к душе каждого голодного человека... А солдат, как известно, на службе голоден всегда! С ним все и всегда делятся самым сокровенным. Именно повар знает про всех и всё. Да! — так думал лейтенант. — Надо иметь ввиду на будущее, чтобы он был твоим помощником, а не какой-то там «особист»[8]. Жаль, что не додумался раньше...»

Правда у офицера была ещё надежда, что «Граф» зашёл не за тем, чтобы получить особое задание, а только сказать, ну например: «Масло закончилось... Дайте ключи от склада...»

Нет, слова рыжего повара разочаровали:

— Я пришёл получить специальное задание...

— Хорошо! Вы в течение суток должны будете разведать и сообщить мне о... — стал пояснять свой приказ начальник.

Когда солдат вышел, лейтенант откинулся в своём, выдавшем виды скрипучем полукресле, полустуле и уставился в потолок. Он стал лихорадочно соображать, а что же такое произошло? Он только что установил человека особого отдела. Скорее всего, это доверенное лицо, но всё равно он его выявил. Правда, это было нарушение всех инструкций, приказов и распоряжений. За это не поздоровится. Если об этом узнает особист — схлопотать выговор можно в два счёта...

В дверь опять постучали. Зашёл старший сержант, опора лейтенанта, помощник замполита заставы Павлюк и, как всегда громко и чётко, прокричал:

— Прибыл для получения специального задания...

«Ого! Ещё и этот сержант работает на особый отдел...» — изумился лейтенант.

Да, этот старший сержант тоже знает всё, что происходит на заставе. С ним тоже надо держать «ухо остро» и не болтать лишнего. Этот точно доложит особисту о нашем разговоре. Надо ему дать тоже невыполнимое задание...

Получив секретное задание, сержант удалился.

Лейтенант опять упёрся взглядом в потолок.

«Да-а-а... Зачем я это затеял? Получу «втык» по полной программе...»

В дверь опять постучали. На входе топтался молодой солдат, имени которого лейтенант пока никак, как ни старался, не мог запомнить. Он был настолько тих и не замечен, что, сливаясь с окружающими в прямом и переносном смысле, стал быстро привычным атрибутом окружающей обстановки. «Как это особисту удаётся подбирать таких незаменимых и нужных личностей? Настолько в точку, что даже поспорить не о чем...»

К ночи, когда поток помощников особого отдела прекратился, унынию молодого лейтенанта не было предела: «О, это я попал! Сколько их работает на особый отдел!.. Плохи мои дела... Что делать?»

На следующее утро, после окончания ночи учений, лейтенант без сил рухнул в кровать и практически сразу же провалился в глубокий, счастливый сон. Быть здоровым, молодым и заниматься важным, да ещё и любимым делом — разве это не счастье?! А сон у счастливого человека всегда крепкий и мгновенный...

Но, как бы крепко ни спал начальник, от телефонного звонка он проснулся сразу же. Примерно через два часа зазвонил местный телефон, расположенный рядом с белоснежной подушкой безмятежно спящего молодого человека. Трубку он схватил уверенно и бодрым голосом, как будто бы и не спал вовсе, сказал:

— Лейтенант Соловьёв, слушаю вас!

На том конце провода раздались слова дежурного по заставе:

— Товарищ лейтенант! Здравия желаю! На заставе — без происшествий!.. К нам летит вертолёт. Начальник особого отдела и комендант. Посадка через сорок минут... — потом, помолчав несколько секунд, солдат проговорил:

— Говорят снимать вас едут!.. Это несправедливо. Знайте, мы — за вас...

— Всё нормально, солдат! — прервал его лейтенант и мудро, как будто бы ему не было всего двадцать лет, сказал:

— Жизнь сама расставит правильные акценты...

И положил трубку. А внутри у него самого всё обожгло и опрокинулось: «Во дела! Что будет?..»

Ровно через пять минут лейтенант с сияющим и свежевыбритым лицом, в прекрасно подогнанной полевой военной форме был на заставе и срочно дописывал вчерашнюю страничку Книги Пограничной службы. Хватило десяти минут для того, чтобы всё окончательно привести в порядок. Молодость умеет не отвлекаться на сон и отдых на долгое время. Хватает и двух часов, чтобы выспаться и, продолжая быть молодым, ещё и оставаться счастливым, несмотря на все невзгоды окружающей жизни... Это у старых — время более дорого... А молодым непозволительно что-то не успевать! Позволительно: наслаждаться этой жизнью, видеть восход солнца и так же радоваться пожелтевшей листве, как и шуткам своих солдат. Молодость не имеет права печалиться по поводу приезда начальства... Как прекрасно жить заботами заставы и ощущать силу и энергию молодого тела. По крайней мере, так думал молодой лейтенант... «Только вот, что делать с особистом?»

Вертушка приземлилась на вертолётной площадке, подняв облака пыли и мелкого песка. Из машины никто не выходил, пока двигатель полностью не остановился. Уже в полной тишине этого далёкого забытого места, продолжал беззвучно, по инерции вращаться большой винт вертолета, вхолостую раскручивая лопасти и показывая бессмысленность движения этой огромной машины без самого полёта, а заодно раскручивая, как киноплёнку, жизнь вокруг в виде красоты тайги и сини бесконечного неба... Эта тишина и грозная машина, одиноко стоящая среди белого песка с сирене-

вой дымкой багульника, кроме того, напоминали ещё об удалённости, а также «забытости» этой заставы. И вот, наконец, о ней вспомнили! Прилетело начальство...

Открылась дверь и техник-вертолётчик приладил лесенку-трап для выхода пассажиров.

Появился комендант пограничного участка. Это был крупный мужчина крепкого телосложения. Он практически всю свою сознательную жизнь прослужил на разных должностях на границе. При получении последней должности коменданта ему сразу же присвоили звание майора, хотя по возрасту он давно должен был бы быть полковником, а может быть — и генералом. Но, как говорится: «у генерала свои внуки...» А этот был простой, нормальный советский офицер. Кроме того — это был очень опытный офицер. Мудрый, спокойный, не очень разговорчивый, знающий службу на границе как хорошо изученную и любимую книгу. Но главное, он разбирался в людях и ценил своих офицеров, многие из которых по возрасту были ещё совсем пацанами... Для него они были практически как сыновья, связавшие, так же, как и он, свою жизнь с границей. В обиду он их не давал, боролся с начальством за каждого, но и наказывал сам за проступки нещадно.

Следом за комендантом появился второй майор — особист. Этот был настолько большой и здоровый человек, что когда он оторвался от ступеньки машины и вступил на землю, всем показалось, что вертолёт облегчённо вздохнул. Его двухметровая фигура и вес борца-тяжеловеса внушал любому, видевшему его, что с ним спорить не рекомендуется. Почему он попал служить в особый отдел, а не куда-нибудь в спортивную роту или в спецназ, никто не знал. Майор был неразговорчив и замкнут. Как он умудрялся при этом активно вербовать своих помощников, было загадкой. Подойдя к лейтенанту, он уставился на него своим бесцветным, немигающим взглядом, как будто спрашивая: «Ну что, доигрался? А я тебе предлагал «дружить» с нами...»

— Здравия желаю, товарищ майор! — нисколько не тушуясь и тоже уставившись на майора немигающим взглядом, поздоровался лейтенант...

Обычно вертолёт, прилетая на заставу, даже не выключал двигателя. Быстро сбрасывали привезённый груз, забирали приготовленные дары для отряда, и сразу же силуэт машины, вместе с грузом, пропадал за горизонтом. Привозили обычно газеты, пару мешков крупы и несколько ящиков каких-нибудь консервов. Прибывали «счастливики», новое пополнение — «пролётчики», а обратно забирали сувениры с заставы: олени рога, несколько бочек солёной горбуши, бочку уникальной рыбы калути, куски которой были похожи на огромные куски свиного сала и, если повезёт, в вертолёт грузили мясо оленины... Все до одного экипажи уже хорошо знали нового начальника заставы, уважали его, несмотря на совсем юный возраст, и каждый мечтал попасть в полёт в эту точку. Всех устраивал такой бартер, когда увозили отсюда очень ценимые на острове продукты, а привозили то, что положено по службе...

Стояла пронзительная тишина, не нарушаемая даже шелестом ветра. И в этом величественном молчании стояли в сторонке лётчики, чувствуя

серьёзность происходящего, и молча наблюдали за особистом. Командир экипажа, как мог, издалека доброжелательными взглядами подерживал лейтенанта, но подойти не решился.

В затянувшееся единоборство взглядов майора и лейтенанта вмешался комендант. Взяв лейтенанта под руку, комендант отвёл молодого начальника в сторону и, чтобы не слышал особист, проговорил:

— Ты что делаешь? Ты же весь аппарат помощников особого отдела раскрыл. Это скандал... Это же — секретная информация. Даже я эти фамилии не знаю. А ты мне тут войну устроил...

Лейтенант молчал и слушал, не перебивая.

— Короче, как ты ему сможешь объяснить всю эту свою «комбинацию»... я даже не представляю. Особисты требуют тебя уволить...

«Ого! — пронеслось в голове лейтенанта. — Уволить! И опять — из-за особого отдела. Да, как-то у меня с ними совсем не складывается... Не любят они меня...»

А вслух, отвечая коменданту, сказал:

— У меня есть объяснение...

— Ну, ну... плохо, если тебя... — и комендант замолчал, наверное, даже не поняв, что возможно какое-то объяснение.

В кабинете начальника заставы, тёмном и маленьком помещении, рассчитанном на одного человека, шёл судьбоносный для лейтенанта разговор. Комендант внимательно штудировал Книгу Пограничной службы, пока лейтенант докладывал об обстановке на заставе... Начальник заставы обстоятельно рассказал о всех иностранных кораблях, стоящих на рейде в зоне видимости заставы, местных жителях, «бродящих» в тех или других местах, о бригадах охотников, оленеводов и монтеров линии связи, находящихся на участке заставы. Лейтенант, оказывается, знал даже количество остатков бутылок спирта и водки в местном поселковом магазине... «Просто, когда местные покупают больше водки, чем обычно, я в некоторых местах по-иному посты выставляю...» — объяснил молодой начальник.

Особист, заняв своей огромной фигурой весь кабинет, выслушивая лейтенанта, ходил по кабинету. Правда, хождением это назвать было нельзя. Два шага в одну сторону, два — в другую. Это напоминало метание хомячка в маленькой клетке: влево, вправо, — влево, вправо... Потом на секунды три он замирал, и опять: влево, вправо, влево, вправо. Только «хомячок» был слишком большой и непредсказуемый...

— Вот молодец! — вдруг вставил в доклад начальника заставы комендант. — О проведении учений он в Книге Пограничной службы всё досконально расписал. Даже задачи каждого бойца указал... И стал пальцем тыкать в Книгу и пытаться показать запись второму майору.

Комендант, конечно, пытался как-то помочь лейтенанту и поэтому фразу о пограничной книге вставил специально. Его слова были адресованы не своему подчинённому, начальнику заставы, а — особисту, как бы говоря: «...смотри: книга — образец заполнения. Решение на охрану границы — идеальное! Всё расписано, всё учтено... Молодец!»

После таких слов особист, ничего не сказав, лишь зарычал, как медведь... И только минуту спустя смог выдать из себя:

— Вы мне лучше скажите, товарищ комендант! Что мне с моими людьми делать? Это же — ЧП...

Хоть это было и обращение к коменданту, но своё слово всё же вставил шустрый лейтенант.

— Кроме того, что каждый из ваших людей добровольно сам пришёл и доложил, что он готов к выполнению особого задания, — никто об этом больше не знает. Я, когда ставил задачу перед строем, для всех сказал: «Ко мне заходят только те, кто имеет на это право...»

Особист ословело с ненавистью смотрел на «борзого» лейтенанта. Но он лучше всех присутствующих здесь понимал, что первый виноватый во всём случившемся — это он сам. Выговоры по служебной линии, а заодно и по партийной — ему гарантированы. А ещё и на смех поднимут коллеги чекисты, что какой-то мальчишка, «щегол» — «расшлёпал» весь его аппарат помощников. Позор! Прибить бы этого лейтенантишку чем-нибудь тяжёлым прямо здесь, в кабинете...

— Я предлагаю, — продолжал ненавистный лейтенант, — ваших людей поощрить вашими правами!

— Что? Что? Поощрить! — забыв обо всех предыдущих мыслях, выдохнул и вытаращил и так круглые глаза майор. — Ты чё?! Оупел?

Правда, слово особистом в этом случае было применено другое, и речь его была минут на тридцать длиннее. В ней он припомнил всё, касающееся родственников лейтенанта, и всё остальное, происходящее в мире, важное и не очень, причём, от времён покорения казаками Ермака Тимофеевича Сибири до запуска первого спутника с человеком на борту... В конце речи он вдруг почему-то сник и спросил:

— Поощрить, говоришь?

— Ну, конечно! — оживился уже совсем скисший лейтенант. — Поощрить вашими правами. Ну, посудите сами: во-первых, они все до одного пришли по вашей команде... Я же спросил каждого: «Только тот, кто имеет право...» Во-вторых: каждый из них в условиях сложных, приближённых к боевым условиям, проявил мужество, решительность и готовность к самопожертвованию!.. И в-третьих... — лейтенант понизил голос до шёпота, — ни один человек не знает ни одной фамилии Ваших людей. После команды «разойдись» и начала основной фазы занятий в мой кабинет зашли все до одного: и солдаты, и офицеры, и прапорщики... Все до одного. Значит, ваши люди — или все, или — ни одного...

А своим людям, после объявления благодарности, скажите, что мне можно доверять и надо помогать в службе по охране границы...

— А что, дельная мысль... — оживился комендант.

Особист молчал, шевеля бровями и застыв без движения посередине кабинета. Его мыслительный процесс, оказывается, мешал хождению по комнате, и поэтому в сильном напряжении он остановился, глядя куда-то в единственное окно. Он так пристально смотрел куда-то туда вдаль, что комендант, не услышав ответа, тоже развернулся и стал взглядом искать: «Что же там увидел майор?» От нечего делать и лейтенант уставился в окно. Так они и стояли втроём, упёршись взглядами в пейзаж за окном пограничной заставы... А там были тайга, синь неба и бескрайность жизни.

В этот раз вертолёт сверх меры был загружен бочками с рыбой, оленьими рогами и вяленой корюшкой. В крылатую машину еле загрузили пьяного в хлам особиста, который перед посадкой долго целовал лейтенанта и всё повторял: «Я тебе точно говорю, тебе надо работать у нас... из тебя такой опер получится...» И машина, осевшая от тяжести веса и перегруза, еле оторвалась от земли и пошла над тайгой в сторону комендатуры. Через несколько минут она скрылась за горизонтом...

Настали оглушительная тишина и умиротворение.

А шустрого лейтенанта через три месяца забрали к себе служить КГБшники...

06.11.2013.

Поезд Москва — Сочи

(первая поездка в двухэтажном вагоне)

[1] Молодые, только начинающие службу солдаты (жаргон).

[2] Увольняющиеся в запас (солдатский жаргон).

[3] Так называется участок границы. Их два: правый и левый.

[4] Старослужащий солдат (солдатский жаргон).

[5] Жарг. демобилизация. День, когда наступает солдатское счастье. Как бы долго ни служить, в этот день его испытает каждый.

[6] Осетровая порода рыб, водится и нерестится только в реке Амур. С одной рыбы добывается почти два ведра чёрной икры...

[7] Подразделение КГБ СССР (ФСБ), проводящее контрразведывательную работу в войсках армии, в том числе и в Пограничных войсках. Работа проводится через людей, которые называются «доверенные лица».

[8] Оперативный работник органов государственной безопасности, работающий в войсках.

ЭДУАРД ДЭЛЮЖ

Россия, г. Тверь

*Обо всем, что значит
быть живым*

Тебе ведома цена бессмертья,
Там где мир осколками огней
Всё блистательней и всё тусклее
Говорит о сущности своей.

Шрам на воздухе оставит лист
опавший,

Шрам на память в свете фонарей...

Скинул душу и упал на папёрты

Тихой яви тяжести твоей.

Он не сбился с рифмы — он играет

Стих из тысячи историй... Сгинет
в тьме.

Этот реквием, в который нас слагают

По тебе, безбожник, и по мне.

Посмотри — пронзительно чернеет

Эта ночь и темная вода,

Всё, что жизнь сказать тебе сумеет

В тишине молчащей тайны сна.

Отпуская в безымянное — танцуют

Болью, страхом, тишиной... мечтой!

Празднуй каждую — святую

и слепую!

Празднуй каждую, пока ещё живой!

Всем безумием, всех линий на ладони,

И пожаром смертности своей,

Всем счастливым возгласам гармоний,

Инквизиторам мерцающих огней.

Так отчаянно, чтоб небо стало выше!

Сквозь рукоплесканья клеветы —

Выдыши, всё, что ты можешь слышать,

Выдохни, что выдано тебе!

Обрываясь в пустыри агонии,

Солнце, выронив с исчерченной руки —

Расскажи с рассветом вставшим

птицам

Обо всём, что значит быть живым.

О, капитан! Мой капитан!..

Памяти Робина Уильямса

*«Подойдите поближе, прислушай-
тесь, слышите? — Carpe — слышите? —
Carpe, carpe diem, ловите момент... Сде-
лайте свою жизнь экстраординарной»...*

(Общество мертвых поэтов)

О, капитан! Мой капитан!..

Я несу тебе в тишину охапку белых

цветов,

Купленных у продавца одиночества,

На перекрестке всемогущества...

Скажи, как горчит рассвет

в одиночестве?

Как глубоки воронки слез?

Как тишина держит за горло вечность?

Сколько весит гибель?..

Протоколируйте: жизнь-убийца.

Анатомируйте: в его душе не осталось

живого места,

В том идеальном шторме рождения,

боли и любви...

В этих морщинках у глаз, где застыла

неизбывная грусть,

Распыленная в пространстве красота,

Предсмертная улыбка поэта,

Живое дыхание и биение сердца.

О, капитан! Мой капитан!..

В обществе мертвых поэтов

Я поднимаюсь на стол,

Чтобы почитать тебе стихи...

Carpe diem*, мой капитан!

* «Carpe diem» (лови момент)

И мы летим.....

*«Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет;
и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим.»*

Псалтирь, Псалом 89, стих 10

Я видел, как умирал лист, как рождался лист,
Как жил лист, дробя целое своей полнотой непостижимой полноты!
Апостольно, выбаливая, день за днем
Он прикасался ко мне своим временем.
Я видел, как плачет лист, чувствуя свое время,
Правильное время, чтобы войти и выйти... и не считать часов!
И время рождалось внутри меня,
И время умирало внутри меня вместе с ним — зеленея, багровея, седея.
Я слышал его сердце — Сердце старика и ребенка,
Будто я его сын или он моё дитя.
Он знал, что однажды его отрежут от точки возврата,
Крепко вколотят в твердь,
И единственным выходом из этого сада будет смерть.
Смерть это железные листья и прозрачные двери...
Смерть это белое платье и ледяное красное...
Смерть это запах тени...
Смерть это имя грядущей тишины...
Смерть это просьба о милосердии...
Смерть это умирание от истины,
Что Бог любит убивать всё вокруг,
Поэтому всё вокруг убивает друг друга ради Бога.
В одной руке Бог держит разочарование, тоску, печаль и боль...
В другой руке — обещание чуда и Любовь: вечную светлую, негасимую!
Бог двулик. Бог беспощаден.
Он беспощаден в Любви и беспощаден в Смерти!
И мы не можем уйти от него, потому что Он наш Создатель,
Создатель Любви и Смерти в нас.
И куда бы я ни пошел, он будет делать это со мной,
Он будет одаривать и отбирать. Я не убегу от него.
Ветер сдувает красоту, ветер разносит красоту,
Ветер сдирает красоту...
И мы прыгаем, уязвимые в гаснущий голос обнаженного пейзажа.
Знаете, почему тает снег? — он боится бессмертного сердца!
Бессмертного сердца красоты — шума цветения, удивления между быть и не быть,
Той руки, что Любит!
Исчерпывающая ностальгия рождённых, умирать?!
Сочетание не слышанного с обыденным миром...
Меня любили тысячи, убившие поэзию...
Меня убили тысячи, любившие поэзию...
Берегите себя, обремененные жизнью,
Примеряйте всё к увядающему телу,
Умирайте до конца в том, что уже тронuto,
В том, что ещё может быть тронuto,
Ведь реальность не верит в ваше родство с Любовью!
Смычок Бога ржав, струны мои звучат его гаммами,
Сыграй на мне Господи... сыграй, что хочешь!
.....и мы летим

Дословно
(Цикл времени. Осень)

Пальцы сентября, беспорядок
драгоценностей,
Мотылек вдоль провалов серебристого
цвета,
Ветер рвёт партитуры, унося
в неизвестности...
Посмотри, эти листья отравлены садом.
ШЕПОТОМ — Моцарт...Как — дословно
подкожно!
Сберегающим вдребезги «после»...
пред сверкающим «до»...
Вечер прозрачен... Невозможно!
Снова старый Харон заносит свое весло.
Какая Высокая, Великолепная старость!
Засыпай, победитель, у часового
не дрогнет рука.
Уплывай за закат... Когда нить оборвется,
Ты уже не узнаешь в этих строках лица.
И закончится сон и простит непростимое,
Обронив имя в ветер качельной тоски...
Отпуская в поход по воде —
По прозрачным расплачется ива...
День их свету, высота их мечте!
Вот слетает последний, как с бога
корона...
Назовись...на мгновенье ещё удержишься!
Опоздай, Всевершитель! —
Пусть еще постоит у порога,
Прежде чем сделать шаг в Прощённую Вось.

Бабочкой, милая!

Ты на ладонях бабочкой...нежный полет...
Тут, в поднебесной сердца, касаньями
крыльев;
Тут, где на боговой темноте мы рисуем
огнем
Танец в горячем пике среди поэзии
пыли...
Выпей мой голос из этой ночной наготы,
Выдохни в ночь фиолетово-черных
тюльпанов...
Чувствовать слово — «красный»...
и говорить на нём!
Чувствовать тайну разрыва круга сансары.
Этого танца знойно уклончив цвет —
Цвет растворенья,
Цвет обладанья,
Цвет обнаженья...
Мы научились смешивать
Нежность с огнем,
Белое с черным,
Губ замиранье,
Губ откровенья,
Плыть в орфографии взглядов
И запивать огнем соло рассвета вдоль
отреченья...
Бабочкой, милая!
Бабочкой!
Наперекор,
Звукам, в окне говорящим, что кончилось
лето.

СЕРГЕЙ ВИННИЦКИЙ

Россия, г. Волгоград

Чередой окоёмов

Музыкой Тишины, наполнив сознание, спускаюсь в лабиринт небес.
Ищу ответ и оправдание двойных стандартов и чудес.
Эпоха молнией промчалась — тысячелетия не в счёт.
И смотрит на меня устало заката утренний зрачок...

Чередой окоёмов. Вереницами праведных правил.
Паутиной соблазнов написана «Книга Имён».
В ней причудливый смысл и ответы твоих ожиданий.
В ней обычное завтра развернётся на древке знамён.

В чём порядочность дел? В чём ответ на молитву ребёнка?
Где укрылось сегодня? Кто изведает смысл Перемен?
Всё стремится уплыть — в бег секунд, привнося свою ношу.
И Мишель в Нотр-Даме напишет катрен.

Повторить не суметь. Не суметь и понять это сразу.
Но однажды под вечер, глядя на закат,
Вдруг узнаешь о том, что сбывается в образе правил.
И ударится в сердце бессмертного Духа набат.

Карта звёзд в вышине. Ей чертить навсегда свою прозу.
В ней поэзия дремлет, как собранный в осень приплот.
В этом омуте мрачном, в прошлом брошенных тысячелетий,
Есть давно затонувший, из песен сложившийся плот.

Тихий голос внутри, что он знает о громе мгновений?
Что печатают каждый из дней наугад.
Здесь встречается всё — безумие, трепет и гений,
Тот, который поможет нам всем возвратиться назад.

Чередой окоёмов, лабиринтами тайных скитаний,
Где душа ночевала, в испуге ища свою тень.
Переменами сна, те, что полдень легко переплавив,
Мне секундами-каплями меряют день.

Поцелуй от Галактики — чёрные дыры не дуры.
Они держат баланс и от этого звёздам сиять.
Перламутрами слов, и оттенками мыслей-безумий,
Мне обратно придётся по Космосу вечно шагать.

Как повторение молитвы, бессмысленность всего вокруг.
Лишь посвящение в глубины откроет сотворение рук.
Проникни взором в суть вещей, где звуки истиной души,
Аккордами соединяют вечность, что впереди, что сзади — бесконечность.
Так стоит ли теряться на гроши?

*Свеча горит в глубинах помра-
чения*

Свеча горит в глубинах помрачения,
И снова найден Путь, где его нет.
Влача вперёд, он возвратит назад.
Незнание — вот настоящий ад.

Из боли, снов, из неудавшихся стихов.
Ошибок, ран, из слёз и пепла драм.
Из сплетен, слов — загнутых когтей сов.
Из страха мглы — шаги мои.

Явившись в этот мир, все видят Свет.
Дыхание является началом пробуждения.
Но память гонится за образом смятения,
Ища всегда его — один ответ.

Сансара этих дней — энергия основ.
Той памятью жива, когда была,
Овеяна мечтой из прошлых снов.
Из ночи принесся свои крыла.

А сердце рвётся изнутри — уничтожая
страх в Пути.
Всё та же Духа суть, Ра-Свет вернуть.
Но кровь застыла, превращаясь в ртуть.
Здесь пустота позволит лишь идти.

В той пустоте горит свеча.
А в пламени есть теплота и Свет.
Лишь Он всегда для темноты ответ,
И звёздный плащ стекает вниз с плеча.

И что с того, что некого позвать?
Кто-то стучится в двери или окна?
Творя дела, их надо как-то звать,
Чтоб не было — босой ногой на стёкла.

Опять идти... и снова озиаться.
Опять желать лишь сна, и сна опять.
В надежде вымолить желание остаться.
Проходит жизнь, и нечего сказать.

Свеча сгорела, только тоненький дымок.
Она сыграла роль, которой нет.
Но был здесь Свет, который дал ответ.
«Прощай» и «здравствуй» — разделяет
рок.

Вот так и всё уходит между делом.
В свой хаос суеты со сладостью игры,
В которой пронесутся балы, и пиры.
И Дух парит над безучастным телом.

Свеча горит сверху, её нельзя
достать.
Внизу, лишь степень вычурного
жлобства,
Никчёмность, перевёртыши из снобства,
И дальше пропасть, где нельзя дышать.

Там всё сыграло роль, рассыпав соль.
В тех тёмных, потаённых трёх ступенях,
Ведущих в ад, где вечна только боль,
И где венчают купола кресты в знаменях.

Всё будет в том, в чём было выгодно
сейчас.
Всё будет воздаваться по заслугам.
И красных роз кошмар, кровавый
их окрас.
Прольётся вдруг дождём, и ляжет
полукругом.

Ба Гуа

Кто постиг смысл движения черт Ба Гуа,
Тот узнал цель рождения, Пути и труда.
И постигнув падение и взлёт в высоту,
Продолжает движение, глядя в пустоту.

Кто постиг и ушёл, чтоб остаться в мечтах,
Тот сумел воплотить поиск правды в делах.
И растаяв как дым, стал он легче крыла.
Продолжает полёт моей мысли стрела.

Пролетит, и вонзится в заветную цель.
И наступит закат, и настанет рассвет.
Одинокий Дракон вновь пронзит облака,
Будто солнечный блик в отражениях
стекла.

След его не ищи — это труд из трудов.
Только в небо взгляни и сбрось цепи оков.
Мыслям крылья расправь. И пусти в цель
стрелу.
Будто мастер кунфу сотворил тао-лу.

Одинокий Дракон пронесётся, как сон.
Он награда тому, кто навеки влюблён,
В справедливость Пути и биение сердец.
Подо мною созвездие то, что «Стрелец».

И пускай Ба Гуа завершат хоровод.
Всё равно мой Дракон совершает полёт.
Прощавшись с закатом, я вернусь вновь
сюда,

Где с пурпуром зари повстречаю
тебя.

Круг за кругом, а дальше — только Свет
и покой.
Будто древний даос, сниму тайну рукой.
И затянутся раны, и отступит беда.
Это просто, поверь — лишь пойми Ба Гуа.

Кто читает облака?

Кто читает облака? Что они хотят
сказать?

Голубые небеса —
Спят...
Ветер, почерком своим, их небрежно
нанесёт.

И подарят нам они —
Дождь... лёд...

Утром, розовый туман ляжет над землёй,
клубясь.

И тихонько колыхнёт —
Бязь...
В этом почерке — любовь и отгадка наших
снов.

Ветер пишет письма нам —
Вновь...

Кто читает облака? Кто поймёт их
здравый смысл?

Поднимая в небо взгляд, ловим —
Мысль...
Но, обратно не туда. Всё вернётся на круги.
И бежит, бежит Земля —
Зри...

В небо звёзды нас зовут, посмотреть
на Землю, вниз.

И от этого смешно —
Каприз...
Звёздам не понять печаль. Им не ведома
тоска.

Только птицы нас поймут —
Слегка...

И обратно ветер шлёт, нам, свои послания
сна.

Может утром расцветёт —
Весна...
И тогда прочтём их мы, то, что ветер
написал.

В них одно лишь слово есть —
Даль...

Снетая песня

Жёлтое на чёрном — листья на асфальте.
Осень смотрит грустно — тихо и без зла.
Одинокий путник скроется в закате,
Будто бы осколок битого стекла...

Всё темнее небо — тучи набегают.
Дождь стучит по крышам. Ночь уже
близка.

Жёлтым светом тусклым фонари
встречают —
Новую эпоху... новые века.

В жизнь ворвался холод. О тепле —
лишь помнить.
И дыхание стало — с паром, как дымок.
Воротник поднимут — завернутся
в шубы.
Все спешат в квартиры — двери на замок.

День короче ночи и ни в чём нет смысла,
Только лишь гитара ранит тишину.
Я бы спел Вам соло только свои песни,
Ведь сегодня ночью — снова не усну...

Кто мечтает тихо... кто уснул устало.
В каждом живёт гений — только позови.
Новые надежды — новые романы.
Старое не вспомнят — о большой любви.

Той любви огромной, кто в ней третий
лишний?

Кто в ней Клеопатра? Кто в ней
царь-олень?
Я не стану спорить, лишь закончу песню,
И уйду под утро — в светлую сирень...

Я учился у птиц

Я учился у птиц проникать в мир седых
облаков.

Пить из радуги сны, различая друзей
и врагов.

Ветер чувствовать кожей, видеть цель
и глаза.

Я учился у птиц понимать, когда будет
гроза.

В мире много всего, необычно об этом
не знать.

Кто-то будет с надеждой свои записи
делать в тетрадь.

Кто-то просто забудет, как ненужную
прозу судьбы.

Я учился у птиц предугадывать,
 где будешь ты.
Начинается день ярким ливнем
 из солнечных стрел.
Покрываются золотом камни старых
 обветренных стен.
И в полёте возвышенном открывается
 даль и простор.

Я учился у птиц улетать, когда щёлкнет затвор.
 Руки стали как крылья... Может это покажется мне?
 Они ими и были, как и мысль что живёт в глубине.
 Как устойчивый конус, что рядом со сфинксом стоит.

Вновь возврат к тому Солнцу, что плавит
 зенит.
 Есть учиться чему, да и стоило это узнать.
 Понимание будет, но сначала всё надо
 терять.
 Будто груз и балласт, будто вычурный
 трепет знамён.

В небе нету границ. В небе есть только
вечный простор.
И обратно дорога. Даль развяжет свои
пояса.
Отступает тревога, когда видят любимых
глаза.
Только птица ночная громко крикнет
из темноты.

Утром ляжет неслышно снег в саду
на мои цветы.
Я учился у птиц видеть небо, как смысл
всего.
Мрачно кружатся тучи, вновь желая лишь
одного.
Ливнем пролиться бурным, питая воды
озёр и рек.
Я учился у птиц понимать то, что я
человек.

При свете полной Луны

И снова, при свете полной Луны — сны.
Куда унесут, откуда придут к нам?
Забытым, но всё же с надеждой...

однажды,
Я снова вернусь — серебряным инеем,
к Вам.

Из прошлого песня. Из прошлого
свет свечи.
Мне в новом не быть, и это действительно
факт.
Наш танец последний украшен, осенним
дождём.
И даже не знаю, смогу ли попасть
в такт...

Шаги в полусне, от гулкого эха мрак.
А может быть это совсем не туда Путь?
Перчатки без пальцев, сожмутся в тугой кулак.
И двери травы за мною сольются,
как ртуть.

А помнится утром, цветы абрикоса цвели.
И помнится встарь, в горизонте горела
 заря.
Теперь всё не так — «история тёмных
 времён».
Хотя темнота сильнее сейчас, чем тогда.

И снова покажется мне в вышине,
Лилое облако — светлый овал Луны.
Наш танец под звёздами, на белом
от снега холме.
Как прежде, при свете полной Луны —
сны.

Ветер

Ветер... Один только ветер вокруг.
Этим порывам неведом испуг.
Холод - тепло, и ревёт ураган.
Туман...

Жажда, и трепет иссушенных губ.
Солнце в наркозе, не шар, и не куб.
Тысячи искр, словно брызги песка.
Тоска...

Песня, и рвутся струною сердца.
Этой дороге идти без конца.
В этом краю, я останусь с тобой.
Одной...

Знаю и помню, вижу и жду.
Путь предоставит, это приму.
И наконец-то звучит в унисон.
Сон...

Так будет лучше, в этом, и в том.
Кто не сумеет, будет сметён.
Будет обласкан ласкою стен -
Ветер перемен...

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

Санкт-Петербург

Нить

Ветер и луч в лицо.
Красный восход, как мак.
Вышел рассвет юнцом,
Белый вздымая флаг.

Несколько сот шагов...
День мой залез в зенит.
Вижу следы врагов,
Слышу — звенят ремни.

Распоясав коней,
Вяжут шатры...ночлег.
Вечер принёс идей —
Нет, не пойду в побег.

Выкраду ночью сны,
Память сожгу в костре.
И на ветвях весны
Бисер стихов — заре,

Выложу вдоль реки...
Иволги схватят нить.
И полетят стихи
За облаками — жить.

02.08.2014 г.

A-V-A

От обороны

Сдираю прошлое со стен
И выношу ногою двери!
Нас было двое — манекен,
И тень его...полна манеры:

Он улыбнётся, как-то вдруг —
Она, напротив, кривит губы.
Да призовет вернейших слуг
Тоску и Сноба...прямые, грубые,

Распишут в зеркале кривом
Мой рост...живот...кривые ноги...
И что в лице, ещё живом
Глаза, как камни при дороге —

Не велики, чтобы присесть,
И холодны рекой Харона...
Всё ж разглядел — в них что-то есть,
И перешёл от обороны

В атаку — выволок, всех в Свет!
С испуга, шмякнулась, на землю,
И разбежались слуги... Нет!
Не манекен я — слышу, внемлю!

Обои старые — в утиль!
Из облаков натку я ткани.
И пусть на время Изергиль
Меня полюбит...и поранит...

И Тень увидит кровь и пот,
И станет чуточку добрее...
Вновь заживём за годом год,
Где мысль вечерняя мудрее...

28.07.2014 г.

A-V-A

Подвиг

Ежедневно вгрызаясь в ступени,
Волоча на закорках, судьбу,
Подвиг твой — есть не бегство от лени,
От уютного места в гробу:
Задержать торжество возложений
Скуповатых веночков у ног,
И слезливых словечек: «ОН — Гений!
Рановато ушёл, а ведь Мог!...»

Он и смог — в инвалидной коляске,
Улыбаясь до самых ушей,
Он детдомовцам сказывал сказки,
Пробиваясь к застывшей душе...

А ещё — прогибал в кабинетах
Неприступную сталь из лжи.
Материл нашу косность в куплетах,
Под красивым названием «Жизнь».

Он и умер в коляске... с улыбкой...
Безымянный, забытый Герой...
Но, бывает, всплакнёт о Нём скрипка,
И подавится чёрной икрой
В ресторане банкир-прощелыга,
Прослезившись, одарит сирот...
И кого-то на палубу брига
Вознесёт от «высоких» щедрот...

26.07.2014 г.

A-V-A

Звезда упала

Звезда упала. На земле
Вулкана необъятный кратер.
Исследовал его семь лет —
Да только даром время тратил:

Она степенная ушла —
Камнями пенными дорожка,
Что опалила, что сожгла,
Остыла и во двор мой — кошкой.

И долгих девять зим и лет
Жила в семье — ну кошка кошкой!
Да вдруг, необъяснимый свет —
И нет её — лишь шерсть — немножко...

Я видел звездопада след —
К кому-то в дом просилась кошка...
От праотцев пришёл привет —
Предлинная была дорожка...

24.04.2007 г.

A-V-A

Ни слова, ни слёз

Разбитое сердце застыло в груди.
Ни слова, ни слёз не означили губы.
И красный закат в горизонт уходил,
И чёрным дымили над улицей трубы.
Свалилась на город осенняя ночь.
Хотелось бежать от себя и от света
Неоновых ламп, глаз счастливых...

Всё — прочь!

Вопрос: «Почему?» — не находит ответа
Секунду одну, а потом — камнепад...
Причин и последствий...и все

невпопад...

И холод, зверея, кусает за уши.
И на тротуаре не люди, а туши

Без лиц и фигур...и трясутся
дома...

Бежать на вокзал, раствориться
в просторах...

Но даст ли забыть именная тюрьма,
За толщами стен и оконных затворах,
Ошибку...вину...или слово беды?
Чем срезана дрожь от любви и желаний?
Снежинки летят... накрывают следы...
И жмётся в осеннюю холодность
зданий...

11.07.2014 г.

A-V-A

Взгляд был — шок

Взгляд печальный и тонкие руки,
Что ладони прижали к лицу,
Отодвинул и мысли, и звуки
Барабанные... бились жрецу:
В Петропавловке праздник народов.
Незнакомка...глаза васильки...
Перманентные* губы...порода...
Блузка, шорты, цветные чулки —
Словно из позапрошлого века...
Так знакома мне эта печаль.
Подошёл...завыванье «ацтека»,
Отодвинуло к чёрту мораль
И порядковый хлам этикета.
Взял «под ручку» и вывел к реке.
«Шаркал ножкой» и в званье «поэта»,
Приложил поцелуйчик к щеке.
Взгляд был — шок...голосок —
удивлённый...

«Охмуренье» вложил в полчаса...
И какое-то время влюблённый,
Я безбожно творил чудеса...

09.07.2014 г.

A-V-A

Да всё никак

Интуитивно свила руки
На шее встречного мужчины.
Глаза обижены и муки,
Плеснула эхом мертвечины
Любви погибшей...сострадания,
Хотелось ей...и ласки слова...
Прижавшись, грела ожидания,
На всё, на пошлости готова!
Но тут...классический ботаник —
Помятый плащ, «под мышкой» книги
И на верёвочках — «Сметанник»

*Перманентный макияж или татуаж вошел в моду не так давно — не более десяти лет тому назад.

В руке... всё просто, без интриги:
Спешит домой после работы...
Жена... собака... сопли... дети...
Задачки, кружево, компоты...
Всё, что отмерено на свете.
Но интуиция... ей слово:
В глаза за стёклами вгляделась.
Смотрели карие бедово
Да так, что по щекам зарделась
От жара, вспыхнувшего в теле...
Стояли долго... говорили...
И расставались в лёгком хмеле,
Да всё никак не уходили...

03.07.2014 г.

A-V-A

В суматохе Нурима

Черноглазый Отелло...
Догорала свеча...
И не слушалось тело
У живого ключа,
Что бежал беззаботно
Между груды камней...
Обнажённый и потный
Он склонился над ней:
Окропил лоб водою,
Стона ждал... или вдох...
Свет погас... и звездой
Взрыва брызнул сполох...
Отошла, отстрадала
Молодая душа...
Под ветвями сандала
Раб сидел, чуть дыша...
Слёзы сыпались градом,
Клокотало в груди.
Он убил её... гадом,
Жизнь его впереди.
Без любви, без отчизны,
Пресмыкаться на дне...
И ловить укоризны
Батогов по спине...
Лучше вслед за любимой —
Прыгнуть вниз со скалы...
В суматохе Нурима
Отзвенят кандалы...

01.07.2014 г.

A-V-A

Возьму за плечи

Бокалы налиты... луна,
Мне подмигнула.
Рванул из глухого сна,
Ладью качнуло.

Но семикрылый херувим
Нагнал тумана.
По разным лодкам мы не спим
В руках обмана...
Нас разметали города,
Века и страны.
Ты сомневаешься года,
Я — мою раны.
Врачую, словом и теплом,
Заблудших в тире.
Ты разбираешь бурелом
В застывшем мире.
И ни словечка в тишину,
В мою ложбину.
Мы на двоих одну вину,
Взвалив на спину,
Несём по кругу... следом в след...
А, может, хватит?!
Стяни с кровати пыльный плед,
Сядь на кровати,
Утрись слезами, сделай шаг
Назад, навстречу...
И я — любимый... лучший... враг...
Возьму за плечи...

28.06.2014 г.

A-V-A

Тепло и свет

Река меняет цвет... не голубая...
Течёт вода, как серо-бурый дым...
Любовь моя — уже не молодая,
А вкусом тем же — голубой воды.

Морщинки, седина, усталость взгляда,
И губы растеряли алый цвет...
А, знаете — ведь мне другой не надо:
Души моей она тепло и свет...

24.06.2014 г.

A-V-A

Не правильно

Проходило солнце над окраиной...
Взрывы-крики, тучи-пули, дым...
Как же это всё-таки неправильно,
Помирать за деньги молодым.

Убивать невинного прохожего,
Девочку, что вышла на балкон...
Выродка подняли из «отхожего»,
Приодели в чёрный балахон,

Рацию, винтовку в руки, оптику.
На компАсе Юг, Юго-восток.
Сухпайки, журнальчики с эротикой,
И приказ: «зачистить» городок.

Без разбора — пулю на движение,
Страх висит Дамокловым мечом.
Не помогут выжить сбережения,
Если вдруг столкнёшься с ловкачом...

Проходило солнце над окраиной...
Взрывы-крики, тучи-пули, дым...
Как же это всё-таки неправильно,
Помирать за деньги молодым.

15.06.2014 г.

А-V-A

Это не вся беда

Утром в поля — вой!
Боль отойдёт в пустяк...
Был он не друг — твой,
Если ушёл вот так:
Татем в ночи...бег...
Ни одного следа.
В мае пошёл снег.
Это — не вся беда.
Тёмен и пуст дом.
Стены тебе враги...
В горле скрипел ком —
Лживы его шаги.
Ты всё ждала: вот —
Молча, но сеет рожь.
Может, взойдёт род,
Ведь у сердечка дрожь...
Выпросила...боль...
Ночью...и всё — сама...
Утром в поля — вой!
И впереди — зима...

13.06.2014 г.

А-V-A

Всё так и было

Вновь пустота бьет тишиною...
Но ... я с Тобой ... и Ты со мною...
Светлая Ночка.
Скажи, что стало с тишиною
В душе, истерзанной разлукой?
Всё так и было — не со мною
Твои глаза, улыбки...мукой
Я упивался...и мечтою...
Горел годами, грезил в красках...
Бежал на скорый стороною,
Но на вокзале — люди в масках.
Не люди даже...пассажиры...
А что на паперти конечной?
Вареники, вино, инжиры
И суета приезжих вечна?
Ты не придёшь без телеграммы.

Но...я с Тобой...и Ты со мною...
Вернусь Заневским..., мою раму
Бабульки, «спевшись» с тишиною...

12.06.2014 г.

А-V-A

Любовь, разлука

Любовь, разлука...свет и тьма.
Живая, мёртвая вода...
Бывает так — ресницы взмах,
И до небес возносит «Да».

Знаком и многим страшный миг —
От поцелуя горький яд.
Любили в кровь, любили в крик!
Но видно, кончился заряд.

И с двух сторон запален мост,
И фотографии в клочки...
Как пустота наш мир не прост,
И в ужасе молчат зрачки...

12.06.2014 г.

А-V-A

Не вели

Губы, груди, шёлка складки...
Узелок на пояске...
Даже звёзды стали падки
И, срываясь налегке,
Усыпали пред ногами
Путь из залы в будуар.
Шёл с букетом origami
Я за ней...бросает в жар
Предстоящая картина:
Ляжет мраморно-бела
Под кисею балдахина
И поманит...слить тела...
В призраки любви и страсти...
В омут, в бурю, в водопад!
Разрывать весь мир на части
И сплестать вновь невпопад...
Шаг один...и в будуаре
Пол под лепестками роз.
И служанка...в пеньюаре...
В белом облаке волос...
И красивей, и моложе...
Страсть потухла, как свеча...
Бабники, гусары, Боже,
Не вели рубить с плеча.

11.06.2014 г.

А-V-A

МАЙЯ ШЕРЕМЕТ

Россия, Санкт-Петербург

Играть в войну — не значит воевать,
Наёмничать — не значит быть
солдатом.
Как просто безоружных убивать
И получать обещанную плату.

Удел убийц нести по свету страх,
Скрывая лик под тенью черной маски,
Но всею кожей ощущая крах,
Они страшатся будущей развязки.

И потому, врываясь на броне
В родной свой или иноземный город,
Они крушат все в бешеной тоске,
Пытаясь заглушить душевный голод.

Кто перед ними — мальчик или
старик,
Старуха мать или жена чужая,
Им все равно, они не слышат крик,
Себя стрельбой как водкой оглушая.

За горсть серебрянников —
платят головой,
Так говорит библейское преданье,
Убийца платит собственной душой
И род свой обрекает на закланье.

О матери, кого взрастили вы,
А жены — вы кому любовь отдали,
Неужто, вы кровавых дел не знали
Бендеровской фашиствующей
братвы?

И лягут дети — смертью сражены
Под брань и крики горького
проклятья
Всё потому, что страшный яд войны
Безвинных, обрекает на распятье.

Мариуполь, 9 мая

Когда убьют последнего солдата
И танками додают стариков,
Наступит мир — предательством
распятый,
Мир убиенных братьев и отцов.

Наступит он на стыке разделенья
Кровавом чреве матери славян,
И горькое и позднее прозренья
Придет на смену болью новых ран.

Не говорите нам, что мир нарушен
Тогда был ради чьей-то фетишной
свободы,
Не надо говорить — всегда мы жили
вместе,
Веками, не считая наши годы.

Вернуться вспять нам не позволит
память
О тех убитых, что замучены напрасно.
Нам нужен мир, но не ценой согласия,
Ведь мы ещё не схоронили наших
близких.
Судьба их требует немедленно участия.

21.09.2014

ИРИНА ГОРБАНЬ

Украина, г. Макеевка

Тонкая нить

Лёгкой дымкой растаяла
Мысли тонкая нить,
Я читаю Цветаеву,
И хочу полюбить

Цвет воздушного облака,
Вкус полынной воды...
Только бомбы рвут около
Почерневшей беды.

Донимает до донышка,
Родниковая стынь,
Да от дома — два колышка,
А за домом кресты...

Лучик жизни

Я сегодня совсем не та...
Я погрязла в военной жиже.
Не снимайте меня с креста,
Пусть огонь мне лодыжки лижет.

Приютился под сердцем страх,
И, не чувствуя острой боли,
Я блуждаю в иных мирах,
Словно тень. Только, что-то колет

Под лопаткой, но я горю,
И вырастаю в свой крест зыбучий.
Пусть не я иду к алтарю...
Я сгорела...
Оставив
Лучик...

Протест

Белый дом,
белый дым,
белый день;

серый тон,
серый сон,
серый быт.
Всё — потом:
мир забыт,
думать лень.
Мир — притон,
слышен стон —
ждут гробы...
Синий крах,
синий бред,
синий жест,
чёрный мрак
чёрных бед —
чёрный крест.
Этот страх
сотни лет
души ест.
Мир — дыра.
Где же свет?
Жизнь — протест.

Послала на...

А я давно послала на...
Свою гордыню:
Идёт зловещая война —
Кровь в жилах стынет.

Забыт покой, забыт уют,
Жизнь — по указке.
Здесь пядь за пядью продают,
И шьют отмазки.

Теперь меня послали на...
Бежать — не в силах.
— Нужна ли русскому война? —
Войну спросила.

Калина

А на душе ни холодно, ни жарко,
А в голове — такая пустота.
И что с того, что я не парижанка,
И жизнь мою «пришелец» растоптал?

Я в огороде посажу калину,
Как оберег непризнанных имён,
Представив жизнь не паутиной длинной,
А хрупкой сферой точечных времён.

И пусть её не разорвёт осколком,
У берега Ангел тоже есть.
О, сколько будет длиться время? Сколько?
Успеть бы сохранить и долг и честь.

Лоскутная жизнь

На самом краешке высоты,
Сию,
Из лоскутов мой образ соткан —
Сужу,
Того, кто мир разрушил крепкий,
Прощу?
Когда врага увижу в клетке —
Спущу
Курок. И пусть меня осудит
Мой дом.
Всё это будет... будет... будет...
Потом...

Осень в осколках

Ещё мороз не тронул облака, —
Я осени уже не доверяю.
Бомбёжкой враг кварталы «обласкал»,
Осколки листопада примеряя.

Ещё дожди не обронили слёз,
По душам, что почили безвозвратно,
Об осени подумаю всерьёз,
Земле отдав поклоны троекратно.

Колоколов, услышав гулкий зов,
Я от бессилья упаду травую,
И замерев средь светлых образов,
По-матерински за детей завою.

Вражеская голгофа

И я, порой, бываю зла...

Я сегодня состарилась ровно на век:
У меня под глазами чужие морщины.
Где ты бродишь, солдат? Ты —

недочеловек,
Ты — убийца судьбы, ты —
распятый мужчина.

Я тебя растерзала за баб и детей,
На Голгофу отправив твои же
останки,
Дав не воду, а кровь из разбитых
горстей,

Пей, солдат, кровь детей,
если выйдешь из танка.

Я по минному полю тебя отпущу,
Ты свободен, как миф
(на Икара не тянешь).

Никогда.
Ни за что я тебя не прошу.
Ты Голгофу своим существом
оскверняешь.

Я забыла

Я забыла о солнце и лете,
О траве и печёной картошке,
Я теперь каждый день на рассвете,
С чувством страха, стою у окошка.

Что увижу — известно лишь Богу,
Что услышу? Да, снова бомбёжку.
Не судите, друзья, слишком строго,
Что от страха брюзжу понемножку.

Это — нервы, а им не расскажешь,
Что не мир нами правит, а войны,
Что и к солнцу приклеилась сажа,
И что радость пропитана болью.

Снова взрывы... Война — это горе.
Я зашторила окна от смерти.
Правят батюшки службу в соборе,
А над ними, куражатся черти.

Так будет лучше...

Лежу на руках у Вселенной,
В ресницах запуталась туча...
Меня расстреляли «с колена»
В надежде, что так будет лучше.

Меня и чужого мальчонку
У реки, на выжженной круче,
Он тянет Вселенной ручонку
В надежде, что так будет лучше.

Стреляет, стреляет, стреляет
Отродье по имени «сучье»,
На атомы жизнь расщепляет,
В надежде, что так будет лучше.

У неба — бездонная крыша,
Но берег у кручи — зыбучий.
Я выстрелов новых не слышу,
В надежде, что так будет лучше...

Феникс и вороньё

Вымерла Феникс-птица —
Пепел вокруг и пыль,
Жаль, что не возродится,
На небесах ковыль.

Вширь — километры смерти,
Вглубь — пустота веков.
Скажут: «Враньё, не верьте!
Цел ещё терриконт».

Каркнула где-то птица,
Это — галиматья.
Ненависть возродится,
Падая — устояв.

Ненависть, словно сажа,
Падает на висок,
Флаги — для эпотажа,
Бомбы — в мой адресок.

Памятником застыла
Птица, как самолёт,
С флангов бомбит и с тыла
Будущее моё.

Надо верить

Ко всем чертям послав надежду
И в преисподнюю — добрый слог,
Остановила мысли между
Двух предназначенных дорог.

Одна ведёт в кромешный холод,
Где сны — под стать последним дням.
Казалось бы, чего плохого:
В конце дорог — моя родня.

Другая — минами изрыта,
Но тлеет отблеск фонаря,
Там есть с кормёжкой корыто,
И за нужду не укорят.

А я стою на перепутье,
И понимаю, что мертва,
Потусторонней жизни судьи,
Рвут жилы Богу хвастовства.

Мне жилы рвать не доводилось,
Но перепутье — разорву.
Когда-то я страной гордилась,
Теперь над Родиной реву.

ВАСИЛИЙ ДЕНИСЮК

Россия, Санкт-Петербург

Больно

Он был судьбою искалечен,
И это видно по нему:
Когда, склоняя низко плечи,
Стоял, шепча слова в толпу:

«Купите, братцы, по дешёвке
Отдам — медали, ордена...»
И замолкал, стыдясь неловко,
Того, в чём не его вина!

Он — Ветеран войны России
И победитель той войны...
Держа слезу, со всею силой,
Стоял, как нищий, средь весны.

Давно его страны не стало
И жизнь, что хуже нет ничьей...
Измучила его немало
На крохи пенсии своей!

Мне, видя это, было больно,
И я сказал тогда ему:
«Возьми вот деньги и довольнo —
Я их тебе, как сын, дарю».

Я видел слёзы ветерана
И сердцу не было больней...
Он мне сказал, что сына рано
Похоронил в судьбе своей.

И вот жены уже не стало,
А кто беду его поймёт?
Прости меня, сынок, не много
И лишь стакан всю боль уймёт...

Я постоял, мне горько было,
Его сейчас я понимал...
Я прошептал, сколь было силы:
— За что ж ты молодость отдал?

Родина и Путин — синонимы России

А ложь всё льётся с новой силой,
Как волны моря, на песок...
Что Путин, — Президент России, —
Миллиардер, который срок!

В Швейцарских банках его вклады,
Секретно ото всех хранят,
Что всех в России казнокрадов,
Богаче он — но все молчат!

Я думал, Запад — всё ж умнее.
Разочарован в них теперь...
Да стань наш Путин победнее,
Я перед ним закрыл бы дверь!

Быть столько лет здесь Президентом,
И миллиарда не скопить...
Я б первым стал его клиентом,
Чтоб всех в обратном убедить.

А коль всерьёз — все банки мира
Не могут вклад найти его.
И, из вранья не сделать «пира»
Хоть врать сегодня так легко.

Пилотка

Война закончилась для нас,
Когда май только начинался...
И плакал я один лишь раз,
Когда друзей не досчитался.

Так дед мой часто начинал
Рассказ о первом дне Победы...
И я так ясно представлял
Все прожитые дедом беды.

Потом он, к шкафу отойдя,
Вновь доставал свою пилотку...

Я знал, что с ним «сейчас» друзья
И, вспомнив их, он выпьет водки.

Так он всегда тот день встречал,
Что был для каждого счастливым,
Десятки лет он «поминал»
Друзей своих непобедимых.

Теперь за деда и за них
Я выпью тоже рюмку водки,
Я сберегу Победу их
И деда моего — пилотку.

Помянем

Наш друг не видит больше неба,
Росы рассветной и цветов,
Как будто он не жил, не ведал
И слова даже про любовь.

А он любим был, и друзьями,
И самой преданной женой...
Да нет его, к несчастью, с нами,
Он там, где вечный лишь покой.

И в этот вечер, звёзд сиянье,
Налив бокалы до краев —
Давайте все его помянем
И выпьем за него, друзья!

*«И путь судьбы был очень
труден...»*

Уже ушло друзей так много,
А всё не верю, что их нет,
Молил за них я часто Бога,
Чтоб дал им счастья на сто лет.

Наверно нам, за время наше,
Немало видеть бед пришлось...
Теперь смотрю, став много старше,
Как многих приютил погост...

Всё суета сует, но дружбе
Той, юной, давней, добрых лет
Корысти алчущей не нужно,
Лишь — сердца чистый, Божий свет.

Таких друзей уже не будет,
Жизнь вспять не может повернуть.
Их путь судьбы был очень труден
И многих надо помянуть.

Петух

Горланит по утрам петух несносно,
А все в округе говорят, что он поёт.
То на заре потешит он, а то горланит
просто,
Но, как певца — авторитет его растёт!

А соловья давно не слышно стало,
Забыта трель его, что так душе мила...
Сменил петух его, талант забыв
не малый —
На ферме курочка женой его была!

Неужели нет умных и мудрых

Не считайте народ дураками,
Не ищите «страдальцев» в себе,
Ни к чему всё — подумайте сами:
Все хотят лучшей жизни в судьбе.

Сколько жителей — столько и мнений,
Для того в мире есть «круглый стол»,
Чтоб собраться без «драки» и «трений»
И решить — обойдя произвол!

Неужели нет умных и мудрых?
Да спросите простой-то народ,
Не ищите «страстей» обоюдных,
Чтобы жили мы все без забот.

Сколько лет длится это волненье...
Не порваться бы только «струне»!
На исходе у всех уж терпенье
Должен быть ведь порядок в стране!

Память

Почему так в мире одиноко?
Вроде вся планета весела...
Может быть, жизнь стала однобока
Лишь одною стороною светла?

Остается сердце без ответа
И его понять я не берусь...
Иногда я думаю, что это —
По друзьям ушедшим стонет грусть...

Очень часто с ними вновь я в мыслях,
Незабвенна память о друзьях.
Растерял я их немало в жизни
С горькою слезою на глазах...

Жизни перевёрнуты страницы,
Но с годами память всё острее...

Стали все друзья мне снова сниться
Надо б помянуть всех поскорей.

Все сердцем и душой, что есть во мне

Как хочется из бывшего Союза
Мне женщинам сказать, кого любил,
С кем расставался, чтоб не быть «обузой»,
Кого – всё помню, тех, кого забыл...

Любил я вас, как юноша, всем чувством,
Всем сердцем и душой, что есть во мне,
Но нету той страны, и это грустно,
Теперь вы мне все снитесь лишь во сне.

А было ведь, как в сказке, всё красиво:
Цветы и рестораны, и любовь...
Но годы наши чувства погасили
И не вернуть тех лет нам больше вновь.

Давно в садах «состарились» скамейки,
Где под луною до утра порой
Мы целовались, пели канарейки,
И жизнь казалась вечною игрой!

Горит свеча

Горит свеча Святого Храма вознесенья,
А я смотрю и представляю всё опять,
Что к нам на землю, с неба во спасенье
Сошёл сам Бог, чтоб слово доброе сказать.

Ты принял смерть, не попросив пощады
лично –

Так я ему тогда вдруг мысленно сказал:
«Ты не унижен был тогда, ты – возвеличен,
Когда разбойников двоих ты оправдал.

Твоё решение, Всевышний – правды пламя,
Ты справедлив – и это всех людей мечты
Ты всем сказал: «Коль я не прав, пусть
бросит камень
Тот, кто не верит мне, в ком нету доброты».

Зависть

Не стесняйтесь морщин и немного
уставшего вида.
А стесняйтесь, мужчины, поступков,
позорящих вас.
В том упрёк для любого, мне кажется,
будет обидой,
Коль в таких мелочах упрекать станут
всех каждый раз.

Вот и мне, в адрес мой, бросил друг тут
недавно бестактность,
Упрекая за то, что я в жизни, бывает,
хитрю.
На такую его я, безумно циничную
наглость,
Ни на йоту совсем не сержусь на него,
не корю!

Он, видать, ум теперешний, видит порою,
как хитрость...
Зависть многих людей губит дело, в чём
сам просто – ноль,
Для меня же коллега такой
просто-напросто дикость,
Но в душе всё равно остаётся какая-то
боль...

Жаль его – он по жизни со мной долго
шёл притворяясь,
Видел я, как отводит он часто порою
глаза...
Я ж душою своей, всё простить ему
сердцем стараюсь.
Знать душа моя, также чиста, как
младенца слеза...

НАТАЛИЯ РЯБУХИНА

Россия, г. Липецк

Бибигоновы поля

Все бибигоновы поля
искрят проталинами стёкол...
Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля,
тут столько подвигов,
тут стоооолько!..
Моей мальчишеской ноге
привычны мелкие порезы.
Эгеей, враги детей, эгеей!..
Слыхали, черти, Марсельезу?!..
Бац! — спотыкаюсь о валун,
Бац! — прямоком лечу к забору...

Мой Бибигон, Аууу! Аууу! —
катится эхо коридором..
В потухшей комнате, без слов,
теряя навыки и стержни,
сiju — глазами в потолок,
и окна снежны..

Но бибигоновы поля
блестят, дотрагиваясь краем.
Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля..
Ну, что там, братец,
оживаем?!..

Дичок

...Кому цветёт дичок в конце двора,
непрощено выплёскивая сливы,
как девушка без песни — терпеливо,
как женщина без доли — на парад?..
Излом цветов
и пчёл жужжащих вихрь,
горячие, по-летнему, наветы —
не выпросят плодам пустым любви,
не выкрасят зелёный кожух светом..
И только ног ребячьих суета
испачкается ягодною тенью —
задержится какая возле рта
и сплунется скорей,
без сожаления...

Солнце в вате

...Я ослепла видеть колья
там, где реи с корабля.
Хрустом —
памяти земля
горб натёрла с силой воли.
Зданий серых толчея
сбилась зрителями паник,
мне не сдвинутся...
Меж зданий —
я — потерянное «я».
Тронет трещина в асфальте
звуковой волной глаза.
Бьётся, борется лоза —
я не вижу...
Солнце — в вате.

Одуванчики

...Поседали одуванчики,
за каких-то два часа,
а божились как, обманщики,
что не скоро в небеса.

Наклонив седую голову,
в ожидании стоят,
объясняют ветру — мол, в траву
подсыпают люди... яд,

и вообще, мол, экология,
апокалипсис везде,
словом завтра мы в дорогу,
ни за что — в такой среде...

Утром выглянула — след простыл,
значит всё же в эту.. в ту...
В добрый путь!
Успеют вырасти
их потомки к августу.

На пальцах

Не умеющие быть
там, где кто-то жаждет смысла —
виснут,
виснут,
виснут,
виснут,
да.. какое там «любить»...
я боюсь колючих пальцев,
раздирающих живот,
я боюсь себя до рвот,
если рвусь на ваших пальцах,
предлагая вам себя,
забинтованной по глотку...
мне бы маленькую лодку
и прощаться, не скорбя...

Многожизнец

Пион махровый — многожизнец
и нет ему исхода лет,
пока последний шкет, с мизинец,
не остаётся на стебле..
Пусть праотцы теряют силы,
оставив мудрый лепесток,
и кажется — вода застыла,
ждёт без движения..
Зато —
уже трепещет жизнь в бутоне,
трещит и стонет колыбель
и чудо — маленькой короной
шкет коронован!..
И теперь —
вода по вазе жизни внемлет,
переплавляя пузырьки
в цветок, румяный, как снегирь,
а рядом... следующий дремлет.

Дождь

Парк пустой...
В сырых скамейках — часть реки.
Люди прячут нос в кофтейки —
насморки...
По воде дымятся брызги, ноги жгут.
— Хоть вставляй под небо миски!.. —
выскажут.
— Не набрали мы одежды...
Зонтик кинь!..
Пропадают у приезжих
отпуски.

Курица

..Курица, курица, курица,
кУрицина слепота —
высадит траву в асфальт плаца,
мир до эмоции сузится..
Это красиво,
а там...
Вылезет ночью из кокона,
правдашнего вдохнёт,
вот она правда...
Неет, вот она!
Горлом пойдёт правда рвотная,
не умирай только вот...
Утром — как будто и не было,
не было ничего,
не было, не было Беглого..
Из каждой выемки — дух долой,
всю эту дрянь — как сорняк сполоть,
вымести — под столом...
..К вечеру манна распустится,
выгнет корнями висок,
сладостен сонм и высок.
Курица, курица, курица...

Бубенцы

Мальвы, мальвы-бубенцы...
Почему так ухо чутко
к этим птахам красногрудкам?..
Чем певучей их птенцы,
тем бессовестнее бездна
между мной и тем подъездом
с палисадником и детством...
Мальвы, мальвы-бубенцы...

С Алисой

Недолог век у дурочек Алис.
Как ни крути, ни пей волшебных
зельев,
их хватятся родные, в этих семьях —
спят по ночам..
— Свет выключила?.. Тсссс!..
— Ещё чуть-чуть! Сейчас ведь... пять
часов?,
а чай в разбитой чашке —
нескончаем...
— Причём тут чай... Тут в доме —
столько чая!..
...И чашек позолота — полосой.

Сроки тюльпанов

...Так старят душевные стихи
с деепричастным оборотом,
с сухой размеренностью...
Кто там?
Кто там живёт, жуёт пески?..

Хочу тюльпанов — рваных, красных!
Кривых стеблей, огромных ртов,
пыльцы шершавой...
Кто там? Кто застрял харизмою ужасной,
жестокостью манкостью... О ком
рвут перепонки строк регистры?!

..Живых тюльпанов сроки быстры,
тягуч стихов сухих укор..

Алюминиевые мухи

...Выброс платины.
Звук ухнул
в ржавом мусорном ведре.
Алюминиевые мухи
окружили сердца срез.
Налетели, рвут на части,
проверяют «на слабо»...
Алюминиевое счастье
спать ушло на правый бок.
Сладких сно-о-ов!
Уж слишком лёгок
этот мутный драгметалл,
рядом с платиной, бок-о-бок,
мухой, как-то обитал...

Жасминовый привкус

В тех краях
вся любовь у судьбы на паях,
и жасминовый культовый привкус
у всего, что мы трогали...
Я рвусь, голодной ищейкой, на запах,
безобразно терзая слой кружев.
Но под снегом жасминовый привкус —
как вода..
Соглашаюсь на миску
и картонную будку снаружи.
Нитки шёлка налипли на лапы...

...В тех краях
вся любовь у судьбы на паях.
И жасминовый культовый привкус
у всего, что мы трогали...

Осень

«...вот они, водолейские штучки —
понесла-а-ась через лужи,
подол в грязи...
Вознеслась, чтобы долго не мучилась,
нараспашку всё сердце,
аж дух сквозит...
...«первенец» — очень взросленький
мальчик,
весь седой, аки ангел,
не повзрослеть...
Всё водой дождевой перепачкалось...»
— Почему вы расстались?..
— Так... осень ведь.

Молчание — золото

Не надо осень беречь...
Что может быть оригинальней
безумных красок- искр потальных?
(Я знаю, хоть ты пропади,
не снимешь эти муки «голода»...
Молчание — золото...)
Что можно нового сказать
о скрытом аде всех деревьев?
Из года в год их листья — преют!
(Тут важно вовремя «назад»,
а то уже знобит от холода..
Молчание — золото...)
Но — небо...
Если нет дождя,
оно так ярко нарисовано,
как будто в космос пломба сорвана...
(Я не прощаюсь, уходя.
Вообще — нужна поэту воля то?
Молчание — золото?..)

Звезда

— Не обманешь обманутого,
не предашь...
Спорьте, спорьте,
только бьётся в кармане его
звезда...
— Но, позвольте!
— Из чего-то невидного
бичева
«держит» плечи.
Это чья-то повинная голова
«рвёт и мечет»...

— Предположим, поверили,
но звезда...

Вы поймите,
звёзд карманом не мерили
никогда.

— Вот, смотрите!...

Диагноз

— Вам надо подлечить стихи!..
Поехать в Конго — волонтёром,
отмыть в больнице коридоры,
перевести псалмы — глухим,
китов спасти от злых японцев,
восстановить права Гринпис,
предотвратить валютный криз,
утилизировать весь стронций...

— Нееееет,
я сижу, жгутом свернувшись,
и мой проштравивший мозг
как окна в зиму, клеит уши...
— Что ж,
для стихов плохой прогноз...

Органный стон

На выдохе,
не глубоко,
витают, щиплет —
знаком
крахмальный инеевый налёт,
предвестник выси
в нелепых ватных тюфяках,
где солнца кисть
исподтишка
мазнет случайный самолёт
искрой...
А листья
худые, в шёлковом тряпье,
застывшие на острие
когтистых тёмных маяков,
по бездорожью
сорвутся и.. испустят дух.
Стынь
в обезглавленном саду,
органным стоном, высоко,
всю жизнь ситожит...

Мизофрения

Та маааленькая половина —
немного чудна и наивна,
лишь тонкая пуповина её прикрепляет
к земле.

Другая её половина...
Там, в общем, совсем чертовщина,
я вижу всегда только спину — она
запретила жалеть...

Но есть что-то третье, другое.
Придётся дожидаться весны, ну...
где-то поклянчить, понуть..
Зайдётся листва в непокое, и... чур
не пугаться,

там — двое...
Но — это у целой страны.

Предзимье

Зашлась струна...
Прохладна оторопь,
до лёгких сходит синева,
предзимья скорого канва
стесняет негу, сердца около..
И странно мечется печаль,
тепло пытаюсь сфантазировать,
все краски обустройства мирового
устали миро источать..
Скорей бы «пред»
на «вот и.. правильно».
За осень выпросив покой,
мы случай воле предоставили б..
Светло постель зимой заправлена
и всё идёт само собой.

Люблю, когда в осеннем доме
свободный доступ к пирогу.
Я — у горнила! Я — могу!
Любых размеров, разной формы..
Под одеяло — нырк от всех,
досужий ветер жжёт иголкой,
а вот на кухне —
Что? Есть? Скооолько?!
Свет не кончается совсем..
И день, как правильный, прошёл
и есть ещё задел на утро.
Творю пирог и праздник будто,
ручной, домашний и большой...

ЛЮДМИЛА АРИСТАРХОВА

Россия, Москва

Верю в чудо...

В шорохе листьев
 пьяно
 рдеют рябины гроздь.
 Жалость, походкой лисьей,
 странной слезой пиано,
 входит совсем не гостьей...
 Ей не видны изъяны
 кроя и швов на платье
 (цвета созревшей сливы).
 Исподволь речь, — «...избавьте...»
 В дождике быть счастливой
 стоит...
 Вновь верю в чудо:
 пью за любовь... чинзано.
 Слезы — рука Иуды
 солят и солят раны...
 Бьётся от боли жилка,
 рвутся на волю чувства...
 Грусть моя — паутинка,
 душу, стянув... до хруста,
 вяжет узлы-зацепки,
 сети для ловли счастья...
 (Как те «узоры» редки
 ими ль не восхищаться...)
 В тихой тоске сгорают
 сколки* моих задумок.
 Гарь, как парфюм, вдыхаю,
 путая время суток...

17.09.2014

Осмотришься...

Бродят в осени два одиночества.
 Под дождём мокнут души... сердца.
 Что предсказано рыжей пророчицей
 предстоит пережить до конца:
 Пить хмельную прохладу закатов,
 улыбаться туманам седым,

*Узор, скопированный путем накалывания иглой.

заплетая в венки ароматов
 уплывающий кольцами дым.
 Любоваться зарёй, где росой
 напитались сполна облака.
 Где укутались травы листвою
 и парного испить...молока.

Знаешь, сон мне привиделся дивный —
 твои губы заметно дрожат.
 Ветер треплет мой локон игриво,
 и поёт свой ноктюрн листопад.
 Рук тепло «обожгло». В каждой клетке
 отозвался дремавший вулкан...
 А с подброшенной в воздух монетки
 падал дождиком грустным обман.
 Таял в лужах безмолвием синим —
 неделем,
 нерешителен,

блёл...

Согревал безмятежность в мартини
 и манил, как в ночи фитилёк,
 взгляд порфирный взгрустнувшего
 клёна,
 (мне напомнивший твой силуэт)...
 Просочилась подкожно истома —
 эфемерности вызвав обет...
 Проходя по подпалинам утра,
 осмотришься...может знаки прочтёшь?..

Что когда-то казалось мне утлым,
 нынче просто — красивая ложь...

21.09.2014

Воздух осенин...

Лихачит слово, выбрав склон покруче —
 не страшен поворот и виражи ...
 Пугает вдруг молчание души —
 в ночи оно гораздо благозвучней.
 «Скрипуч» прогорклый воздух осенин,
 испить его предложено с налёрок.

Не — яд, не — мёд
(понять сие непросто),

сосуд наполнил серой грустью сплин.
Смешался с фиолетом нежных флокс,
перебродил кизилловым закатом.
Чтоб в волосах с оттенком рыжеватым
сверкал венок из белоснежных роз.
Безукоризнен вкус любви... — Parfait*
Пусть синева раскроет палантины.
В шелка бросаюсь тонкой паутины,
вдыхая осени бесценное сукле...

10.09.2014

Осень... ладит колчан...

Пропечаталась боль
на безликом рассвете ромашкой.
Вновь потерял покой,
а вокруг всё рисуется сказкой...
Белым облаком сон
и летящий журавль в поднебесье.
Вертит жизнь колесо —
жернов с совестью времени честен.

Окропила судьба
его вздохи, посыпала солью.
Мысль в рассвете слаба,
ей бы справиться с выбранной ролью.
Застит очи туман,
в горле ком от любви безответной.
Осень... ладит колчан
и... свобода вдруг стала заметней...

Рыже-огненный цвет —
фаворит, согревает безмерно.
Новизны круговерть
прячет в нежности красок всю скверну.
Закрутила в клубок
паутинную нитку разлуки.
Чернотроп** между строк,
необычные вымыслы-трюки —
твой загад на воде,
полумгла за свечами с молитвой.
Эхо кордой***... вез-де...
то раздельно, то снова вдруг... слитно...

Передергивать новь
не пристало в златом листопаде.
утолю... ти-ши-ной
жажду сердца в осенней прохладе...

09.09.2014

* Французский десерт

** Время поздней осени

*** Длинная веревка, на которой гоняют лошадей по кругу (франц. *corde* веревка) (спец.).

Нам листопад...

Падают яблоки, падают...
Мятного привкуса хмель
лечит целебной прохладой,
осень взбивает «постель».
Листья, как коврик из печворка,
радуют красками взгляд.
Солнышка звонкая «песенка»
полнит теплом звукоряд.
Тишью хрустальной повенчаны,
сизая ночь и заря.
Слёз умиления при встрече
выплеснет свет за края,
вновь добавляя приправой
запах полыни и флокс.
Осенью пахнет дубрава,
тает тепло, словно воск.
С ним неизбежная роздымь
мыслей,
улыбок,
разлук...
Трогаю стылые росы —
как разорвать этот круг?..
Как согреть твои руки,
губы от жажды спасти?..
Ветви, как локон упругий,
трогает ветер... Прости,
что не сумела (как видишь)
выплеснуть дождь из ведра.
Звёзды в ночи, словно мыши,
прячутся за облака...
Не развести мне руками
грустные космы судьбы.
Вот забавляюсь стихами,
строю из грёзы мосты:
Ловко куются решётки —
славен узор бытия.
Слышатся отзвуки чётко
песен ночного дождя.
Падают капельно в чашку,
кофе с корицей смешав.
Воздух даёт нам поблажку,
только душа-то — анклав...
Ей бы в златые чертоги
резво войти, без преград...
Ты не суди очень строго
нынешний наш листопад...

01.09.2014

*Особая метка...**...на душу поставили метку...*

Миронова Марина Сергеевна

Обыденность фраз и слова-

«казнокрады»

пронзают рапирой, рвут в клочья...

Разносят по щепкам стихи-баррикады,

оставив оскал в междустрочье...

Как выдержать хаос, никчемность,

двуличье?..

А розовый флёр так манит...

Трепещет душа (претит ей безразличье),

устала сражаться и... сбавила ритм...

Давно ли была так весело-желанна,

и ночь коротала, играя в рулетку?..

А нынче пьет яд — отголосок обмана...

Саднит, кровоточит особая метка...

16.08.2014

*Окунусь в твою дымку любви...**Как хочу тебя... просто беречь
подлунной строкой, исцеляющей
магией слова*

Лара Мишанова

Гостьей снова войду в твою душу.

Оглянусь... всё как прежде... тепло.

Тишины сладкий сон не нарушу,

«затворю» синевую окно.

Прогоню от порога разлуку,

пусть бредёт... ни к чему её спесь.

И, не внемля летящему звуку,

постараюсь средь строчек прочесть —

те осенние мысли рассвета,

одиночества плач-монолог,

что остался в заре, как вендетта,

мглы продрогшей. Потерянный слог

отыщу в нежном прищуре завтра.

Окунусь в твою дымку любви,

вспомнив, утренний кофе Монмартра

и косые в Паланге дожди...

Их целебная сила бесспорна —

земский врач мимолётности встреч.

Я магическим звукам покорна

и тебя в них пытаюсь беречь...

16.08.2014

Светлый омут...

Ночь сегодня немного пьяна:

закружила, бесспорно, луну,

наткала из прохлад полотна

и взяла золотую иглу...

А потом за стежочком стежок

вышивала узор вместо сна.

Чтоб украсить судьбы эпилог

отдалась рукоделью сполна:

Где-то мак, где-то веточка льна,

яри колос медовый по краю.

В оберегах, поверь мне, сильна —

я печалью её обыграю...

А в солярных кругах золот цвет

(в нём загадка и таинств казна).

Так надёжно закрыта для бед —

колокрест* отвлечение зла...

И не счесть берегов числа:

славен час, вечен миг тишины.

Брошу страх в светлый омут без дна,

пусть растает под кровом волны...

13.08.2014

Поверь...

«Не ищу новых слов.

Я давно просто слушаю их...»

Лара Мишанова

Шорох... там за окном плачет август,

наш август бескрылый.

Слёзы — соль неизменная, лакмус...

Укрывает туман меня стылый

тишиной рыжеватой,

горчинкой неспелой рябины.

Паучок заплетает своей паутиной

прорехи... Сохнут губы-рубины.

Снова мучает жажда безмолвия,

а череда многоточий

(как всегда) произвольная...

только тот еще зодчий...

Созидает незримое, предлагая свой

стиль.

Ты, поверь, что любимая,

доиграй водевиль...

Ставь на кон всю бессмыслицу

из поверий и снов.

* Колокрест (крест в круге). Знак Солнца, преграда и отвращение зла, знак закрытости, солярный круг — символами.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Пропиши свою ижицу*
той порою ночной.

Пусть средь пальчиков истина
проскользнёт... Славен миг...
Не ищу слова издавна,
просто слушаю их...

09.08.2014

Решение зарю встречать у края...

Грустить мне не пристало на заре —
пряду из нитей солнца плащ любви.
Сжигаю боль земную на огне,
что хмурит от росы хрустальной брови.

Врачую, раны сердца в тишине...
(пусть полумгла немного позлословит).
Подобен вздох отчаянья волне,
играющей не сказочные роли.

В них праведность с греховным пополам —
«пью» эту смесь слезами охлаждая...
(Она незаменима по утрам)...

Как в эпиграмме «сочной» запятая
иль полутень в финале мелодрам —
решение зарю встречать у края...

05.08.2014

Мы с тобой тет-а-тет в тишине...

*«Ты находка и моя утрата
с постоянным привкусом разлуки...»*

Переходы, ущелья, тропы,
«песнь» цикад и полуденный зной
обнимают уставшие стопы
и с заботой зовут на покой.
Им неведомы грусть и разлука,
пересуды, поверь, ни к чему...
А любовь, вновь рождённая в муках,
прислонилась к плечу твоему.
Ей согреться бы... стынет в ущелье —
одолжу нежных запахов шарф,

* Ижица, ы, жен. Название последней буквы церковно-славянской и старой русской азбуки (ѣ), обозначавшей звук «и». • Прописать ижицу кому (устар., теперь шутл.), сделать выговор, а также высечь.

и украшу цветным ожерельем.
Убаюкает музыка арф —
растворюсь в ней, свечою растаю...
Вновь воскресну рапсодией грёз —
мне остался шагок лишь до рая...
— Знаю там ты, любимый, живёшь...
Ты — находка моя и утрата,
свет луны и зари «ручеек».
Рубикон мой — черта невозврата,
и желанный в ночи огонёк.
С послекусием нежным полыни
(столь роскошным цветком в синеве)...
В той заведомо преданной сини
мы с тобой тет-а-тет в тишине...

04.08.2014

Секрет...

О полноты и пустоты
шептались тени...,
То кривь ложились на холсте,
как отраженье сновидений,
то падали хрустальною росой
в ночной прохладе...,
А свет луны, казался невесом
в печальном взгляде.
Его зелёный блеск (чуть утомлённый)
манил своим очарованьем. Робко
волна касалась ног...,
А вечер томный
вдаль убегал едва заметной тропкой.
Струился неземной в округе свет...
дарил, то синеву, то жар заката.
И открывал (заведомо) секрет, —
«Любовь ценна, как зёрнышко граната...»
Ты рассмотри её чрез призму доброты,
вкуси целебной влаги, восторгаясь...,
И не кори за то, что у черты,
(как прежде) я... грешу, а после... каюсь...

27.07.2014

Тишина...

Только рокот волн,
только шепот гор.
Дальше тишина
и луна в укор.
Мне ли не гулять
по просторам вод.
Чтоб смогла понять,
где тот поворот.

Где благая нить
в лабиринтах снов
вновь соединит,
как сама любовь.
Тропка серебром
стелется, взгляни,
полнолуний сонм
гасит фонари...
Одинокий глас
сказочен и дик...,
Вновь пустилось в пляс
море... Яркий лик
не пугает, нет...
душу бережит.
Где-то там рассвет
с красотой ланит,
с негой и теплом,
хрусталём воды...,
То, что было сном
тает, словно льды.
И заря не зря
красит небосвод,
Вторит ей волна
уж который год, —
Не жалея постель,
подводя итог...
Лунной тропки тень,
как заветный слог,
падает к ногам —
не перешагнуть...

Мне б поверить снам,
стал бы легче путь...

13.07.2014

Верни мне веру в доброту...

Как разорвать потери нить?..
Окрась в лазурь...,
Как без доверия прожить?..
Чело не хмурь...,
Переводить часы назад
не торопись.
Не рви старинную тетрадь,
а помолись:
За свет невинности в глазах,
за губы цвета алой вишни.
(Пожалуй, помолись за страх),
за птиц притихших.
Верни мне веру в доброту,
добавь постели...,
Зайду (с опаской) за черту,

где нет видений.
Возьму от солнышка тепла —
крупницы станет.
Сверкнут златые купола
с зарёй в тумане...,
Найду ответ на свой вопрос,
что за квадратом?..
Та чернота с шипами роз
мне казематом
была так долго — целый век,
Искала выход...
Судьба готовила побег,
вздыхало лихо...
Ему бы холст, ему бы кисть —
(картина маслом...)
Душа взлетела на карниз
ей всё подвластно:
сверкнул в ночи Перунов цвет
любви алмазом...
Клеймом на сердце твой портрет —
(вдруг) всё и... сразу...

04.07.2014

Любовь земная...

«Диагноз тот же — любовь земная...»

Мне полумрака сегодня много,
звучанье танго приму за сальсу.
Паду в объятия молчаньем, слогом,
а ты готовишь к полёту трассу.
Не торопи — береги минуты
слов, придыханий, прикосновений.
Мне так давили узлами путы
тех недомолвок и разночтений.
Где эпикризом в ночи молчанье,
где тень тумана скользит по краю.
Боль неизбежна, а в оправданье, —
«Диагноз тот же — любовь земная...»

03.07.2014

Смыты пылинки грехов...

Воды кристальной крупницу,
лаванды, мимозы чуть-чуть.
Букетик волшебной душицы
и сказку уже не спугнуть.
Репейник добавлю, крапиву —
заварен доверия эль.
Где, сети надежды раскинув,
гуляет Ярилушка-Хмель.

Цвет алого мака вплетает
луна в разнотравья венки.
Роса янтарем обрамляет
загадочный свет... Между строк
всё тают, как свечи, печали
в «хмельные» ночи любви.
Ярило, с колосьями яри
смеётся. С приходом зари
все грёзы развеются. В тучах
нет выплеска грустным речам.
А может быть это тот случай?..
Манит «костерком» иван-чай —
его аромат успокоит.
(бесспорно) — напиток Богов...,
Вдыхаю тот запах с ладоней,
и смыты пылинки грехов.
Чтоб вновь в тишине трепетала
душа, насыщаясь теплом.
Загадка кипрея — начало...,
Рассеял сомнения гром.
В раскатах его удивленье:
волнуется «пламя» цветка,
как вечной любви откровенье,
как нежный полёт мотылька...

22.06.2014

Ничья...

Что эта истина?..
Где её грань?..
Музыка «выстрелом»,
как же мне жаль:
серости вечера,
ржавости дня.
Снова доверчива —
может, всё зря?..
Знаки уместны,
беспочвенны слёзы?..
В звуках небесных
нет нам угрозы.
Росная «изморозь»
пала на травы,
в сердце осмысленность —
как же мы правы...,
Истины нить
расшивает узоры.
Мыслей «гранит»
посильнее опоры
(как-то) предложенной
ноченькой тёмной.
Словом непрошенным,
криком бездонным

это вернулось...,
На круги своя
отзвуком юность...
как видишь — ничья...

21.06.2014

Жизнь улыбнулась...

«Нельзя увидеть своё отражение в бе-
гущей воде — только в стоячей»

(Дзенская мудрость)

Словно лента реки, одиночество —
томный отсвет зеркал тишины.
Света истина — не мифотворчество
и совсем не свечение луны.
А — любовь, но лишь чистая, светлая
к той себе, что сумела понять
сущность радости... Грань неприметная
«подсказала», как лучше принять
данность мыслей летящих

на скорости,
не искать искажений в душе...,
Не копить все обиды и горести,
и не спорить, поверив туше.
Что совсем, как момент поражений,
удивляет... а что впереди?..
И обломки твоих отражений —
(крохи слёз, что смывают дожди)
не увидишь, в бегущей водице,
их несёт в запредельную даль.
Слов и дум вслед за ней вереницы,
сложен путь их, похож на спираль.
Завиток к завитку плотно сжались,
разве только их с корнем сорвать.
Да и ты же совсем не из стали —
(образ твой Афродите под стать).
Сама жизнь улыбнулась, поверив
в неизменное — быть у руля...
Мы же всё-таки люди — не звери,
чтоб взрастить совершенное Я...

14.06.2014

Знаешь, что не ждать — еще страшней...

«Но не ждать тебя — ещё страшней.»

Машет ветер веточкой жасмина,
прячет росный отблеск среди теней.
Сон двуликий в роли властелина
промелькнул... Достанет миражей

отыскать монеты утешенья,
где-то в волнах нежных ковылей.
Запах васильковый — исцеленье,
а надежда, словно тот репей,
что пытался удержать. Не стоит...
Ожиданье, терпкое на вкус,
горечью своею успокоит,
словно пенку, сняв печаль и грусть.
Предвкушенье встречи — фант нарядный
в отсветах загадочных огней...
Чаяний мгновения прохладны, —
Знаешь, что не ждать — еще страшней...

13.06.2014

«DOLORE»

Федерико Гарсиа Лорка

Не страшно потеряться — диво
откроет дверь в знакомый сад.
Где Аполлон свой взгляд ревниво
бросает вдаль за край оград.

Не страшно, что неторопливо
теряет роза аромат,
а Галатея молчалива.
В безлунье... страшен маскарад.

Влекущий в сумрак к чувству боли —
и я несу свой тяжкий крест
по тропам плачущей юдоли.

Прими безропотный протест —
согрей замерзшие ладони.
И жди от осени чудес...

23.10.2014

Многозначен возврат *deja vi*...

«Пешка падает пленницей в ноги ферзя»
С. Семенов «Блюз»

Разгоралась пунцово заря.
Леденели ладони и кроме...
Знаю, это всё было не зря,
верю, знаешь, как встарь, аксиоме.
Чёрно-белое поле зовёт,
все фигуры расставлены точно.
Отчего же треножит их лёд,

отчего все виденья порочны?..
Обнажилась душа. Не смогла
быть в наряде заведомо ложном.
Как нарочно, сломалась игла —
швы давно зашиваю я прошлым.
Что же пешке твой ход отвергать?..
Не сумеет...меняются тени.
Оттого ль тяжело мне дышать,
что запуталась в нить заблуждений?
Многозначен возврат...*deja vi*...
в белом, черным отмечены строки.
А доверившись снова дождю,
я не буду такой одинокой.
В этот дождь окунусь с головой
(отмываю засохшие раны).
Знаю точно — за крайней чертой
в тишине вновь услышу: «Осанна...»
В поднебесье безмолвна стезя
разливается облаком белым.
Пешка падает в ноги ферзя
и лишает (умышленно) веры...

28.11.2014

Сердца много

«Мне нравится, что вы больны не мной...»

М. Цветаева

Не чувствую ни правды, ни вранья,
Что вновь меня считаете ханжой.
Не быть осенней стуже госпожой
В органной «песне» стаи воронья.

Рассыпались страницы бытия
Под зорким взглядом северных ветров.
Мне нравится, что вы больны не мной
И что, как прежде, вертится земля.

Звезды сиянье с лунною тропой
Предупреждают вас о новой встрече.
Ночь не решилась встретить тишиной
И разожгла в безмолвье ярко свечи.

Вновь, выводя на верную дорогу.
В груди же, отчего-то, сердца много.

24.10.2014

*Елена Жилинская**(Россия, г. Тамбов)*

МЕТАМОРФОЗЫ С ПРИВКУСОМ ЭРА ГРЕЯ

Выбор произведений был велик и сложен, но всё же, так легли карты. Приглашаю вас на небольшую прогулку по Лондону. Хотя, нет. Не так. По Его Лондону. На его диковинных улочках царит туманная прохлада, несмотря на летнюю пору. Иногда мимо проносятся конные экипажи, пробегают мальчишки, торгующие газетами. Всё пропитано атмосферой Викторианской эпохи. Интересное место, не так ли?

И, вдруг, вы замечаете тень человека, образ прекрасного златовласого юноши с чистыми голубыми глазами. Он словно хочет сказать вам что-то. Однако есть в его глазах нечто такое, что одновременно притягивает и отталкивает, словно он отмечен печатью Князя Мира Сего. И сквозь прекрасное лицо просвечивает звериный лик. Постепенно образ его блекнет и под чей-то смех растворяется в синеватой дымке опиумного яда.

Лондон замечает следы и сплетает тропы в одно полотно, искусное и с узором, который сравним с вышивкой дорогого арабского ковра. На этот раз он вывел вас к площади. Она была пустынна, не считая печального художника, который самозабвенно писал очередной шедевр на хрустальном мольберте. Есть надежда, что теперь его творение не погубит его. И даже кислотный дождь, который пытается растворить и творение и самого творца, не касается его, а стекает по невидимому куполу.

Теперь улицы привели к прекрасной реке, вода которой была настолько прозрачна, что можно было видеть песчаное дно. На речной глади белыми флагманами цвели водяные лилии. На дне лежала красивая молодая девушка, а её лицо закрывала театральная маска. Лилии венком украшали её голову, а рыбы хранили покой её несчастной любви.

Из-за горизонта по реке плывёт настоящий военный корабль девятнадцатого века. На его борту стоит человек в матросской форме, и явно солдат, что видно по его безупречной выправке. Внезапно вы замечаете, что в руке у него блеснул револьвер, который приготовлен не для добрых деяний. Он наводит его на вас, но, окончательно рассмотрев и поняв, что ошибся, обречённо бросает его в воду, и корабль уплывает по реке, которая поднимается в небеса и увлекает судно за собой, в бесконечность.

Все декорации сменяются, как в цветном калейдоскопе. И вас обгоняет человек средних лет, одетый со вкусом. В петлицу его чёрного костюма вставлена красная гвоздика. Перед вами явно представитель элиты. Обернувшись, он с усмешкой протягивает конверт, пахнувший дорогим парфюмом, открыв который, вы обнаружили всего лишь одну фразу-афоризм, вышитую золотыми нитями на шёлковой ткани: «Надо знать этот великий секрет жизни: лечите душу ощущениями, а ощущения пусть лечит душа».

И вот, после долгой прогулки и, откровенно говоря, заблудившись, вы уже отчаялись найти выход из этого старинного града. Гомон толпы сменялся оглушительным безмолвием. Почти на каждом повороте на каменных стенах были развешаны картины. Вы сразу обратили на них своё внимание. Они были живыми и менялись ежесекундно. Из прекрасных ангелов они превращались в жутчайших созданий адской бездны. И где-то плакала скрипка в унисон с фортепиано.

Но, к счастью, навстречу вам шёл человек с тростью. Он, безусловно, был частью окружающего мира, но, всё-таки, что-то выделяло его из общего фона. Его фигура словно светилась. Его облик был вам знаком, но вы никак не могли вспомнить. Он приветливо поздоровался с вами. И, словно догадываясь о том, что вы потерялись, предложил вывести вас из этого города. И тут вы вспомнили его. Он создатель этого Лондона, это Его мир. Мир Оскара Уайльда.

Только здесь за кулисами светских интриг молодой человек теряет самое дорогое в своей жизни в обмен на то, чтобы превратиться в вечную статую, посвящённую красоте и молодости. Лишь в этом мире много повидавший в своей жизни циник, не творящий ничего аморального, но и не говорящий ничего нравственного, является решающей фигурой в судьбе того несчастного юноши, обречённого лицезреть своё падение и упиваться им.

Именно в этой реальности художник тайной магией своей кисти и тягой к искусству обрёк себя на гибель от руки друга, забвение и потерю своей самой прекрасной картины. В этот момент молодая актриса понимает, что не может играть чужую любовь, а её брат мстит за её гибель. И непосредственно сейчас меняется со своей моделью местами пронзённый ножом и изменившийся до неузнаваемости портрет. Портрет Дориана Грея.

29.03.2014

Надежда

Я от века грежу летать,
Но дорожной дышу пылью.
Разучились, увы, мечтать —
Миражи расшивать былью.

Да и ценен ещё тот дар,
Что сердца заставляет гореть?
И достиг ли чего Икар,
В миг, себе позволяя истлеть?

Впрочем, немного жаль,
Что объявлен надежде «мат».
И химерою стал Грааль,
В чашу веры добавлен яд.

Неужели нельзя спасти?
Кто сказал, что проигран бой?
Разрешите душе цвести,
Путеводною стать звездой!

Начинайте опять творить,
Пробуждая сознание людей,
Позвольте им счастье испытать,
И стать помогите добрей.

И слова проявят на свет,
Да, опять всё подвластно им.
Надежды таящийся след,
Из жёлтого стал золотым!

14.09.2013

О Книге

Книга — наш гид по дорогам из строк,
Тех, что ведут в безымянные дали.
И в каждой истории есть свой урок,
Тайны иные, что «путников» ждали.

Нет лучше средства от серых ночей,
Сердцем, которых является грусть.
Но хандру одолеет любой книгою,
Любимые строки, прочтя наизусть.

Вмиг засияют картины времён,
Будь то дворцы или высокие горы.
В ярком подобии мир сохранён
В гордом величии живых соборы.

Страницы прошепчут легенды веков
И вас одарят вереницей идей,
И вы не увидите мрака оков,
Здесь царство свободы счастливых
людей.

Сюжеты и смысл по осколкам собрав,
Возможно, что ты устанешь немножко,
Но сколько увидел ты в книге добра,
А сколько таится еще под обложкой.

01.03.2014

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕРМОНТОВ. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Передача необыкновенной лермонтовской эстафеты началась еще при жизни поэта. На гибель великого Пушкина в 1837 году откликнулись многие авторы. В.А. Жуковский написал стихи «Он лежал без движения», П.А. Вяземский создал элегию «На память», В.К. Кюхельбекер — «Тени Пушкина», А.В. Кольцов — «Лес», Ф.И. Тютчев — «29-е января 1837», Н.П. Огарев — «На смерть поэта», Э.А. Губер — «На смерть Пушкина», Е.Л. Милькеев — «К портрету Пушкина». Самым же ярким и сильным среди этих откликов оказался громкий вызов юного Лермонтова — его «Смерть Поэта».

В ответ на последовавший арест мужественного автора, пригрозившего стоящим у трона Божьим судом, безвестный юнкер Петр Гвоздев создает свое послание, адресованное Лермонтову. Вступая в диалог с поэтом, он писал:

Не ты ль сказал: «Есть грозный суд!»
И этот суд есть суд потомства.
Сей суд прочтет их приговор
И на листе, как вероломство,
Он впишет имя их в позор.

Через четыре года последовала трагическая гибель Лермонтова. На нее вновь откликнулись поэты, подхватив начатую эстафету. С.П. Шевырёв в стихотворении «На смерть Лермонтова» назвал свое время «горьким веком», отторгающим прекрасное, но кончину погибшего поэта связал с отвлеченным «безумным роком». Н.П. Огарев в элегии «На смерть Лермонтова» нашел иных виновников случившегося на Кавказе и, воспользовавшись

лермонтовской метафорой «с свинцом в груди», назвал погибшего поэта «героем своего века».

Уже в сороковые годы XIX столетия началось активное усвоение русской литературой лермонтовского наследия. В.Г. Белинский, говоря о тургеневской поэме «Параша», свидетельствовал: «...нельзя было не заметить минутного возвращения русской поэзии к направлению, которое дал ей Лермонтов». А в другой тургеневской поэме «Разговор», тоже, по словам Белинского, «слишком заметно влияние Лермонтова». В творчестве молодого М.Е. Салтыкова-Щедрина опять-таки обнаружилось воздействие автора «Мцыри». Оно сказалось и в стихотворении «Наш век», и в ранней щедринской прозе, в частности, в повести «Противоречия».

В эту пору Н. Языков рисует в своей драматической сцене «Станный случай» фигуру странствующего и скучающего Скачкова, весьма напоминающего Печорина. Поэт В.А. Красов в 1845 году сочиняет проникновенный «Романс Печорина», а вариацию этого героя создает Аполлон Григорьев в поэме «Олимпий Радин». Не случайно Григорьев-критик заметил, что Печорин влек всех неотразимо и до сих пор может увлекать, поскольку является одним из наших органических типов героического. Тогда же писательница Е. Лачинова в романе «Проделки на Кавказе» (1844) в ряде эпизодов наметила переключки с «Героем нашего времени», вводя в повествование фигуры Грушницкого и «хромого лекаря», напоминающего доктора Вернера.

Развитие отдельных мотивов лермонтовского романа мы находим в повести Льва Толстого «Казаки», где Оленин пытается найти себя среди простых сердцем «детей природы» и хочет обрести на Кавказе счастье в любви дикарки. Позже модификацией лермонтовского героя станут граф Белоборский в драме А. Сумбатова «Старый закал» (1895) и офицер Солёный в чеховских «Трёх сестрах» (1901), в образе которого синтезированы разочарованность провинциального Печорина и одновременно — позерство Грушницкого.

В начале XX века лермонтовская поэзия была взята на вооружение плеядой сатириков. Знаменитое «Бородино» оказалось переосмыслено в строках неизвестного автора, с горечью писавшего о преступной неподготовленности военного командования к войне с противником в русско-японской войне:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром,
Подобно ракам и омарам,
В душе с отвагой, в сердце с жаром
Мы пятились назад?

Поэт М. Я. Пустынин сатирически перестроил в 1906 году лермонтовский «Парус»:

Шныряет сыщик одинокий
В тумане улицы густом.
За кем следит он, быстроокий?
К чему родной оставил дом?
В столице мрачной ветер свищет,
Шпион на встречного глядит.
Следы на нем крамолы ищет
И злой огонь в глазах таит.

Этому же поэту принадлежит перепев лермонтовского стихотворения «И скучно, и грустно», получившего в 1906 году подзаголовок «Размышления казака»:

И скучно, и грустно в молчаньи толпой
разъезжать
На лоне столичной природы...
Нагайка!...что пользы нещадно и вечно
хлестать
Безумцев, что жаждут свободы?

Другой сатирик, Я. О. Сиркес, в 1908 году публикует свое стихотворение, названное «Из Лермонтова»:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел...
...Но в песне его усмотрели «протест»,
И ангел попал под арест!

В ту же пору первой русской революции и А. В. Амфитеатров, и Саша Черный создают стихи, в которых каждый по-своему переосмысляет заголовки лермонтовского романа, применяя его к новой общественной ситуации. Так, в стихотворении А. В. Амфитеатрова «Герой нашего времени» мы находим следующее признание новоявленного «героя»:

...Святой гуманности поборник,
Я равноправья женщин жду,
Но — если бьет курсистку дворник,
Я обойду! Я обойду!

Все чаще к иллюстрированию лермонтовского романа обращаются живописцы и графики. Здесь следует упомянуть В. Серова, В. Верещагина, Н. Дубовского, М. Врубеля, В. Сурикова. Эту эстафету подхватывает венгерский художник Михай Зичи, который создает иллюстрации к «Демону» и прекрасный альбом рисунков «Княжна Мери» (1900).

В советскую эпоху эта линия была продолжена. Новые иллюстрации в разных графических техниках выполняют В. Фаворский, Д. Шмаинов, В. Бехтеев, Ф. Константинов.

К исследованиям творчества Лермонтова обращаются С. Дурылин, Б. Эйхенбаум, В. Мануйлов, И. Андронников, Д. Максимов, Б. Удодов, Э. Герштейн, Е. Михайлова, Ю. Лотман, В. Маркович и другие.

Особая преемственность с творчеством великого поэта по-прежнему сказывается в сфере лирики. В. Маяковский, создавая стихотворение «Тамара и демон», увидел, как «к нам Лермонтов сходит, презрев времена». С. Есенин записывает в неопубликованной автобиографии: «Из поэтов

мне больше всего нравились Лермонтов и Кольцов». Схожие признания делали Б. Пастернак, Вс. Рождественский, Н. Тихонов. Последний из них в своем раннем сборнике «Орда» рисует образы людей, которые своей энергией, жадой жизни и твердой волей схожи с персонажами, созданными Лермонтовым. В поэме «Дорога» Тихонов перекликается с лермонтовским «Мцыри». В поэме «Слово о 28 гвардейцах» ощущается влияние «Бородино» и «Валерика». В «железных» строках поэмы «Киров с нами» А. Н. Толстой справедливо чувствовал интонации Лермонтова.

В годы Великой Отечественной войны тысячи бойцов, участвовавших в героической обороне столицы, повторяли строки Лермонтова из его «Бородино»:

Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!

Фадеев в романе «Молодая гвардия» рассказал о том, как приговоренные к смерти молодогвардейцы в фашистской тюрьме обращаются к строкам Лермонтова. Ульяна Громова по просьбе Лили Иванихиной читает «ее любовь — «Демона»». С замиранием слушают герои подполья стихи поэта. «О, как задрожали в сердцах девушек эти строки, — пишет автор, — точно говорили им: «Это о вас, о ваших еще не родившихся страстях и погибших надеждах!»».

Ольга Берггольц озвучивала стихи Лермонтова в годы блокады Ленинграда. Она говорила о красоте и чело-вечности таких шедевров, как «Утес», «На севере диком...», «Листок», «Сон», «Русалка». В книге «Дневные звезды» она писала о своем Лермонтове периода детства, Лермонтове недолгого отрочества и внезапной ранней юности, «когда стихи его властно и просто слились с жадой подвига».

В 1943 году Илья Сельвинский написал стихотворение «Тамань», в котором заверял:

Мы отстоим тебя, Тамань, за то,
что ты века
Стояла грудью боевой у русского
древка...
За этот дом, за этот сад, за море во дворе,
За этот парус на заре, за чаек в серебре,
За смех казачек молодых, за эти
песни их,
За то, что Лермонтов бродил на берегах
твоих...

Примечательно, что, несмотря на суровость грозных военных лет, наши композиторы создают музыкальные пьесы на лермонтовские темы. Так, В. Гейгеров в 1941 году написал оперу «Крепость у Каменного брода», В. А. Дехтеров создал в 1944 году оперу «Княжна Мери», А. Александров сочинил оперу «Бэла», а В. М. Дешевов — балет с тем же названием (1941).

В 1959 году доклад памяти Лермонтова в Колонном зале Москвы делает двадцатисемилетний поэт Евгений Евтушенко, автор «Баллады о стихотворении Лермонтова «На смерть поэта» и о шефе жандармов».

Одним из первых стихотворений Михаила Дудина стало стихотворение о Лермонтове.

И сердце стягивает мука,
Я проглядел, как стынет свет,
Я не успел отбросить руку
И вороненный пистолет.
Я вспомню это и застыну
У гор и солнца на виду.
— Ты жив еще, подлец, Мартынов.
Вставай к барьеру! Я иду.

Справедливо сказал поэт Сергей Наровчатов о нашем великом поэте: «Может быть, никто не оказал такого влияния из поэтов прошлого века на мое поколение, как Лермонтов... Я не мыслю своих сверстников — Михаила Луконина, Александра Межирова, Сергея Орлова, Михаила Дудина без стихов Лермонтова».

Совсем не случайно наши поэты нередко рисуют облик самого поэта, осмысляя его как преемника Пушкина и передавая трагическую общность

их судеб: это В. Саянов («Поэты»), В. Звягинцева («Поэту»), Б. Ахмадулина («И снова, как огни мартеновы»). Очень часто наши лирики рисуют дуэль Лермонтова у подножья горы Машук, выражая скорбь о безвременной гибели поэта. Это «Гроза в Пятигорске» П. Антокольского, «Лермонтов» Н. Брауна, «Его песня» Б. Леонтьева, «У могилы Лермонтова» И. Кашежевой, «Поединок» Д. Голубкова, «Лермонтову» В. Цыбина. «Поручику Лермонтову» посвящает свою поэму Игорь Михайлов, «Рисункам Лермонтова» — поэт Владимир Лазарев, «Лермонтову» адресует свои строфы Алим Кешоков. Он пишет:

Ты многих мне и ближе и дороже,
С тобою мы ровесники давно:
И я рожден в четырнадцатом тоже,
Но позже на столетие одно.
...Вершины гор задумчивы и строги.
Звезда с звездой над ними говорит.
И молод ты, и нет конца дороге,
И пыль веков летит из-под копыт.

Лермонтов предстал и на нашем киноэкране. В 1955 году появился цветной фильм «Княжна Мери» режиссера И. Анненского, к сожалению, лишенный психологического анализа. В 1967 году был снят содержательный и талантливый фильм С. Ростюцкого «Герой нашего времени». В 1975 году роман Лермонтова предстал на голубом экране — «Страницы жизни Печорина» (телеспектакль по постановке А. Эфроса).

По мотивам романа в Театре на Таганке Ю. Любимов поставил спектакль «Герой нашего времени», а в Московском ТЮЗе режиссер А.Г. Кигель

осуществил версию бессмертной книги — «Читая «Героя нашего времени»» (1979).

Необыкновенную лермонтовскую эстафету подхватили и за рубежом. Еще в 1852 году немецкий поэт и переводчик Фридрих Боденштедт выпустил двухтомное издание своих переводов «Поэтическое наследие Лермонтова». Датский критик Георг Брандес, рассуждая о Лермонтове, заметил: «...его поэзия действует магически своею яркою непосредственностью <...> Хотя он умер очень молодым, все же даже Шелли, его мужественное и гордое лицо ясно и отчетливо стоит перед нами, могучее и своеобразное».

В 1939 году пропагандист русской литературы в Китае Гэ Баоцюань опубликовал статьи о жизни и поэзии Лермонтова и выполнил переводы его стихов и прозы.

В 1952 году французский писатель Анри Труая выпустил книгу «Необыкновенная судьба Лермонтова». Через семь лет, в 1959, английский профессор Янко Лавренов создал большую работу «Лермонтов». В 1962 году американский литературовед Джон Мерсеро пишет двухчастный труд «Михаил Лермонтов». В 1973 году норвежский исследователь Г. Хетсо публикует работу «Лексика стихотворений Лермонтова». Так продолжается эстафета, начатая русским поэтом; так молодо живет Лермонтов после своей преждевременной смерти.

Литература

1. «Русская старина», 1896, № 10 — С. 132.
2. Зелинский К. О Есенине // «Октябрь», 1955, № 10.
3. Наровчатов Сергей. Мир упований и страстей // «Литер. газета», 1961, 27 июля.
4. Брандес Г. Собр. соч., т. XIX. СПб (б.г.) — С. 149.

Ева Талая
(Украина, г. Харьков)

ПАМЯТЬ ПУСТЫНИ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Глава третья

Мулла Адиль встречал беженцев у старой мечети. Он сочувственно смотрел на прибывших, каждого спрашивал, как он себя чувствует. Женщины плакали, мужчины молчали, а дети смотрели на все эти события уже без слез и капризов, совсем взрослыми глазами.

В город уже давно прибывали люди с территорий, на которых велись военные действия, или нужда сгоняла с насиженных мест. Ремесленные трущобы уже и так были перенаселены, и густота населения достигала критической, но и не принять всех нуждающихся город не мог. Идти дальше было некуда, а у моря всегда проще прокормиться.

Семье Фарида выделили две малюсенькие комнаты, которые они должны были разделить еще с одной женщиной и ребенком, муж которой не вернулся с войны. В темных и пыльных комнатах не было ничего, кроме старой лавки и жаровни для углей, на ней стояла ржавая железная емкость, которую использовали для выпечки тонких лепешек мсеммен. Круглодонную кастрюлю переворачивали дном кверху и ставили на угли, хорошенько снаружи смазывали оливковым маслом, и потом, когда металл накалялся, раскатывали из теста тонкую лепешку, почти прозрачную, и клали на раскаленную поверхность. Тесто жарилось очень быстро, и такой хлеб можно было складывать пластами, заворачивать в него сыр и другие кушанья.

По крайней мере, уже было, где печь хлеб, и в этих пустых покинутых помещениях очень быстро в присутствии новых жителей воцарялась живая атмосфера, словно солнечный свет пробирался сквозь закоулки старого города, стирал серый оттенок прошлой покинутой грусти. Злые ифриты покидали насиженные места заброшенного жилища, уступая место добрым джинам. Через маленькое окошко, с узорчатыми ставнями проникало достаточно света, чтобы можно было выполнять домашние работы, пожалуй, даже читать. Это порадовало Фарида. Узоры, извлеченные солнечным светом с помощью ставен, удобно расположились на половине площади пола и любопытно вползли на часть противоположной окну стены. Отец заносил мешки, сумки и баулы. А мама шепотом читала не то молитву, не то какую-то песню и проходила от угла к углу. Очевидно, это была старинная молитва, которую следовало читать в новом доме.

Салима была чужой в этой семье, она и ее ребенок растерянно стояли посреди комнаты. Обняв своего семилетнего сына, молодая мать не знала, что делать. Фарида с улыбкой подошла к женщине, что была ненамного старше ее:

— Салима, теперь мы твоя семья. Трудности закончились. Дорога нами пройдена. Теперь мы должны обжиться на новом месте. Не печалься, все будет хорошо.

Салима с благодарностью обняла Фариду. Ее глаза были полны слез, признательности и мольбы. Все это было нелегко, и эмоции женщины выливались в крупные, как бусины, слезы. На запыленном лице заплаканной женщины оставались мокрые следы. Маленький Наби украдкой подсматривал из-за маминой спины за тем, как старый Саид, отец Фарида, с трудом переносил большой баул. Мальчик несколько секунд наблюдал за этим, но потом бросился на помощь старику. Его примеру последовали и обе молодые женщины. Только мама все проговаривала незнакомую молитву, монотонно настраивая беззвучие жилища на вибрацию ее голоса. Фарида ловила непонятные звуки, порою звучали непонятные слова, даже невозможно было понять, на каком языке произносились они. Но слова обретали плотный образ, сплетались, расправляли крылья, заполняли собой пространство, и словно покрывали все искусной вязью мастерицы, что так заботливо вывязывала каждый узор, каждую нить невидимой завесы.

Уставшее тело просило отдыха, уставшая душа молчала, и только сердце ныло и напоминало о жизни. Фарида знала, что в таком состоянии духа не стоит ни о чем думать, с усилием ей удавалось заставить себя просто выполнять необходимую работу и не задумываться. В таком состоянии вынужденного одиночества, когда каждый человек остается с собой наедине, как в момент смерти, необходимо было принять себя и мир такими, какими великое провидение привело их к этому порогу.

Когда вещи были занесены и обустроен маломальский быт, в дверь постучали. Отец отворил дверь и низко поклонился гостям. У порога стоял мулла Адиль, и еще несколько мужчин. Мужчины, обменявшись приветствиями, прошли в дом. Фарида с матерью и Салимой, ушли в дальнейшее помещение, и притаились там, внимательно слушая, о чем говорят мужчины в соседней комнате.

Из разговора мужчин было понятно, что мулла пришел со старейшинами явить свое уважение к вождю племени. Саид грустно ответил присутствующим, что более не является вождем и сожалеет о том, что не сумел позаботиться о своих людях. Отец благодарил пришедших за то, что они радушно встретили и устроили всех пришедших с ним людей. На что Адиль уважительно ответил и заверил, что иначе и быть не могло. Он поблагодарил за содействие общему делу, и особо отметил необычную, почти родственную связь с эмиром Керимом, дал понять, что он знает о том, что Керим покровительствует его семье, и что ему за честь предоставить убежище и помощь не только семье, но и всему племени. И в присутствии всех предложил Саиду присоединиться к совету старейшин, дабы своим

опытом и мудростью помогать общине в повседневной жизни. Конечно, не принять столь значимое предложение отца не мог. Так, отец Фарида, вновь занял подобающее ему место в общине.

Мужчины еще долго разговаривали и обсуждали политические новости. А женщины молились, слушали разговоры мужчин, пугались. Женщины узнали, что Керим стал эмиром, или как они его называли президентом Рифской республики. Но новости с войны были не утешительными. О новостях с фронта говорили почти шепотом, женщины, напуганные и ничего не понимающие, с тревогой и печалью, боясь проронить хоть звук из уст, сдерживали свои эмоции. Фарида мысленно преодолевала большое расстояние, разделяющее ее от любимого. Гордость и благоговейная радость за него окрыляла девичье сердце. Каким великим человеком был ее любимый. Как важно было для нее понимать всю важность существования этого человека на земле.

Когда совет старейшин покинул дом, Саид, отец Фарида, сел у окна и, не проронив ни слова, стал молиться. К нему присоединился Наби, и женщины. После вечерней молитвы, так же молчаливо семья уснула. Впервые, за столько времени, они смогли уснуть спокойным, но тяжелым сном, без сновидений.

Фарида проснулась первой. Едва она пошевелилась, боль во всем теле заставила ее застонать. «Еще живая!» — подумала она, и, преодолевая боль в суставах и мышцах, стала совершать утренний туалет. Она распустила волосы, тщательно их расчесала и вновь собрала в косы, вплетая ленты. Потом стала собирать все принадлежности для хамама. *(Хамам — баня, устраивалась для обеспечения гигиены как простых людей, так и состоятельных. В хамамах проводились косметические процедуры и даже общение между соседскими женщинами, а также отмечались праздники перед свадьбами.)*

Поход в хамам был необходимостью, ее тело так нуждалось в этом, что только вода и мыло могли очистить и оживить ее тело и душу. Мать и Салима еще спали, маленький Наби тоже. Отец спал в первой комнате, и Фарида боясь его разбудить, пошла посмотреть, тихонько на цыпочках, все ли с отцом хорошо. Он лежал на боку, его лицо, успокоенное сном, не казалось таким опечаленным, как все последние дни. Казалось, что он даже чуть улыбается во сне. Глубокие морщины покрывали лицо пожилого человека, и Фарида едва сдержалась, чтобы не коснуться лица своего отца в порыве нежности. Она помнила его молодым и сильным. Сердце защемило от осознания того, как сильно постарел ее отец.

Потом, Фарида часто будет благодарить Аллаха за эти тихие минуты счастья, когда она в спящем доме сумела постичь, на сколько дороги ей близкие и родные люди. Эти минуты, словно вынутые из потока жизни, дарованы были для понимания, что жизнь это великий дар небес, который стоит высоко ценить, и не терять ни крупицы.

Когда проснулись все в этом маленьком, новом для них, доме Фарида уже успела заварить чай и разузнать у соседских девушек, куда лучше пойти в хамам, где лучше набирать воду, где можно стирать белье, и прочее.

Девушки на улице, живущие по соседству, очень уважительно и по-доброму отнеслись к новой соседке. Это немного смутило Фариду. И к тому моменту, как она с матерью и Салимой пришла в хамам, там были уже многие из самых любопытных молодых, и не очень, женщин.

С каким наслаждением Фарида вылила на себя первый ковш воды. Даже душе стало чуть легче.... Она чувствовала, как силы возвращались к измученному долгой дорогой телу, и даже присутствие рядом любопытных девушек не могло хоть как-то умалить удовольствия от водных и косметических процедур. Среди присутствующих в хамаме девушек, как и водится, были несколько смелых, которые и стали расспрашивать вновь прибывших обо всем самом интересном. Все женщины собрались вокруг Фарида, некоторые задавали вопросы, большинство только слушали. И как не старалась Фарида уйти или ответить на вопросы, их меньше не становилось.

В хамаме было довольно оживленно, когда вошла молодая женщина, некоторое время ее никто не заметил и не обращал внимания, уж так сильно все присутствующие были поглощены рассказами о трудностях путешествия, постигших Фарида и ее семью. Пришедшая девушка была приблизительно того же возраста, что и многие среди женщин в бане, но она была француженкой. На удивление ее никто не сопровождал, и, похоже, она совсем не знала, что нужно делать. Служительница хамама пыталась объяснить ей, что нужно делать, и та с трудом поспевала понять, и кое-как укутавшись покрывалом и надев деревянные башмаки, ступила на теплый пол.

Девушка была очень светлой, очень стройной, с фигурой почти как у девочки. Небольшой рост позволял ей скрыть под простыней почти всю себя. Все посетительницы бани с интересом стали наблюдать за ней, наконец-то давая Фарида отойти в сторону и заняться тем, ради чего, собственно, она сюда и пришла.

— Здравствуйте..., — с вызовом сказала по-французски белокожая, и светловолосая француженка. Было заметно, что ей неприятно положение чужой.

— Здравствуйте, — на французском языке ответила ей Фарида. — Не останавливайтесь там, проходите дальше, не стесняйтесь и разогрейтесь вон там. У вас есть косметика, мыло, масло?

— Есть мыло и косметика. А масло зачем? — удивилась француженка.

— Вы все поймете постепенно, не все сразу. Просто доверьтесь и наслаждайтесь.

Можно долго описывать все прелести хамама, но слов будет мало. И француженка очень скоро отдалась удовольствию очищения души и тела. Старая вдова помогала ей натирать тело сначала скрабом, потом намыливала ее целым облаком мягкой пены, и наконец-то массаж с маслом. Когда все процедуры были закончены, то все девушки, которые пришли первыми, перед француженкой, уже уходили. Ими было выпито много чая, переслушано и рассказано много историй. Этот день положил начало новой дружбе. И начало новой жизни на новом месте для Фарида и ее семейства.

— Выпейте обязательно чай, не уходите сейчас вот так, — выходя, посоветовала Фарида французженке.

— Спасибо! Вы очень добры. И прекрасно говорите на французском.

— Благодарю. У меня был замечательный учитель.

При воспоминании о Жероме у Фарида защемило в сердце, и в ее взгляде нельзя было не заметить печали.

— Всего доброго, и еще раз спасибо, за ваше масло для массажа, оно просто потрясающе. Как оно называется? Я хочу купить себе такое же.

— Это масло плодов аргановых деревьев. Конечно, купите себе это масло, оно целебно и обладает массой полезных свойств.

— Обязательно! — улыбаясь, ответила французженка. Ее светлая кожа покраснела от массажа и процедур. Теперь она совсем была похожа на юную девочку.

На выходе из хамама Фарида столкнулась с молодым офицером, с тем самым, который встречал их у ворот крепости, когда они прибыли с караваном. Он нервно шагал вдоль стены и гневно поглядывал на солдат, которые виновато оправдывались. Из их слов было ясно, что офицер ждет французженку, но она, по их словам, словно пропала в этой бане. Не понятно узнал он ее или нет, но внимательно посмотрел на вышедшую из двери хамама девушку. Фарида опустила взгляд и, не глядя на него, сказала, что молодая французженка скоро выйдет, и чтобы он набрался терпения, она еще не выпила чай.

— Не выпила чай? — удивился он в свою очередь — Нет, вы это слышали? Я сколько времени ее здесь жду, а она пьет в бане чай!

Продолжать разговор не было смысла, остальные женщины уже разошлись, каждая в свою сторону. И Фарида с матерью и Салимой поспешили домой. Дома их встретили мужчины, Наби бросился к матери, а Саид, отец Фарида, впервые за долгое время улыбался и обнял своих родных, жену и дочь. Фарида поняла, что за время отсутствия успела соскучиться по отцу. А где-то там, были Мусса, Умар, Керим и их так не хватало. Это трудно было назвать скукой, их присутствия катастрофически, до боли в груди, не хватало.

Ближе к вечеру, на улице были слышны звуки суматохи и громкие голоса. Фарида выглянула из дверей дома и увидела в конце улочки знакомую французженку, что встретила ее в хамаме. Она громко о чем-то спорила с молодым офицером, тем же, комендантом крепости. Ее звонкий голосок звучал, как песня. Она доказывала что-то, энергично жестикулируя, и смело глядя в глаза офицеру. Мужчины, что проходили по улице, удивленно оглядывались. Все в этой женщине было необычным. И то, как она разговаривала с мужчиной, и то, как она была одета. На ней были странного вида брюки, пышные на бедрах и почти облегающие на лодыжках, и жакет, из-под воротника которого выбивалась белоснежная рубашка. Ее светлые волосы были покрыты небольшой шляпкой, не дающей тень на лицо, и это придавало ей невероятную кокетливость. Несколько прядей волос выбилось из-под полей шляпки, при таком энергичном и эмоциональном поведении девушки это было не удивительно. Несколько человек пытались занести в низкие двери дома, перед которыми разворачи-

валось это действо, большие кожаные сумки, большой сундук из дерева с красивыми коваными петлями и яркими узорами, а также несколько круглых коробок, саквояжей и прочей клади.

Трудно было понять, что именно не устраивало эту женщину, и почему она так непримиримо возмущена, но то, что теперь она будет их соседкой, стало понятно сразу. «Не случайно эта женщина в моей жизни» — подумала Фарида, не переставая наблюдать за сценой на улице. Наконец-то француженка перестала возмущенно что-то доказывать офицеру и, оглядевшись, поняла, что многие из жителей и прохожих стали невольными зрителями. Когда она заметила Фарида, то от ее недовольства на лице не осталось и следа, она очень дружелюбно улыбнулась, и вздохнула, словно почувствовала облегчение.

Фарида улыбнулась в ответ, взгляды женщин были замечены комендантом, он оглянулся посмотреть, кому так мило улыбается француженка. И теперь пришла его очередь удивляться. Снова Фарида, которая, все так же очаровательно улыбалась и, казалось, на каждом шагу встречалась ему за последние два дня. Саид положил руку на плечо дочери, дав ей понять, что следует зайти в дом. Зеваки и любопытные зрители расходились каждый по своим делам. А Фарида возвращаясь к повседневности, прислушивалась к удивительному ощущению, что мир стал другим, и что скоро, очень скоро, придется меняться ей самой.

Соседство француженки в тот же вечер удивило всю улочку. Во время намаза, последнего в этот день, вдруг на улице послышалась музыка, и все пространство заполнил женский голос, что красиво звучал в безупречном произношении французского языка. Певица пела очень страстно и эмоционально, и так необычно было это. Фарида до этого момента не слышала ничего подобного, как и многие, кто проживал по соседству.

— О, Аллах! — вскинув руки к небесам, воскликнула мама. Она была настолько поражена происходящим, что не находила слов.

— Кто это поет? — наивно удивился Наби. Ему, как ребенку, было очень любопытно все новое, и он бросился к двери, чтобы посмотреть, откуда доносился этот звук.

— Не надо, Наби, — остановил его Саид, — не нужно так реагировать на все, чего ты не понимаешь. Это играет граммофон у нашей новой соседки.

— Граммофон? — удивленно повторил странное слово Наби.

— Это специальное устройство для воспроизведения звука, записанного на пластинку. Вот такую, — Саид постарался руками показать приблизительный размер пластинки, — на такие диски люди уже давно научились записывать голоса, и граммофон их воспроизводит.

— Зачем? А просто спеть нельзя? — удивился мальчик.

— Можно Наби, можно, но не все люди умеют и хотят петь. Есть более талантливые в пении, а есть талантливые в изготовлении разных вещей. Вот, кто-то очень талантливый придумал граммофон, теперь мы можем слушать голос этой женщины, которая поет.

— Она некрасиво поет! — поспешил добавить Наби.

— Это потому, что не привычно для твоего слуха. Ты не понимаешь то, о чем она поет, и ее песня не похожа на те, что ты слышал с детства. И тебе кажется это некрасивым. Но, если ты примешь все как есть, то поймешь, что эта женщина очень хорошо передает голосом свои эмоции, ее голос чист и мелодичен, и не так уж плох.

— А что нужно для того чтобы придумать граммофон? — не унимался Наби.

— Это очень интересный вопрос, и ты молодец, что задал его. А для этого, мой дорогой Наби, для этого нужно учиться! Ты умеешь читать?

— Нет, — смутился мальчишка.

— Вот! Как же ты придумаешь что-то новое, не изучив того, что придумали до тебя умные люди? Давай завтра Фарида будет тебе учительницей и научит тебя читать и писать, а потом ты сможешь понять, о чем поет эта женщина, и как устроен граммофон, и еще очень много интересных вещей можно узнать, зная только буквы и цифры, а также некоторые законы нашей жизни. Да поможет тебе Всевышний.

— Иншаллаха, — произнесла Салима, счастливая всем услышанным.

Фарида любила просыпаться раньше всех. Тогда в доме еще заметны следы чудес и снов, которые не успели уйти в ночь. Утро осторожно и тихо приходит, загладевая пространством сна, и вытесняет хрупкое ощущение предрассветного чуда. В лучиках солнца, что едва пробивались сквозь верхнюю часть узорчатого окна, летали былинки. Они, как сказочные существа, словно торопились вслед за сном скорее улететь из освещенного пространства, в котором сейчас для них не будет места. Первым проснулся Наби. Он робко подошел к Фариде и обнял ее руку, сонным голосом приветствуя ее, спросил:

— Ты сегодня научишь меня читать?

— Ты такой нетерпеливый. Я не научу тебя читать за один день.

— Почему, — удивился мальчик.

— Сначала, мы выучим буквы, потом научимся составлять слова и читать.

— А быстрее нельзя? — не унимался Наби, ему так хотелось учиться.

— Если ты сильно-сильно будешь этого хотеть, то желаемое очень скоро случится. Все истинные сокровенные желания всегда исполняются, на то воля Аллаха. Аллах слышит голос твоего сердца и спешит помочь, ведь только так, в молитве и стремлениях исполняются мечты.

Вскоре проснулись все обитатели небольшого жилища. За окнами просыпался мир. Суэта постепенно овладевала всеми обитателями дома. И привычный круг обязанностей приводил людей к постоянному движению.

Наби вменялось в обязанности ежедневно ходить к колодцу и приносить воду. Ему дали два небольших кувшина, и мальчик с важным видом и серьезностью взрослого человека направился выполнять поручение.

Когда он вернулся, вслед за ним в дом вошла девушка, та самая француженка, что поселилась не далеко от них.

— Бонжур! — поздоровалась гостя. Все в доме были удивлены, кроме Фарида.

— Бонжур! — приветливо ответила Фарида, и жестом пригласила ее войти.

— Меня зовут Валери, — представилась девушка. — Я здесь не далеко от вас живу.

— Да, мы уже знаем, у вас вчера играл граммофон, и нам прекрасно было слышно.

— Простите, я, наверное, мешала вам, — смутилась Валери.

— Нет, скорее наоборот, — слукавила Фарида, которой, как и большинству обитателей квартала, вовсе не понравилась французская музыка.

— Я, собственно, почему пришла к вам. У меня есть предложение и просьба. Разрешите вашему мальчику помочь мне. Я буду платить ему за работу, а он пусть приносит мне воду. Возможно, у меня будут еще какие-нибудь мелкие поручения, я смогу хорошо отблагодарить его и вас за это.

Кроме Фарида и ее отца, никто не понимал смысла разговора. Но отец молчал, давая понять, чтобы Фарида решила это сама.

— Салима, — обратилась к матери мальчика Фарида, — Валери, наша соседка, просит, чтобы Наби и ей тоже приносил воду каждый день. За это она будет платить ему, и еще он будет выполнять некоторые мелкие поручения, за которые получит отдельную благодарность.

Салима даже обрадовалась такому повороту событий, ведь теперь ее сын сможет приносить в их общий дом хоть немного денег, которые ей, как женщине без мужа, очень трудно заработать. Конечно, она согласилась.

— Давайте спросим Наби? — предложила Фарида. Но Салима не позволила, она подошла к сыну и сказала ему, что теперь он будет каждый день делать.

Мальчик и не думал возражать, он кивнул матери в знак согласия, и его глаза выражали удовольствие. Саид улыбнулся, но ничего не сказал. Было ясно, что старик чувствует свою беспомощность, и наверняка в такие минуты разлука с сыновьями больно отзывается в его сердце.

— Валери, — обратилась Фарида к французенке, — Наби пойдет с вами. Расскажите ему, куда принести воду.

— Его зовут Наби? — улыбаясь, спросила девушка, — какой милый мальчик. Спасибо вам. — Валери не знала имени собеседницы и не могла закончить фразу.

— Меня зовут Фарида, это мама Наби — Салима, мой отец — Саид, и моя мама — Замина.

— Очень приятно с вами познакомиться. Я прошу прощения за беспокойство.

Фарида подтолкнула мальчика к Валери, чтобы тот понял, что уже нужно идти с ней, и провела их к порогу.

— Фарида, — почти шепотом обратилась к ней Валери, — я здесь ничего и никого не знаю, можно мне рассчитывать на вашу помощь? Капитан Робер совершенно бесполезен в плане обеспечения удобства и прочего. Я понимаю, что моя просьба покажется вам необычной, я французенка, и только за это вы можете ненавидеть меня, но поверьте, я здесь именно для того, чтобы хоть как-то повлиять на скорейшее прекращение этой ужасной войны.

Фарида с удивлением посмотрела на собеседницу. Что могла сделать эта хрупкая девушка против армий и политических интриг целого легиона воинственно настроенных мужчин? Но в ее глазах было столько решимости и уверенности, что Фарида не могла сомневаться в том, что она действительно добьется желаемого.

— Валери, я помогу вам, чем смогу. Но мы и сами совсем недавно в этом городе, на правах беженцев.

— Вот и чудесно, — Валери дружественно взяла Фарида под руку, чем очень удивила ее. — Сегодня приходите ко мне, как только сможете, и расскажите мне историю, которая привела вас в этот город. Я хочу узнать настоящее и истинное лицо вашего народа. Вы показались мне очень приветливой и симпатичной.

— Спасибо, — приняла за комплимент эти слова Фарида, — я приду.

— Вам спасибо! Мне одной не выжить в этих стенах. Я тоже могу помочь вам, капитан Робер не сможет мне отказать в мелких просьбах, если вам что-то нужно от коменданта, я могу ходатайствовать.

— Нет, нет, ничего не нужно. Хотя... — Фарида немного запнулась, она не знала, как сформулировать свою просьбу.

— Ну, говори же! — поддержала ее Валери.

— Комендант распорядился, чтобы мы отдали верблюдов в общий загон, я бы очень хотела получить разрешение и приходить туда, чтобы ухаживать за моей верблудицей. Я боюсь, что никто не будет о ней заботиться.

— Я постараюсь сделать все возможное.

Валери дружественно пожала руку своей новой подруги, и, улыбаясь, пошла в направлении своего дома. За ней послушно следовал Наби, оглядываясь на Фарида. С осанкой важности, дерзко проходя мимо мальчишек, которые сидели у порога соседнего дома, он деловито попевал за французенкой.

В этот день вся семья радовалась первым деньгам, заработанным мальчиком. Эти несколько дирхем отдали главе дома, Саиду. Мальчик получил благословение от старшего и слова благодарности. Но все заработанные мальчиком деньги глава семейства отдал матери мальчика со словами:

— Салима, ты достойно воспитываешь сына. В столь раннем возрасте он уже настоящий мужчина и полностью разделяет заботы жизни и быта наряду с взрослыми. Возьми эти деньги и купи сыну все необходимое для обучения грамоте. Фарида обучит его азам чтения, письма и математики.

Молодая женщина бросилась к старику, чтобы выразить свою благодарность, буквально кланяясь ему в ноги.

— Ну, что ты, дочка, вы же мне, как родные. Береги вас Аллах!

Ближе к вечеру Фарида собралась идти в дом к Валери. Мама стала ее отговаривать:

— Ты подумай, дочь, твоего отца пригласили в совет старейшин, а ты устанавливаешь дружбу с французенкой. Люди не поймут тебя.

— Мама, люди и так не понимают, что происходит. Наш народ не образован и мало призывов к борьбе, нужны и мирные средства решения проблем. А пока мы находимся в городе под французским протекторатом

и вынуждены искать пути сосуществования. Я говорила с отцом, наше представление будет полным, если он будет широко опознан в проблемах нашего народа и людей, проживающих в этом городе, а я сумею с помощью Валери знать мнение второй стороны. В такой ситуации противостояние не приведет ни к чему полезному.

Матери ничего не осталось, как согласиться с доводами, и в который раз строго посмотреть на своего мужа, потому как была не сторонницей вовлечения дочери в сугубо мужские проявления деятельности, и считала, что образование для женщины ничего не значит, и даже больше, только портит женщине жизнь.

С порога дома были видны окна комнаты, в которой поселилась француженка. Удивительная девушка Валери, она распахнула настежь резные ставни, и укрепляла в проеме окна светлую ткань. Зачем ей захотелось сделать полог в окне? Это было необычно, и мимо проходящие люди с удивлением смотрели на это, видеть в окне силуэт женщины столь же непривычно, как и распахнутые на сторону улицы ставни. Фарида украдкой стала наблюдать за странной соседкой. Та, не замечая, как много людей смотрит на нее, с усердием и вдохновением обустривала свое жилище, так как ей казалось удобным образом. Через открытое окно к девушке обратился какой-то военный офицер. Девушка с закатанными рукавами, и взъерошенными на голове волосами перегнулась через край проема окна и стала громко разговаривать с ним. Фарида улыбнулась, ей было интересно представить себя на ее месте. Когда офицер, выслушав от француженки целую порцию претензий и упреков в адрес коменданта, поспешил скрыться, Валери заметила стоящую в стороне Фариду. И тут же на ее лице сменились эмоции гнева на милость, и с самой добродушной улыбкой она помахала рукой своей гостье и пригласила её зайти.

Валери оказалась очень милой девушкой. Она с радостью встретила Фариду и провела в дом. Внутри было довольно уютно, две комнаты находились на втором этаже. Валери привнесла в убранство комнат некоторые европейские особенности. На стене висели несколько фотографий в деревянных рамках. Это первое, что привлекло внимание гостьи. Пока Валери готовила ароматный кофе, Фарида принялась разглядывать все вокруг. На фотографии можно было узнать хозяйку в пышном белом платье рядом с пожилым мужчиной в форме французской армии.

— На фото я с отцом, — пояснила хозяйка, чтобы гостье не пришлось догадываться, наблюдая из дальнего угла первой комнаты, где был установлен примус, на котором Валери готовила кофе.

— Он офицер? — спросила гостья.

— Да, он генерал. А рядом это фотография моей матери. Она погибла, когда я была еще маленькая, и папа воспитывал меня один, так и не найдя достойной жены. Правда, она красавица?

— Да, как и вы, Валери!

Фарида смотрела на фотографии, трудно было узнать в милой девушке на фото теперешнюю Валери, ее образ амазонки в брюках и полумужских одеждах никак не совпадал с образом, запечатленным фотографом. Но схо-

жесть с мамой была очевидной, тот же овал лица и губы, и глаза, она была очень похожа на свою мать. На третьем фото Валери была в компании молодого человека в смокинге. Валери выглядела королевой в шикарном платье рядом с ним, оба лица на фото светились счастьем и, как показалось, любовью.

— Это Фабрис.

Валери принесла две чашки кофе и предложила госте.

Фарида вдруг вспомнила, что так и не вручила ей подарок, который до сих пор держала в руке.

— Это вам, Валери, — и протянула девушке флакон с аргановым маслом для хамама.

Они присели за маленький круглый столик. Валери поставила чашки и принялась рассматривать подарок. Открыла флакончик и вдохнула аромат косметического средства. Закрыв глаза, стала наслаждаться ароматом.

— Это ваш муж? — спросила Фарида, чтобы продолжить разговор.

— Что? А, Фабрис! Нет. Он мой друг детства, мы росли по соседству и вместе с ним играли в войну, и ходили в школу. — Валери немного задумалась, ее лица коснулась едва заметная печать, потом она добавила: — Он записался в армию, чтобы стать героем, и два года назад пропал где-то в горах Атласса вместе с legionерами. Русский офицер, который командовал его взводом, после того как их разбили партизанские отряды Абд-Аль-Керима и они примкнули к отряду русских legionеров, сообщил, что он пропал без вести.

При упоминании имени Керима Фарида вздрогнула и чашка в ее руке звякнула о блюде.

— Вы пытаетесь его найти? — нерешительно предположила Фарида.

— Чтобы найти человека в этом аду войны и разрухи не хватит жизни. Я здесь как наблюдатель и журналист, моя задача рассказать правду об этой войне. И убедить людей в необходимости прекращения военных действий в этом регионе. Мы слишком много теряем.

Фарида сделала глоток ароматного напитка, чтобы ничего не говорить в ответ, и продолжила рассматривать интерьер. В углу, на красивой подставке, сделанной в стиле марокканских мастеров по дереву, стоял граммофон, звуки которого днем раньше слышали все по-соседству. Это был небольшой деревянный ящик из темного полированного дерева, украшенного витиеватыми вензелями и завитушками, на его поверхности диск для вращения пластинок, иглодержатель, очень искусно выполненный мастерами по металлу в пару чеканному рупору, предназначенному для излучения и усиления звука динамика.

— Я тащила этот ящик через всю пустыню! — сказала Валери, видя внимание госты на этом предмете. — Я актриса, журналистом мне довелось стать в протест, и по воле случая. Вам понравилась французская эстрада?

— То, что вы слушали вчера? — осторожно спросила гостя.

— Ну, да.

— Это было необычно, но...

— Хорошо-хорошо, не продолжайте...

Валери решительно встала и направилась к аппарату. Она взяла одну из пластинок, и установила ее. Послышалось шипение, и вдруг полилась удивительной красоты мелодия.

— Это Моцарт...

Некоторое время обе девушки не говорили ни слова, вслушиваясь в музыку. Ничего подобного Фариде не приходилось слышать.

— Это музыка, язык которой понятен всем народам мира. Как и язык любви, — заключила Валери. И подошла к окну.

Узорные ставни были настежь распахнуты, в комнату проникало много свежего вечернего воздуха, уже лишенного полуденного зноя. Ткань, которую использовала Валери для штор, легко развевалась на ветру. Складки штор, как паруса, наполнялись воздухом, и потом, осторожно ускользая из плена ткани, неуловимый ветерок проскальзывал в комнату и растворялся в ней прохладой. Валери плотнее задернула шторы и вернулась к госте.

— Я совсем забыла, у меня же есть шоколад! — забывчивая хозяйка тут же принесла плитку шоколада и предложила его госте. — Робер был так любезен, что потрудился достать мне это лакомство, без которого я не представляю своей жизни!

— Спасибо! — смущаясь, поблагодарила Фарида. Кофе и шоколад были вкусными.

— Не стоит благодарности. И возьмите немного для Наби и ваших родных.

Фарида хотела было протестовать против этого предложения, но Валери решительным жестом завернула половину плитки в обертку и, не допуская протестов, отдала ее Фариде. В этот момент заметила на руке госты браслеты:

— Очень красиво! Марокканские ювелиры покорили меня своим мастерством. Пока я добиралась в Рабат, приобрела несколько совершенно потрясающих вещиц. Валери поспешила похвастаться своими покупками, в конце концов, о чем еще могут говорить две женщины.

Валери достала из сундука, что стоял в углу этой уютной комнаты, большую шкатулку и поставила ее перед гостей. В шкатулке были сложены разные украшения, и девушки увлеченно погрузились в ее содержимое. Но внимание Фариды сразу привлекло к себе одно украшение, камей, точь-в-точь, как та, что ей подарил Керим, и которую она оставила Муссе на память.

— Что это? — не дослушав то, что говорила о своих браслетах Валери, спросила, не скрывая волнения, Фарида.

— Это моя камей, мой отец заказал две такие, когда я родилась. Одну мне, а вторую для моей мамы. Но у меня осталась только эта.

— А куда делась вторая?

— На самом деле это мамина брошь. А мою пришлось подарить какому-то марокканскому послу, на одном из приемов. Мой папа принял дар от посла, красивый кинжал, и нужно было подарить что-то в ответ. В тот вечер я была с папой рядом. Это было первое мое появление на приеме в посольстве, мне было 12 лет. Я помню, с каким сожалением мне пришлось

снять с платья брошь и отдать. Это было впервые, когда к нам в страну приезжали марокканские парламентарии. И кстати там был Абд-Аль-Керим, ваш вождь восстания. Тогда, еще совсем юн, хоть и старше меня...

Фарида старалась скрыть свое волнение и глаза. Но Валери заметила это, и немного удивилась, упоминание о Кериме уже не первый раз смутило ее гостью.

— Мне очень нравится твое ожерелье! Я бы такое не надела, но на тебе... Позволь, я буду говорить тебе «ты». — Фарида лишь кивнула в ответ. — Оно очень искусно сделано, столько тонкой работы, камней и серебра.

— Это подарок Керима.

В воздухе повисло напряженное молчание. Фарида тут же пожалела, что произнесла это имя, ей не стоило говорить, чей это подарок. А Валери даже не стала сомневаться, что они только что говорили об одном и том же человеке.

— Абд-Аль-Керима? — наконец-то переспросила Валери. Фарида испуганно смотрела на француженку. — Хотя, что я спрашиваю...

В воздухе повисло напряженное волнение, Фарида боялась, что эта тайна не будет надежно укрыта от других, а Валери переживала, что затронула тему, которая помешает этой, и без того скрытной девушке, стать для нее подругой и доверять.

— Ты не рассказывай об этом, пожалуйста, никому, — отчаянно попросила Фарида.

— Конечно, я не расскажу, это опасно для тебя.

— Твоя камешка, та, что тебе пришлось отдать, сейчас находится у моего брата Муссы. Он остался в Фесе, нам пришлось разлучиться по дороге в Рабат, он был болен. И если он придет сюда, я обязательно верну тебе твое украшение.

— Спасибо! Мне кажется, наша судьба все это предусмотрела не по случайности...

— Все написано единой рукой — «Мактуб», — немного задумавшись, вымолвила гостья.

— Мактуб? — не поняла Валери.

— Так суждено, рок, судьба, — пояснила Фарида.

— А знаешь, как только я попала в Марокко, то удивилась, насколько родным мне оказался этот край. Как же не правы те, кто назвал целый народ нецивилизованным, даже не потрудившись узнать многогранную культуру и историю этого народа. Меня удивил и пленил ваш народ и ваша культура. Научи меня всему, Расскажи мне все, чего не хотят знать европейцы.

Фарида не знала, что ответить этой девушке, какими сокровищами могла поделиться ее измученная разлукой с любимым человеком душа. Какими словами рассказать, то, что впитывают с молоком матери. Как поведать ей о пустыне, чье лицо видят уставшие воины, идя на битву. Как сказать об истинных чувствах народа, который погибает, но не сдается, не желая предавать своих предков и истину Мира, которая учит Любви, а не ненависти. И каждый раз люди, повторяя одну и ту же ошиб-

ку — считают себя превыше кого-то, на их взгляд, менее достойного, чем они, в этом мире....

В ответ Фарида лишь вздохнула и подняла на Валери глаза, полные слез. Девушки обнялись, как родные сестры. Слова были лишними.

Они расстались подругами. Двух женщин объединила невидимая ниточка взаимопонимания и общей тайны. Они были такие разные, но как много понятного в душе друг у друга встретили. Им обоим было чем поделиться и чему научить друг дружку.

Фарида, дойдя до дома, оглянулась, Валери дружественно помахала ей рукой из своего окна. Она улыбалась и не скрывала своих эмоций. Некоторые люди на улице, видя это, осудительно смотрели на Фариду. А Фарида не могла унять в душе чувство радости и счастья, почему-то встреча с Валери принесла ей много приятных и непонятных эмоций. Было ощущение, что она давным-давно знала Валери, и просто долго не виделась с ней.

Бывает, только встретишь человека, а понимаешь, что знал его всегда, и даже привычки и повадки, все кажется знакомым. И каждый раз с такими встречами невольно думаешь о том, что твоя душа встретила родную душу.

Настал еще один день. Было удивительно наблюдать за тем, как солнце пробирается по переулкам и улочкам, выхватывает свои любимые местечки, и туда, на эти освещенные полянки, выходили полусонные кошки погреться после прохладной ночи. Люди, сначала самые ранние, кому не до сна, потом все остальные, довольные и не очень, заполняли пространство улиц, спешили и торопились. Кто-то суматошно, кто-то лениво, но все как бы на своей волне. Иногда в толпе, довольно привычной на вид, появлялись военные люди, и уже почти никто не реагировал на это как на что-то чужеродное. Все так же трудились водоносы, все так же продавец керосина зазывал к себе, старый араб из покрышек мастерил ведра, молодой бербер красил кожу и мастерил светильники, продавец из Феса развешивал бабуши и сумки, в лавке, где продавали ковры, готовили самовар к чаепитию, пока мальчик, помощник продавца, вывешивал на витрину сокровища. Фарида прошла по ряду лавок мастеров и ремесленников и вошла в ту, где продавали письменные принадлежности и все, что могло понадобиться для учебы Наби. Купив все самое необходимое, девушка побрела вдоль улицы ремесленников, и дошла до самого края крепостной стены. Чуть дальше через большие ворота город словно выплескивал свое содержимое, и нескончаемый поток людей и обозов двигался в одном направлении. Там за границей старой крепостной стены все так же продолжалась жизнь, и к изменяющимся требованиям реальности приспосабливались люди. Сквозь толпу, медленно продвигался автомобиль, люди нехотя расступались, водитель непрерывно сигналил в клаксон, и кричал на тех, кто преграждал ему дорогу. Толпа в результате неохотно расступилась и, громыхая и выбрасывая клубы перегоревшего топлива, автомобиль проехал в нескольких метрах от Фариды. Люди невольно оттолкнули девушку практически к самой стене, и она больно ударилась ногой о первые ступени лестницы, что вела на крепостную стену. Почему-то в этот

момент, не привыкшей к таким людным скоплениям Фарида стало душно, страшно и ее сердце бешено колотилось в груди. Она даже не могла понять, что так сильно напугало ее. Появилось ощущение, что она в каменной ловушке и нет из нее выхода. Фарида подсознательно стала подниматься по лестнице, она стремилась скорее выйти на открытое пространство и увидеть горизонт и небо... На самом верху ей открылся необыкновенно красивый вид на окрестности. С крепостной стены было видно океан, легкий бриз трепал подол ее платья и приятно освежал лицо. По другую сторону было видно впадающую в океан реку и великое множество синих лодочек местных рыбаков. На обоих берегах реки велось строительство, возводились стены, дома и постройки в виде казарм, а там, дальше, за всем этим суматошным хаосом была ее родина. Где-то там пустынные ветра входят в теперь уже пустой дом, в котором она родилась и выросла. Где-то там остались ее братья. Где-то там был ее любимый мужчина... Где-то там...

Девушка так увлеклась созерцанием окрестностей и собственными мыслями, что не заметила, как ее окрикнул постовой, который заметил ее в неполюженном месте.

Постовому показалось, что девушка его не слышит или не понимает. Он еще агрессивнее стал кричать на непрошеную гостью, и в результате и так перепуганную не на шутку Фарида напугал почти до обморока. Девушка не могла ничего сказать в ответ, и когда постовой направил на нее винтовку, вжалась в стену и закрыла глаза.

В маленьком и душном кабинете, куда ее привели, было пыльно, шумно, трещал телеграф, и какой-то человек громко разговаривал по телефону. В голове и без того гудело, и слышно было каждый удар собственного сердца.

Ей задали вопросы — кто она, откуда, как попала на крепостной пост и с какой целью?

Девушка, медленно приходя в себя, стала отвечать на поставленные вопросы, и удивила всех тем, что отвечала на хорошем французском. Мужчина, который говорил по телефону, резко оглянулся и, увидев девушку, воскликнул:

— Снова вы?

Это был Робер, комендант крепости, и Фарида даже обрадовалась, увидев хоть одно знакомое лицо.

— Где вы ее взяли, зачем она здесь? — обратился он к своим подчиненным.

После сбивчивого объяснения, комендант принял строгий вид, и начал сдержанно отчитывать проявивших излишнюю бдительность военных.

— Шпионка, говорите. Вы слепые, что ли? По-вашему эта девушка взобралась на крепость, чтобы шпионить? — он явно был разгневан беспринципностью такого вывода по отношению к Фарида, но не стал ругать подчиненных в ее присутствии.

Он выставил всех из своего кабинета. Договорил по телефону, взял телеграфную ленту, посмотрел внимательно на знаки на ней, и не глядя на Фарида, которая, даже не шевелясь, сидела на стуле у его стола, подошел к окну

и закурил. Едкий дым наполнил и без того душную комнату, девушка невольно закашлялась. Робер облокотился о подоконник и стал рассматривать задержанную, но все же затушил сигарету.

— Почему я постоянно натываюсь на вас?

— Я не знаю, — искренне ответила Фарида.

— Который день вы словно преследуете меня. Мне кажется закрой я глаза ночью, вы мне приснитесь. — Фарида молчала.

— Надеюсь не в кошмаре, — продолжил Робер. — Какого черта вас занесло на стену?

— Там было много народа, и ехал автомобиль... Люди оттеснили меня к стене, я испугалась, мне стало не по себе, и я поднялась по ступеням, чтобы убежать от всех.

— Испугалась?

— Да.

— А что вы там делали?

— Я была в лавке писаря.

— Да это бог знает, где от ворот! — возмутился комендант.

— Я просто шла, и...

— Просто шла... — Робер нервничал. Фарида не могла понять причину его недовольства.

— А если бы этот осел тебя застрелил?!

Фарида готова была расплакаться. Она не знала, как вести себя и что говорить этому человеку, он словно пугал ее или ругал.

— Кто отпустил тебя из дому?

— Мой отец старый человек, я должна была купить у писаря все принадлежности для письма для Наби.

— Ясно... — недовольно перебил ее строгий комендант.

Фарида замолчала и опустила глаза, рассматривая до блеска начищенные туфли офицера. В них можно было, наверное, увидеть отражение, как в зеркале.

— Я сейчас попрошу одного из постовых провести тебя до дома, но ты мне должна обещать, что больше не станешь ходить на крепостные стены туда, где много народа, где могут тебя, женщина, напугать! — крикнул на нее Робер.

— Не кричите на меня!

— Ух, ты! Уже не страшно? — смягчил свой тон Робер.

За дверью слышались голоса, и кто-то стал теребить ручку двери, но не входить. Явно кто-то кому-то преграждал путь, и шла перепалка на словах. И, конечно, нельзя было не узнать озорного голосочка Валери! Робер улыбнулся, прислушиваясь, как штурмует его дверь Валери, и обратился к Фариде:

— Вот, эту женщину не напугает никакая толпа, и даже сам Армагеддон! Эмиль,пусти ее, пока она не сломала что-нибудь! — посоветовал он своему помощнику за дверью.

— Я не понимаю, почему мне постоянно приходится прорываться к вам, уважаемый Робер, с боем!?

Валери увидела Фарида и умолкла на полуслове, удивленно глядя то на Робера, то на свою подругу.

— Я вижу, что ты, моя дорогая Валери, знаешь эту девушку?

— Да, конечно, это Фарида!

— Это задержанный сегодня утром на одном из постов лазутчик и шпион. Вот так-то! — с серьезным видом сообщил Робер.

Лицо Валери выражало такую бурю эмоций, что слова просто застряли в горле девушки. Она, бедная, не знала, с какого возмущения начать:

— Фарида — шпион, да вы тут совсем с ума сошли, что ли? Солдафоны! Да вы осла от барана отличить-то сможете?

— Ну, ну, попрошу выбирать слова, — улыбаясь, предупредил комендант, явно наслаждаясь сценой бешенства Валери.

— Ну-ка, сейчас же отпустите девушку домой, и не придумывайте всякого бреда!

— За такое поведение, я и вас, мисс Валери, могу задержать. Вы что это грубите офицеру!

— Вы не можете меня арестовать, ибо я всем расскажу, какой произвол вы устраиваете во вверенном вам подразделении. Обвиняете невинную девушку в шпионаже, и пусть над вами посмеется вся французская армия!

— Ладно, ладно, Валери, не горячитесь, я шучу.

— Шутите? — со злостью переспросила Валери. Эмоции разгоряченной девушки выступили на ее лице ярким румянцем.

Фарида сидела и, улыбаясь, молчала, только теперь вновь прибывшей стало понятно, что Робер ее разыгрывает.

— Валери, неужели вы так плохо думаете обо мне? Произошло нелепое недоразумение, и я уже распорядился провести девушку до дома, чтобы она опять никуда не забрела ненароком.

— А, ну, тогда я... — Валери не знала, что сказать, Робер бессовестно сыграл на ее эмоциях и потешился.

— Ну, не сердитесь, Валери, прошу вас!

Валери приняла серьезный вид, прошла по кабинету, подмигнула Фариде и, обойдя стол коменданта, села на его стул. В кабинете больше не было свободных стульев, и Робер остался стоять, даже не удивляясь поступку девушки.

— Эмиль, — позвал своего помощника немного смущенный Робер, — проведите эту девушку к ее месту проживания. И возвращайтесь скорее, мисс Валери обязательно придумает вам еще какое-нибудь поручение, я в этом уверен.

Фарида шла по узкой улочке в сопровождении солдата, и на повороте к своему дому попросила более не следовать за ней, чтобы не пугать отца и соседей. Молодой солдат, улыбнулся в ответ и, не сказав ни слова, просто развернулся и пошел назад. Некоторое время Фарида стояла на месте и пыталась прийти в себя. Утреннее происшествие выбило ее из сил. Вспоминая все произошедшее, она почувствовала слабость в ногах. Прислонившись спиной к стене, Фарида позволила себе эмоции, и из глаз девушки покатались слезы. Она вдруг поняла, что весь ее мир, в котором она жила, в несколько дней стал чужим и не понятным. Ей необходимо понять,

как теперь выжить. Минуты душевной слабости закончились, стирая с лица слезы, девушка направилась домой. Ей вспомнились слова одного из стихотворений, прочтенных ею когда-то:

«Ты сильная...» сказал, — я улыбнулась.
Как мог ты знать, насколько я сильна?
Ну, так уж вышло — слабой не родилась!
И выбирать судьбу я не вольна...»

«Я сильная, — проговаривала про себя Фарида, — я сильная!» С минарета мечети неподалеку от ее дома зазвучал азан (*Азан — в исламе призыв к обязательной молитве*), и девушка поняла в этом знак. Дома она никому ничего не рассказала, лишь Салима заметила красные от слез глаза, но не стала обращать на это внимание.

Когда Наби увидел принесенные для него учебные принадлежности, он с важным видом и очень осторожно начал все рассматривать, трогал чистые листы бумаги, пролистал чистую тетрадь, потрогал чернильницу и перья. Очень важно и по-взрослому все это сложил на своих коленях и, подняв взгляд на взрослых, которые внимательно наблюдали за ним, спросил:

— Я буду писать здесь слова? Научи меня, Фарида.

Саид похвалил мальчика и достал из-под своего плаща старый потрепанный томик Корана. Его страницы по углам уже были стерты и не имели прямых углов, а закруглялись. Он протянул мальчику эту священную книгу и сказал:

— Это первая книга, по которой ты будешь учиться всему, и грамоте и жизни.

— Мама мне читала, я знаю несколько сур наизусть, гордо сообщил мальчик.

— Очень хорошо, Наби, твоё стремление к знаниям будет вознаграждено!

В этот день мальчик старательно вывел несколько своих первых букв. Он был горд тем, что это получилось у него с первого раза. Он написал свое имя, слово мама, и списал с обложки книги «Коран». Все, что было написано им на чистом листе бумаги, понравилось мальчику, и он, довольно улыбаясь, поблагодарил свою учительницу.

А к вечеру к ним снова пришла Валери. Фарида показала ей знаками, чтобы она ничего не рассказывала о случившемся в присутствии домашних. Валери все поняла и, едва не проговорившись, вовремя смолчала, чтобы не спросить, как она добралась домой с комендатуры. Но причина ее прихода была радостной, ей удалось добиться для Фариды специального разрешения, подписанного комендантом, на посещение загона, в котором оставили своих верблюдов беженцы. И девушка с гордостью вручила своей подруге желанную бумагу с печатью и подписью. Фарида искренне поблагодарила Валери.

— Ты знаешь, мне пришлось долго уговаривать Робера. Он пытался меня убедить в том, что ты снова потеряешься по дороге к загонам. Но я сказала, что лично проведу тебя туда, и все будет хорошо. Мне даже

показалось, что он очень переживал за тебя. — Валери подмигнула подруге, чем очень ее смутила. — Неужели тебе удалось покорить сердце нашего коменданта?

— Ну, что ты! — испуганно запротестовала Фарида, — этого не могло случиться.

— Ты плохо знаешь мужчин, — предположила Валери, — вот увидишь, что я права. И почему ты удивляешься, ты же такая красавица?

— Я не удивляюсь, это просто невозможно.

— В этом мире, пожалуй, возможно все! Вот мы с тобой в этом мире встретились, а ведь это, по сути, было невозможно, — ты родилась берберкой, я французенкой, но что-то в этом мире привело нас друг к другу. Кто знает, какие сюрпризы готовит нам судьба, или как ты там говоришь «мактуб»...

— Довольно сюрпризов в моей жизни! — ласково запротестовала Фарида.

Все следующие несколько дней прошли в ожидании. Валери вынуждена была уехать в сопровождении нескольких солдат в дальнейшее поселение за Рабатом, и Фарида боялась одна пойти в загоны. Но, в конце концов, собравшись с силами, попросила проводить ее туда местного жителя, который работал там, и по случайности жил по-соседству. Охранники и все, кому пришлось показать специальное разрешение, не скрывали своего удивления, но ничего не могли поделать и не чинили никакого препятствия. Фарида нашла свою верблюдицу не без помощи. Животное было не в лучшем виде, очевидно на нем перевозили плохо укрепленный груз, и на теле животного остались полузажившие раны. Фарида принялась промывать и смазывать раны, чистить и расчесывать животное. В глазах ее верблюдицы были слезы. Животное узнало свою хозяйку и беззаботно поддавалось на все процедуры. Уходя из загона, душного и не слишком чистого, Фарида направилась к резервуару с водой, чтобы вымыть руки и набрать воды. Она погрузила руки в воду и с удовольствием наслаждалась ее прохладой. Вода хоть и была не совсем чистой, но вполне могла послужить как питье для животных. За ее спиной послышался топот лошадиных копыт, и кто-то ловко осадил коня, совсем рядом с водопоем. Когда девушка оглянулась, против солнца было плохо видно наездника. Мужчина на коне спрыгнул с седла, и теперь Фарида легко узнала в нем Робера. Он был раздет до пояса, на нем были только брюки, и его загорелое тело не первый раз видело солнце. Неожиданное появление мужчины застало девушку врасплох, и она немного замешкавшись, прикрыла лицо и поспешно стала уходить. Робер перекрыл ей дорогу, держа коня под уздцы.

— Постой, не убегай, — попросил он девушку. — Я давно не видел тебя, ты зачем перестала меня преследовать?

Фарида попыталась сделать еще шаг, чтобы уйти без объяснений, но комендант настойчиво взяв ее за локоток, придержал. Она остановилась, но не позволила касаться себя, дав понять, что этого не стоит делать.

Робер стоял так близко к ней, что казалось, она чувствует тепло его тела. Стоять с мужчиной, раздетым до пояса, было непозволительно, но что же

ей было делать. Запах мужского тела обострил ее обоняние. Она пожалела, что вообще пришла сюда, в ее сознании начиналась паника. Но, встретившись на мгновение взглядами, оба, забыв слова, ощутили нереальность этого момента и позволили дольше положенного продлиться этому забвению. То, что видела Фарида в светлых глазах Робера, еще больше смутило ее, лишая полностью способности к адекватным действиям. И все же ей пришлось решительно уйти, собрав всю волю в кулак, и не позволить себе оглянуться. Идя домой, она не видела ничего перед собой, мысли полностью стали не подвластными ей, и увлекали в пучину размышлений, которые приводили ее к отчаянью. Ведь все же было безупречно и правильно до встречи в конюшнях. А теперь она не понимала, почему так сильно бьется сердце, и почему так происходит, что она снова и снова находит во взглядах мужчин, обращенных к ней, то, что не может позволить допустить себе. Любить — это способность души выживать в любой ситуации, а ее любовь принадлежала только одному человеку, и все другие не имели шанса.

У порога своего дома Фарида увидела Валери и с радостью бросилась к ней. Только ей могла она поведать о случившемся. И Валери, улыбаясь, выслушала сбивчивый рассказ подруги, не отходя от порога прямо посреди улицы:

— Чего ты так испугалась? Смотри, вся дрожишь. Я же, помнишь, говорила тебе, что Робер очарован тобой. Плохо, что ты одна ходила туда, смотри, как бы твои не осудили тебя. Я же знаю, как у вас с этим строго. А я пришла тебе рассказать новости. И передать привет от Умара.

— Умара! — воскликнула Фарида.

— Тише, тише, не обращай на себя внимания, — приходи ко мне, я все расскажу. Пусть Наби придет с тобой, мне нужна его помощь и много воды, я хочу умыться и смыть с себя песок.

Когда Наби принес достаточно воды и Валери с удовольствием обтирала себя мокрым полотенцем, стоя за ширмой и рассказывая, как много всего ей пришлось пережить за эти дни. В комнате приятно пахло ароматом роз, Валери добавила в воду несколько капель розового масла, и теперь вся комната благоухала этим ароматом. Валери рассказала о новостях с фронта, что армия французская и испанские легионы объединились и теперь проводят решающие бои с рифской армией. Не далеко от поселения, в котором была Валери, произошла стычка между разведывательным отрядом рифских повстанцев и легионерами. И посреди ночи в шатер, в котором Валери и несколько представителей прессы ночевали, ввалились двое раненых. Одним из них был Умар. Фарида не могла поверить в то, что это происходит на самом деле, и боялась даже словом перебить рассказ подруги, боясь услышать плохую новость:

— Ну, ты не переживай, у Умара совсем легкое ранение, так, царапина. Фарида, бледнея и превозмогая тошноту от волнения, едва дышала.

— Но ты не поверишь, — продолжала Валери, — я перевязывала твоему брату руку, и вижу, как ты думаешь что?

В ответ удивленная подруга только пожала плечами.

— Я вижу у него мою камею!

— Камею? — повторила вопросом Фарида!

— Ну, да! Ту самую, вот она, — сказала Валери, и, прикрывшись легким покрывалом вместо полотенца, подошла к своим, второпях брошенным на кровать, вещам. И из кармашка извлекла брошь. Потом подошла к сундуку, достала шкатулку и у нее в руке оказалось две абсолютно одинаковые камеи.

Фарида сидела, как вкопанная, подруга подошла к ней, взяла ее руку и положила на ладонь две броши.

— Я спрашиваю у раненого, — продолжала Валери, — тебя зовут Мусса? Конечно, по удивленным глазам, я поняла, что он не ожидал услышать это имя от меня. Так я узнала, что он второй твой брат, Умар. Боже мой, ты не представляешь, на какое количество вопросов мне пришлось ответить твоему брату, пока он не утомился.

— Но как камея оказалась у него? — наконец-то обрела дар речи Фарида.

— Ну, как? Он был в Фесе. Не в самом городе, а в его окрестностях, он узнал, что там Мусса и встретился с ним. Они должны были попасть в Рабат, и твой младший передал вместе с брошью, что он остается там с семьей, которая его приютила. Я так поняла, что в той семье родился маленький ребенок, девочка, которую называли, кстати, Фаридой, и они нуждаются в помощи твоего брата.

— Я понимаю, у Хасана увечье, ему будет тяжело прокормить семью.

— А, ты знаешь. Так вот, Умар не смог дойти к месту назначения. Потому что их кто-то предал из ваших местных. В Рабате среди ваших есть предатели. Я понимаю, что сейчас скажу ужасные вещи, но ты должна мне поверить, у меня есть важное известие для твоего отца, и письмо, что передал мне твой брат. Умар сейчас возвращается назад, к линии фронта, надеясь только на то, что я смогу передать это письмо кому нужно. Я передам его тебе, а ты должна мне обещать, что сделаешь это как можно осторожнее, чтобы никто не догадался, что это я привезла его. Больше того, я доверяю твоему отцу, но он сперва должен определить предателя, а потом передать это дальше. Поняла?

— Поняла, — шепотом ответила Фарида, потому что Валери уже давно перешла на полусшепот и старалась тихо обо всем поведать.

— И знаешь что?

— Что?

— Оставь себе эту брошь, она уже не принадлежит мне. Она твоя, ибо все это время следует за тобой неотступно.

— Спасибо! Валери, а тебе не страшно было?

— Что?

— Ты помогаешь рифским революционерам, а как же ... — Фарида не могла сформулировать вопрос.

— Я понимаю, я француженка, и мне бы о своих беспокоиться, но я поняла там, в пустыне, что могу сделать что-то очень важное. Наши легионы сильны, но сила духа вашего народа меня покорила. Мне захотелось помочь, потому что ваш народ несломлен трудностями и сколько лет борется, сопротивляется. Мне стыдно за мою страну, хоть я и люблю ее. Может

быть, я смогу гордиться тем, что в этой ситуации помогла более слабому продержаться хоть на день дольше перед лицом беспощадного врага, который старается изменить естество своего противника, и привести его к чужим ценностям. Еще ни один завоеватель не признал, какой прекрасный народ он покорила.

Закончила Валери свой рассказ новостями с фронта, что были совсем не утешительными. Многие страны хотят видеть эту часть света подчиненную именно им, и по политическим и по техногенным причинам, и они не отступят от того, чтобы не укрепить здесь свои интересы, даже если для этого придется уничтожить все местное население. Было ясно одно, Умар вез донесение именно в Рабат, и теперь все в руках двух девушек, от которых зависит что-то очень важное.

В этот вечер, отец и дочь долго разговаривали в дальней комнате, и до самого утра отец молился. И рано утром пошел на совет, принимать важные решения. Свою роль Фарида и Валери выполнили, теперь можно было лишь молиться.

И все же среди будничной суеты и напряженности военного положения, люди старались находить радости жизни в мелочах, которые их окружали. Океан, конечно, мелочью назвать невозможно, но наблюдая его со стороны, Фарида не могла и подумать, как сильно он ее ошеломит своей мощью, когда она будет стоять в полосе прибоя и всматриваться вдаль. Горизонт был дугообразным, казалось, дальше уже ничего нет — конец света и земли... Волны расплескивались на песчаной полосе, шуршали песком, камешками, брызгами и скатывались обратно. Ветер растрепывал одежду, норовил снять с головы девушки покрывало, и неустанно дул с океана, принося удивительно соленый вкус и морской запах. Рядом, держа одной рукой шляпку, из-под которой выбивались золотистые кудри, шлепая по краю прибоя, бегала Валери. Она смеялась и убегала от волны, озорно по-детски смеясь. Фарида лишь улыбалась ребячеству своей подруги.

— Ну, что ты там стоишь, Фарида!? — кричала ей Валери. — Ты должна почувствовать воду, снимай обувь и пройдишь по воде!

Соблазненная таким предложением, Фарида отошла к каменистому уступу и стала развязывать свои туфли. Камень, который тысячи лет принимал потоки воды на себя, был сильно испещрен вымоинами и пустотами. Маленький краб спрятался в одном из таких укрытий. Водоросли кое-где уже успели высохнуть и потерять свой сочный цвет. Девушка с удовольствием рассматривала этот мир, так сильно отличающийся от пустынного, что ее вновь стала звать подруга:

— Ну же, где ты там?

— Я здесь! — Фарида осторожно ступая по неровной каменистой подложке, стала спускаться к песчаной полосе. Ступням было не привычно, камни были шершавыми и даже острыми. Подол платья то и дело цеплялся за края мокрых камней, и ей пришлось приподнять подол повыше.

Валери к этому времени уже была в мокрых до колен брюках. Ее светлая кожа на лице стала румяной, и солнце коснулось ее очаровательного носика, сделав и его тоже красным, как и щеки.

Когда волна коснулась босых ног, Фарида затаив дыхание, прислушивалась, как из-под ее ступней вода вымывает песчинки, прохладная вода была удивительно ласковой и приятно освежала ноги.

— Это потрясающе! — воскликнула удивленная девушка.

— Я же говорила тебе, это потрясающе! Теперь ты мне веришь?

— Верю... — улыбаясь, ответила подруге Фарида.

Девушки еще долго не могли уйти с пляжа. Валери совсем раскрасневшаяся на солнышке, не чувствуя усталости, бегала вдоль полосы прибоя и приносила раковины, что выбрасывало море на пляж, Фарида, которая тоже с удовольствием собирала их для Наби. Фарида не заметила, что чуть дальше среди каменных глыб, где она оставила свои туфли, улыбаясь, стоял мужчина и наблюдал за девушками. Валери сразу его узнала, это был Робер.

— Нужно идти, Фарида, а то я совсем сгорела на солнышке!

— Пойдем... — ответила подруга, неохотно направившись за своей обувью.

Робер, наблюдая, как Фарида идет в его сторону, предусмотрительно спрятался. Она подошла к своим брошенным туфлям, села на уступ камня, сложила на нем собранные ракушки, и стала не спеша надевать туфли, ожидая, когда ветер и солнышко чуть обсушат ее ноги. Ее узкие ступни и красивые щиколотки полностью были видны из-под платья. Она обтирала песок со своих ног руками, и Робер, залюбовался красотой ее рук... Ему казалось все в этой девушке удивительно красивым и гармоничным. Покрывало соскользнуло с волос и одного плеча, было видно шею и плечо девушки, туго сколотые на затылке косы. Роберу даже показалось, что он уловил запах духов берберской красавицы. Идиллию нарушила Валери, что подошла к ним, и взглядом выдала место, в котором скрывался Робер. Фарида оглянулась, увидела его, встрепенулась и тут же поправила на себе всю одежду, и подол платья, и покрывало, и даже руки спрятала в складках платья. Явно давая понять, что она не довольна тем, что мужчина тайком наблюдал за ней. Но не сказала ни слова.

— Здравствуйте, девушки.

— Здравствуйте, дорогой Робер, — ответила за обеих Валери, а Фарида молча собирала ракушки в свою сумку, пристегнутую к поясу.

— Я прогуливался, и вдруг смотрю, что за нимфы бегают у края моря! Присмотрелся, а это вы, красавицы. Вы так далеко ушли, не нужно так рисковать.

— Мы же знали, что рядом с нами будет доблестный рыцарь, что не даст нас в обиду. Вы проводите нас до ворот?

— С удовольствием, именно поэтому я не стал проходить мимо, и остался дожидаться вас.

Фарида зло посмотрела на свою подругу, явно не довольная ее просьбой. Но снова ничего не сказала.

Так они шли вдоль берега втроем. Валери мило болтала с Робером, а тот в свою очередь старался заглянуть в лицо второй своей спутницы и вызвать ее на разговор. Но Фарида то отмалчивалась, то давала простые ответы, «да» или «нет». Иногда все же ему везло, и она улыбалась, глядя ему в глаза. Тог-

да Робер был вне себя от счастья, и еще больше старался увлечь свою экзотичную знакомую.

Но чем ближе они подходили к границе города, тем молчаливее становилась Фарида, и смущенно пряча лицо, вскоре стала смотреть только себе под ноги, не поднимая взора. За городской стеной Робера поджидал автомобиль, и он предложил девушкам подвезти их к дому. Валери очень обрадовалась, и почти уже села на заднее сидение авто, но видя, как ее подруга даже не сошла с места, поняла, что это плохая идея:

— Прости, Робер, но я обещала Фариде пройтись с ней пешком. Поболтать о том, о сем... Ну, знаешь, как оно бывает у нас, у женщин? — начала оправдываться она.

Конечно, Робер все понимал. Фарида не могла быть в его обществе открыто. В ее мире нет места необдуманному действию, особенно для женщин, очень важна репутация. Он с сожалением посмотрел на девушку. Под очень простыми одеждами скрывалось красивое женское тело, красивое и желанное. Мысли об этом полностью сбили с толку Робера, он неуклюже залез в автомобиль и очень официально попрощался с девушками, потому как уже многие люди вокруг стали обращать на них внимание.

Утром следующего дня мысль о Фариде была первой, пришедшей в голову после сна. Робер сел на краю постели и потер лицо. Было ужасно жарко, как, впрочем, и всегда, он никак не мог привыкнуть к такой жаре. Вода для умывания была теплой и вовсе не освежала. Почему-то, ему вспомнились летние поездки в маленькую деревушку в пригороде Лиля. Он приезжал туда с родителями, на лето, из родного Лиля. А потом и сам, будучи курсантом, из Парижа. Тогда ранним утром он брал удочки и бежал к реке, и перед тем как наживить наживку, не далеко от насиженного места он любил медленно заходить в прохладную утреннюю воду и плыть по абсолютно гладкой поверхности речной заводи. Вода казалась настолько холодной, что все тело покрывалось мурашками. Это придавало бодрости на весь день! Он тогда и подумать не мог, что будет, изнывая от жары в далекой стране вспоминать эти моменты и так неистово желать еще хоть раз окунуться в ту самую реку. А теперь он думал о жаре, прохладной воде в далекой стране, и о девушке, что так близка и недостижима одновременно. Не хотелось верить, что где-то идет война, не хотелось понимать, что он здесь для оккупации города и его задача построить удобную инфраструктуру для первых переселенцев из Франции для создания колонии.

Бои шли все более ожесточенные, командование вынуждено было прибегнуть к помощи союзников, и теперь с фронта в город поступали раненные не только французской, но и испанской армий. Потери на фронте были ошеломляющими, как со стороны армии, так и со стороны ополченцев. Местные берберские племена, объединенные и сплоченные одним человеком, дрались, как львы, за каждый метр родных земель. Общественность его родной страны уже сомневалась в целесообразности этой кампании, возникали протесты против вторжения в эту страну.

И только сегодняшним утром Робер вдруг понял, что его отношение к молодой берберке заронило в его душу зерно сомнения. А нужна ли эта

война на самом деле, и кому она нужна? В мире и так не все ладно и отлажено, войны раздирали Европу столько столетий. Как бы жили люди этой страны, если бы не было военных действий? Скорее всего, эта красивая девушка сейчас бы жила в своем поселении и рожала детей, выполняла привычные обязанности местных девушек, и делила бы этот мир с любимым ей человеком. Он даже на минуту представил, как огромный, и статный бербер страстно обнимает Фариду, и настроение окончательно испортилось. А мысль о том, что будь иначе, он никогда бы не встретился с прекрасными глазами Фарида, показалась ему лишениями, сравнимыми с потерей жизни.

— Я теряю голову, — сказал вслух Робер, — это из-за жары, — поспешил оправдать себя мужчина, и приступил к привычным утренним делам.

В это утро, за что бы он ни брался, ничего не получалось. Раздражительнее стала жара, и вкус воды, и люди, постоянно от него что-то требующие. Когда зазвучал призыв муэдзинов к молитве, он как никогда вслушался в голоса, доносящиеся с минаретов, и понял, что должен увидеть Фариду! Их голоса словно напоминали ему о ней. Он позвал помощника, дал ему распоряжение позвать капитана, который был ответственен за переселенцев и беженцев в пределах крепости и города, и на остаток дня распорядился всем говорить, что он уехал на встречу с мулами общин ремесленников и беженцев.

Конечно, он знал, где живет Фарида, и что ее отец один из старейшин. И прежде он остановил свой автомобиль у порога их дома. Дверь оказалась не запертой, их встретил маленький мальчишка, который частенько приносил ему послания от Валери, и часто этого мальчишку можно было встретить у ее дома. Когда вышел старик, Робер пытался рассмотреть через его плечо, кто остался в дальней комнате дома, в надежде увидеть Фариду. Но кроме старика и мальчишки никто больше к нему не вышел. Обговорив проблемы, и взаимные претензии комендант и Саид, отец Фарида, приняли решение обо всем подробно поговорить в присутствии мулы Адиля. Уходя из дома, старик сказал мальчишке что-то на своем наречии, и Робер не понял ни слова:

— Мальчик остается дома один, может, стоит позже заехать за вами, пока ребенок не дожидается женщин? — побеспокоился комендант.

Саид с присущей ему мудростью посмотрел коменданту в глаза и, выдержав паузу, ответил:

— Не беспокойтесь о нем, он уже почти мужчина, и не пропадет без женской опеки. — И чуть улыбаясь, добавил, явно читая мысли необычного гостя, — Фарида скоро придет из конюшен. И примите мою благодарность за ваше разрешение посещать ей конюшни и навещать ее верблюдицу.

— Ну не стоит, это такие мелочи.

— Не скажите, не каждой берберской девушке позволительно проникать туда, куда даже не всех мужчин пускают. Это все же ваше большое снисхождение к капризу моей дочери.

— Пусть так, мне не составило труда, — старался очень официальным тоном говорить Робер.

— И вот еще что, — серьезно и совсем другим тоном добавил старик, — так получилось, что кроме меня и малыша Наби больше некому защитить женщин моей семьи, я хочу просить вас проявить осторожность, вы можете, не нарочно, сами того не понимая, навредить моей дочери. Пожалейте старика, не доводите меня до грани...

— Не продолжайте, — поспешил остановить речь старика Робер. Он понимал, как нелегко старику дается каждое слово, он униженно подбирал слова, почти умоляя не причинять беды его дочери, потому как иного варианта у него не оставалось. — Я хочу заверить вас в том, что ничего плохого нет в моих помыслах, и я с уважением отношусь к вашим традициям.

— Вам лучше вообще не уделять Фариде более никаких знаков внимания.

Робер молчал. Он не мог дать такого обещания. Не потому, что ему не хотелось утешить старика, а потому, что его просьба казалась просто невыполнимой.

Мужчины понимали друг друга, даже не высказывая вслух слова. Мудрости старика и дерзости влюбленного мужчины не хватало найти правильного выхода из сложившейся ситуации. В этот неловкий момент в дверь вошла Фарида, и, увидев стоящих друг против друга отца и коменданта крепости, испуганно поторопилась закрыть дверь. Робер, с присущей ему военной выправкой, поздоровался с девушкой, смутив ее до потери сознания. Фарида почти бегом пробежала мимо мужчин и скрылась за пологом в дверном проеме. Наби хихикнул, он хоть и мал был, но не понять, то, что происходило, не мог. Мальчишка, прикрыв ладошкой губы, хихикал. Робер сделал вид, что ужасно на него зол, скривил гримасу и топнул на него ногой. Мальчик поспешил скрыться там же, где только что мелькнул подол платья красавицы Фарида. И его тут же стала расспрашивать обо всем Фарида. Но Наби плохо еще понимал французский язык, и толком ничего не смог рассказать, однако завершил свой рассказ фразой, что комендант в нее влюбился, и стал снова хихикать, за что сразу же получил ласковый подзатыльник.

Когда вернулся отец, Фарида уже поджидала его и с самого порога, помогла отцу дойти до подушек, помогла ему сесть и, не смотря в глаза родителю, стала говорить:

— Прости меня, отец!

— За что простить тебя, душа моя?

— Что я стала причиной твоих волнений. Я обещаю впредь...

— Ничего не обещаю тебе, дитя мое, — остановил ее отец. — Ты не в состоянии сейчас дать обещания, которые исполнишь. Не потому, что я разубедился в тебе, а потому, что мир так быстро меняется и никто не может сказать, какими мы станем завтра. Одно останется неизменным — любовь меняет людей всегда к лучшему, а уже потом, некоторые по убогости своего ума, или души... не знаю, превращают любовь в боль. И лишь не многим открывается истинная суть любви.

— В чем суть любви отец? — с отчаянием спросила дочь.

— Ну как же в чем? — ласково ответил отец. — Любить, а не искать любви.

В тот день Фарида так и не поняла, что имел в виду ее отец. Ей показалось, что он дал ей разрешение на любовь Робера. А может, ей только показалось. Разве могла она себе позволить любить Робера тоже?

Они встретились вновь через несколько долгих дней. Валери снова куда-то запропастилась, причем, используя автомобиль Робера, и Фарида встретила коменданта в конюшнях, когда он неистово ругал конюха, не уследившего за его лошадьёю.

— Здравствуйте, Фарида!

Девушка только кивнула в ответ. Робер же пошел за ней.

— Я остался без средств передвижения. Валери на моем авто уехала в неизвестном направлении снова собирать новости с периферии. А конюх довел моего коня до хромоты.

— Возьмите верблюдицу...

— Я немного побаиваюсь этих животных, признаюсь по секрету, — шепотом сказал Робер.

— Не может быть, чтобы вы кого-то боялись.

— Очень даже может...

Они проходили под ограждением между двумя вольерами, и Робер очень ловко, преодолевая препятствие на пути, оказался перед Фаридой, лицом к лицу с ней. Несколько мгновений мужчине хватило, чтобы взглянуть в глаза девушки, и потерять самообладание.

— Я тебя боюсь, Фарида...

— Меня? — предельно смутившаяся девушка попыталась максимально от него отодвинуться, но потеряла равновесие и чуть не упала, но комендант вовремя удержал ее за руку.

— Ты как дикая птичка, тебя невозможно удержать, только протяни руку и ты упорхнешь!

Фарида призывала все свое самообладание, и пугливо посматривала по сторонам, с ужасом боясь увидеть, что кто-то на них смотрит.

— Я не могу быть птицей, у меня больше нет крыльев, — ответила она и пошла быстрым шагом к стойлу.

Пока она гладила и разговаривала со своей верблюдицей, Робер внимательно за ней наблюдал. Пораженный грацией обеих созданий, он словно зачарован был девушкой и верблюдицей. Столько нежности было в отношениях с преданным животным, что он даже стал ревновать. Животное с благодарностью принимало ласки и прикосновения хозяйки. Она узнала хозяйку еще на большом расстоянии, и было видно, как животное радуется приходу Фариды. Это был симбиоз двух любящих созданий, и даже свет вокруг, словно преломляясь, менял свою плотность, становился ярче.

Мужчина не выдержал и снова подошел к девушке поближе, возможно слишком близко, но между ними была голова верблюдицы, то и дело пытающейся отодвинуть незваного гостя от хозяйки.

— Где же делись твои крылья?

— Их оборвали...

— Кто?

— Кто... трудно назвать виновного одним именем, скорее всего мактуб.

— Кто это?

— Мактуб, это судьба, или то, что предначертано.

Робер не нашелся, что ответить. Или просто сильно отвлекся от хода мыслей, вглядываясь в лицо девушки. Идеальная кожа, губы, красивые глаза, почти не тронутые макияжем, длинные ресницы. Она была совершенной!

— Вот зачем мне в этом городе крылья? — спросила как бы у самой себя Фарида. — Если за стенами домов и крепости я уже давно не вижу неба и пустыню. Я словно в коробе, осталось только накрыть крышкой. Мне ужасно не хватает простора, к которому я привыкла по ту сторону гор.

Она посмотрела на собеседника, он не говорил ни слова. Его глаза жадно рассматривали ее лицо. Они были почти наедине, и это было плохо. Но Фариде хотелось подольше продлить этот момент, она почувствовала, как ее душа нашла отклик в душе этого мужчины. Она была уверена, что он ее понимает, понимает и любит. Именно любит! А её сердце лишь поглощало эту любовь, не способное ничего вернуть обратно. Она уже не знала, может ли вообще быть способной на любовь. Может, война убила в ней ту часть сердца, что умеет любить? Может нереализованная любовь к Кериму забрала все сердце целиком? Может, умирая, Жерар забрал с собой осколки ее сердца? А может Хасан проклял ее нелюбовью, не найдя ответа в её сердце? И почему тогда любовь Робера приносила ей такое облегчение?

— Я покажу тебе простор! — наконец-то вымолвил зачарованный ею комендант. — Пойдем!

За конюшнями начинались крепостные стены, и прямо с вольера для верблюдов, Робер ведя девушку за руку, и пробираясь узкими лестницами, привел ее на верх крепостных укреплений. Пройдя несколько постов, они добрались до крайней точки стены, за которой не было видно города. Если встать лицом от города было видно только горы вдалеке, край океана, и простор до горизонта. Вид был завораживающим. В прошлый раз, Фарид, испугавшись натиска толпы, взобралась на стену и, так же, как и теперь, была поражена увиденным. Но теперь она смотрела в сторону своего дома. У нее перехватило дыхание, от мысли, что там, за еле видимым горным хребтом, ее тигремит. Сильный ветер дул в спину и ей хотелось раскинуть руки, как крылья, и полететь. Она подошла к самому краю, настолько это было возможно, взобралась на уступ и раскинула руки. Ощущение полета было таким реальным, что она даже чуть пошатнулась, но тут же сильные руки Робера удержали её за талию.

— Ну, ну, не улетай от меня так легко! — взволновано сказал он, и помог Фариде все же сойти с уступа и встать рядом с ним.

Девушка ничего не ответила, она жадно всматривалась в даль, и плакала...

— Ты снова плачешь... я не люблю, когда ты плачешь!

— Все хорошо, — поспешно вытирая слезы, ответила Фарида, предвидя ненужную реакцию Робера от порыва нежности к плачущей женщине.

Мужчина и женщина — в любое время и в любом месте этот тандем, так или иначе, жизнь будет провоцировать обоих на чувства и эмоции. И как не пытался Робер держать себя в руках, это было сложно. Ему хо-

телось обнять эту плачущую девушку, прижать ее к груди и, глядя ее волосы, туго сплетенные в косы, успокаивать. Он, вздыхая, чтобы привести мысли в норму, посмотрел вдаль, перевел взгляд на небо, такое сине-голубое, чистое, бездонное, и подумал, что эта мука дана ему за какой-то неосознанный им грех.

— Вот бы сейчас пронестись по этим просторам на лошади, обгоняя ветер, — попытался отвлечь свою спутницу комендант.

— У тебя нет шансов обогнать меня. Быстрее моей верблюдицы нет никого, тем более лошади. Ей нет равных, все забеги в моем тигремте на всех праздниках мы выигрывали и приходили с ней первыми!

— Ты наездница? Чего еще я о тебе не знаю?

— Ты ничего обо мне не знаешь, — почти ласково сказала Фарида, — Да и не нужно это тебе.

— Но... — обиженно запротестовал Робер, — я пытаюсь, я хочу знать!

Фарида лишь улыбнулась в ответ, и молча пошла обратно, возвращая к реальности сконфуженного мужчину.

— Хочешь, я буду чаще приходить с тобой любоваться простором?

— Нет, спасибо... я привыкну, только чуть больше времени пройдет, и я привыкну...

— К чему привыкнешь?

— Я привыкну к переменам!

— Как же можно привыкнуть к переменам, если они никогда не прекращаются? — удивленно воскликнул Робер. Но она его уже не слушала, убегая от него по ступеням, только развевался подол ее платья, и он поспешил за ней.

(Продолжение следует)

Елена Жалеева
(Россия, г. Ульяновск)

ЯСТРЕБЫ И ЛАСТОЧКИ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

64.

Чтобы ни делала сегодня Аленка, девушка чувствовала себя преступницей. Вернее, она готовилась совершить преступление, и ей казалось, что все видят ее тайное намерение.

Самые обычные действия, будь то выбор нижнего белья, нанесение макияжа или сомнения по поводу духов — все приобретало тайный умысел, и оттого дрожащие руки перекрутили бретельку лифчика, смазали уже наложенные тени на веках — пришлось все начинать заново. Колпачок с флакончика духов, которыми она пользовалась при муже, укатился под кровать. Доставая его, она сделала затяжку на колготках. Закрутив блестящую позолотой крышечку, Аленка побрызгала на себя другими духами, но от пальцев, как напоминание о Саньке, пахло Диором. Руки, долго поднятые вверх, устали, пока она делала прическу, но девушка отказалась от услуг парикмахерши, чтобы не подвергаться расспросам и не врать лишний раз. Наконец надев платье, она подошла к трюмо — виноватый блеск в глазах выдавал ее с головой. Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть. «Воровка, я воровка, и он поймет это», — думала Аленка, с усилием крутя колесико английского замка.

Но Василий — эстет в душе, увидел совсем другое. Перед ним в старинном интерьере стояла девушка из прошлого века. Тонкий бархат, напоминающий цветом ночное южное небо, подчеркивал ее хрупкость, платье без рукавов со спущенной проймой чуть открывало плечи, чтобы спрятать руки под перчатками из того же бархата, но они не закрывали тонких пальцев. Он не смог скрыть восхищения и стоял, разглядывая ее, как когда-то разглядывал старинные картины в музее, где мать была смотрительницей.

— Здравствуй...те, — наконец произнес он, забыв на ты они или на вы.

— Здравствуйте, Василий, — она сделала шаг назад, чувствуя запах его одеколона, — у нас еще есть время, может быть, вы хотите чаю?

— Нет, нет, то есть да — у нас есть время, но чаю я не хочу. Давайте лучше пройдем пешком — ресторан «Венец» рядом.

— Хорошо, я только туфли положу в пакет, — она исчезла в дверном проеме и вышла с сумочкой, сшитой из лоскутков кожи в виде мешочка с круглым дном — Василий, который занимался пошивом не только платьев, еще подумал, что нужно взять эту модель на заметку. Но мысль улетучилась, потому что Аленка задала вопрос:

— Как вы думаете, я не замерзну в этой дубленке, — девушка достала из шкафа отороченный мехом полушубок.

Василий взял его в руки и, помогая надеть, охрипшим голосом произнес:

— Думаю, нет. А если станет холодно, мы сможем взять такси. — И, закинув ее сумочку на плечо, чувствуя непреодолимое желание коснуться ее губами или руками, поспешил,

— Ну что — выходим?

— Да, я только замок закрою.

Аленка уже провернула ключ на один оборот, когда услышала телефонный звонок, который резанул Василия по сердцу:

— Нас уже нет, мы ушли, — вроде бы шутя, сказал он.

Девушка поглядела на него, и он увидел в ее глазах сомнение, послушавшись его, Алена повернула ключ еще раз, но тревожная трель звонка взывала к ней. Она быстро прокрутила ключ в обратную сторону и, распахнув дверь, оставила ее открытой.

Саньке идти по коридору госпиталя помогала медсестра. Маленькая, худенькая, она положила его здоровую руку себе на плечо и обняла за талию. Он старался сохранить равновесие, потому что если его сильно поведет в сторону, девчонка не удержит. Местный наркоз, который ему вкололи при операции, начал отходить и рука чуть повыше локтя горела. Но он отгонял боль мыслью, что так и не вспомнил, что же ему надо сделать. Медсестра Верочка довела его до своего поста и усадила, прислонив к стенке, чтобы сбегать за подмогой. Санька обвел мутным взглядом стол, на котором под стеклом лежала памятка для медсестер, и еще лежал прозрачный женский шарфик, лежал на телефоне. В голове вдруг все закрутилось, он вспомнил, что тогда на совещании он разглядывал телефон начштаба. Телефон был точно такой же, как у Аленки. И он впервые за все время разлуки захотел позвонить ей. Почему? Он не знал ответа, но желание было таким же непреодолимым, как если бы от этого зависела его жизнь. А потом он начал докладывать о готовности батальона к выводу, заслушивать приказ и планировать операцию по конвоированию. И мысль соскользнула в сердце, заставив его мучиться целую неделю. Потянувшись к телефону, Санька потревожил руку. Но, сжав зубы и подтянув аппарат к себе за шнур, набрал номер. Гудки, долгие гудки. Он слушал из, закрыв глаза. Медсестра, пришедшая с выздоравливающим бойцом, хотела нажать на рычажок, но Санька выставил локоть.

— Да ладно тебе, сестренка, — заступился за Саньку парень, — праздник же все-таки, дай мужику позвонить.

— Вам-то что, а мне от Андрея Ильича влетит.

— Я заплачу, — Санька зло взглянул на нее, и девушка отошла от стола, а за ней и боец, который стал заговаривать ей зубы, приглашая на свидание.

Гудки забивали в висок гвозди, но он упрямо прижимал трубку еще крепче, как будто это могло приблизить Аленку. Санька уже поплыл по воздуху, когда вдруг услышал:

— Але, але, але, я слушаю.

— Ален... я соскучился, я очень соскучился, — прошептал он и стал сползать со стула, не выпуская трубки.

— Ах, ты, Господи, — подскочившая медсестра, удержала потерявшего сознание бойца, вытащила из ладони зажатую трубку и, бросив ее на стол, крикнула стоявшему парню, чтобы помог ей.

Василий стоял в дверном проеме незакрытой двери и хоронил надежду встретить Новый год с Аленкой.

Она расстегнула на дубленке пуговицы, душившие ее, сбросила паутинку платка на плечи и отчаянно звала:

— Саша, Сашенька, ты где, что с тобой? Ну, ответь же, ну, пожалуйста. Сначала в трубке слышалась какая-то возня, а потом длинный гудок возвестил об отбое.

65.

Утром многие из не спящих раненых в госпитале могли бы поклясться, что видят ангела.

Он, вернее она, вошла в палату с бледным лицом и халатом на плечах, который представлялся им крыльями. Никто не обратил внимания на сумочку в ее руках. Они даже не пытались скрыть свое откровенное то ли любопытство, то ли любованье ею. Аленка забыла о том, что наложила вечерний макияж и глаза ее сами по себе большие, сейчас стали огромными. Взгляд их невидяще скользил по лицам, отчего девушка еще больше казалась нереальной. Но, разрушив чары, она вдруг еще больше побледнела и опустилась на колени перед кроватью новенького раненого, который спал или был в забытьи от лекарств. Приблизив свое лицо к нему, она долго стояла, вдыхая его боль, потом осторожно прикоснулась к раненой руке, выше повязки, раз — другой и, как будто найдя в этом действии свою необходимость присутствовать здесь, гладила прохладными пальчиками горящую руку. А спящий Санька вдруг вздохнул глубоко и улыбнулся. Там, во сне, он снова был волком, и волчица зализывала больную лапу.

Он проспит еще пару часов, прежде чем поверит в вещий сон, проспит, не зная, что эта новогодняя ночь в доме Гордеевых запомнится всем надолго. После странного звонка Аленка, сбросив праздничное платье, натянет джинсы, маечку и свитер, побросает в дорожную сумку кое-какую одежду и только потом поймет, что не знает, где Санька. Она чувствовала, что должна быть рядом. «Стоп, стоп, не паникуй. Выясни, откуда был звонок», — девушка наберет 08, спросит, с какого номера ей звонили только что.

— Ваш номер, — недовольно спросит телефонистка — Аленка продиктует цифры и будет молить, дожидаясь ответа: «Господи, пусть только он будет жив», — из Ташкента, произнесет суховатый голос — Вы слышите меня, из Ташкента, — повторит женщина и положит трубку.

Аленка снова наберет номер, теперь уже справочной аэропорта, боясь, что он, как всегда, будет занят. Но, видимо, лететь куда-либо в новогоднюю ночь желающих было мало, ей ответят сразу:

— Справочная аэропорта, что вы хотите узнать.

Рейс до Ташкента будет через полтора часа. Аленка успеет ссыпать в целофановый пакет все новогодние деликатесы, принесенные матерью, взять паспорт и деньги, и, ища сумочку, вспомнит, что она отдала ее Василию. Девушка совершенно забыла о нем, жар то ли от быстрых движений, то ли от укора совести обожжет ее лицо. Аленка метнется в прихожую — сумочка будет висеть на ручке закрытой двери. «Прости, — мысленно попросит она у него прощения, — но я не знала, насколько сильно люблю мужа».

Через десять минут она будет отчаянно ловить такси, ее подвезет частник. И только в самолете Аленка вспомнит, что забыла позвонить родителям.

А Лидия Владимировна всю ночь будет переживать за дочь. Она сказала мужу, что та встречает Новый год с коллегами по работе. Но утром телефон дочери отозвался долгими гудками. К обеду, когда уже надо было не только проснуться, но и приехать к ним, Сашенька ждал подарка от матери, Лидия Владимировна снова тайком от мужа набрала номер телефона. Длинные гудки опять заставили нажать на кнопку отбоя.

«Бесстыдница, — мысленно корила она дочь, — надо так загуляться, что и о ребенке не вспомнила». Но когда и в шесть часов вечера Аленка не позвонила, Лидия Владимировна начала паниковать.

— Миша, от Аленки нет звонков. И не знаю, кому звонить, я не взяла номер телефона в этот раз, — голос ее дрожал, выдавая вину.

— Да брось, ты, Лида. Аленка не маленькая девочка, проспались, снова сели за стол, — начал было успокаивать ее муж, — но у самого стало неприятно на душе, это совсем не похоже на его умную девочку. Сашеньку, слышавшего этот разговор из другой комнаты, перестали интересовать новые игрушки, он с утра заставлял волка ловить яйца на маленьком экранчике и набрал много очков. А сейчас ему стало страшно за маму. Не мог же ее обидеть дядя Вася, он же обещал веселить ее. Сашенька открыл дверь огромного шкафа, подпрыгнул, доставая свой пуховик, вынул из кармана карточку и, взяв трубку, ушел в свою комнату.

А потом, важно зайдя в зал, где притихшие бабушка с дедушкой смотрели в телевизор, сказал:

— Мама уехала к папе.

— Откуда ты знаешь, она что, звонила.

— Друг мне сказал.

Василий ушел вчера от Аленки не прощаясь. Ушел потому, что понял, какая бы ни была причина, заставившая позвонить ее в тот вечер ему, — это не любовь. Любила она другого. Сильно, беззащитно. Сначала он почувствовал себя обманутым, но потом понял — теперь он знает, какая женщина ему нужна.

Санька не умел болеть. В детдоме они часто простужались, но пили таблетки только в том случае, если воспитатель стоял над душой во время обедов или ужинов. Никто и никогда не поправлял на них одеяла. Не то, чтобы

черствы́е люди работали с ними, просто пока воспитатель будет занят одним, другие в этот момент обязательно успеют набедокурить.

Он проснулся и, не открывая глаз, лежал, вспоминая странный сон, который снится ему не первый раз, как фильм с продолжением. Сон, который оставил в груди тепло. Санька улыбнулся про себя, ну, надо же — он и волк. Он не помнил глаз волчицы, но ее прохладный язык на лапе чувствовал даже сейчас. «Черт, он что, и впрямь волк? — Санька резко открыл глаза и поднялся на кровати. Не понимая, что происходит, обвел палату взглядом и увидел рядом с собой Аленку. — Точно, что-то ему вкололи вчера, отчего бред начался».

— Лежи, милый, лежи, — Аленкин голос звучал как наяву.

— Я что, умер? — он недоверчиво поглядел на жену.

— Боже упаси, ты ранен, врач сказал не очень сильно. Только из-за потери крови немножко ослаб. А переливать они тебе не решились, потому что в прошлый раз у тебя был шок.

— Как ты здесь оказалась?

— Попробуй, угадай, — Аленка приблизила к нему свое лицо, и он разглядел то, чего не видели другие: синие круги под глазами от бессонной ночи и слегка смазанные тени. И еще губы, которые задрожали от облегчения. Она прикусила нижнюю губу, чтобы не заплакать, и он, почувствовав это, оперся на больную руку и поцеловал ее нежно-нежно.

— На нас смотрят, — прошептала она ему прямо в губы, но не отодвинулась.

— Пусть, — Санька обвел палату взглядом, но все делали вид, что чем-то очень заняты, а может, и в самом деле никому не было до них дела. Только почувствовал себя грязным рядом с ней, легко, как весна, пахнущей ландышами и еще чем-то очень тонким.

— Знаешь, у меня здесь нет зубной щетки, и пасты тоже нет. Ты не могла бы сходить в магазин?

— Саша, сегодня первое января и все магазины закрыты, но, если хочешь, я дам тебе свою щетку.

— А где ты устроилась? — он думал, что ждать, когда она сходит и принесет щетку, у него не хватит терпения.

— Я, — улыбнулась девушка беспечно, — нигде. Я прямо из аэропорта сюда приехала и дорожная сумка у меня стоит у дверей палаты.

— Черт, чего я натворил? Заставил тебя бросить все и лететь сюда.

— Ты сделал правильно, ты даже сам не знаешь, насколько правильно все сделал.

Санька встал с кровати и опять почувствовал себя недовко — рядом с ней он смотрелся старым башмаком с оторванной подошвой: с него не сняли майку, а она испачкана кровью, да и трусы из черного сатина. Он вдруг застеснялся, потянул на себя простынь, разбередив руку. На повязке показалась кровь, Аленка напугалась:

— Сядь, сядь, пожалуйста, видишь, у тебя кровь опять пошла из раны.

Санька сел на кровать, но взял ее руку и приложил к щеке:

— Спасибо, что ты приехала.

И этот момент тепла не исчез даже с появлением медсестры:

— Вот из-за кого ты голову потерял, — сказала она, подавая градусник, — сам будешь объясняться с Андреем Ильичом.

— Девушка, а вы не знаете, как найти Марину, Марину Кузнецову, — опомнился Санька.

— А зачем она тебе, — став вдруг серьезной, спросила девушка.

— Понимаете, они с моей женой подруги. Давно не виделись. Вы сами ей позвоните, и скажите — Аленка приехала.

— Хорошо, я попробую, только люди, может, еще отдыхают после Нового года.

— Девушка, она всю ночь в дороге, — вы уж поспешите.

— Саша, я не устала, правда, нисколько. Но щеки ее оттого, что не спала больше суток, начали розоветь, — пойдем, я провожу тебя в умывальник, она набросила ему на плечи синюю фланелевую куртку и хотела взять под руку. Но он, по-мальчишески нахально, положил здоровую руку ей на плечи и вывел в коридор.

Он не видел и не слышал, как за закрытой дверью парни, переглядываясь, поднимают большой палец и завистливо закатывают глаза.

67.

Марина приедет не одна, а с мужем и с ребенком. Аленка познакомится с ними позднее. А в тот момент она не сразу узнала подругу. В палату вошла женщина-врач и строго произнесла:

— Так-так, кто тут у нас разрешил устроить празднование Нового года?

Аленка, угощая мужа гостинцами, так удачно захваченными из дома, сделала бутерброды с сырокопченой колбасой и семгой для всей палаты. Вошедшей с улицы Марине эти ароматы ударили в нос, который знал другие запахи, более характерные для госпиталя. Аленка растерялась, виновато опустила глаза, но врач, приблизившись к ней, дернула ее за руку:

— Не узнаем, значит.

— Марина, — воскликнула она, — какая ты стала, и бросилась к ней в объятия.

Та, отстранившись, засмеялась:

— Что, растолстела? Ну, это из-за Женечки. Оказывается, надо благодарить духов за то, что заставили тебя приехать в гости.

Она специально не смотрела в сторону ее мужа, в которого когда-то была влюблена. Но когда Аленка села, она увидела прозрачные от жара глаза Саньки, с собачьей преданностью смотрящие на жену, то не почувствовала даже укола ревности. Ей больше не перенести той боли, испытанной при прощании с Евгением. А Санька, он из тех мужчин, что никогда не успокоится. Кончится одна война, он найдет другую, чтобы вечно доказывать себе и Богу, что нет в этом мире справедливости.

— Привет, Саша, захотел с женой повидаться и решил раненым прикинуться? — бодро спросила она, отмечая, однако, и кровь на бинте и сухость губ. Но рука выше повязки была нормального цвета, хотя, что там под бинтом, надо еще выяснить.

— Бескровный, — произнесла от порога новая медсестра, заступившая на дежурство, и Аленка, и Санька резко обернулись, — на перевязку, дойдете или помочь?

— Мы дойдем, Марина, извини, можно мы потом поговорим?

— Можно, можно, — хитро засмеялась подруга, задумавшая увести их к себе домой, и, попросившая мужа выяснить, насколько серьезна рана.

Они втроем вышли из палаты, но Марина отстала. Проводив Саньку до дверей перевязочной, Аленка прислонилась к стене — от запахов антисептиков голова закружилась, а колени ослабли. На голос из перевязочной:

— Валя, принеси мирамистин, — пробежавшая девушка, оставила дверь открытой и Аленка увидела руку сидевшего возле столика с инструментами мужа, он смотрел в потолок. На ней, освобожденной от бинта, от самого локтя и почти до плеча тянулся шов. Грубый, как будто портной, лентяй, сшил через край толстый материал, и нитки были не в цвет. Осознание того, что этот материал — мышцы ее мужа, кровоточащие в некоторых местах, перехватило дыхание, и она провалилась в темноту.

Санька, смотревший в потолок, услышал звук падающего тела и обернулся. Аленка лежала возле дверей, он вскочил и пересек помещение в три шага.

— Куда, сядь, — услышал он голос врача, но не послушался, приподнял голову жены. Медсестра с ватой, воняющей аммиаком, провела несколько раз перед носом Аленки, веки затрепетали и открылись:

— Простите, простите, — девушка попыталась сесть, и Санька здоровой рукой притянул ее к своей груди.

— Валя, позови Марину Николаевну.

— Доктор из тебя никакой, — пошутила пришедшая Марина, она усадила подружку на кушетку и по обыкновению врачей начала заговаривать, — а мы решили тебе поручить лечение мужа, теперь придется и тебя, и его взять под личный контроль. Поедете к нам.

— Ты что, Марина. Разве можно с такой раной уходить из госпиталя.

— Муж сам перевязку делал — все в порядке с твоим Бескровным, рана чистая. Температура нормальная при таких болячках. Андрей попытается выяснить причину, почему ему кровь нельзя переливать, ну, это на будущее.

— Бог с тобой, Марина, тьфу, тьфу, тьфу. Война кончается.

— Эта — да. Только ведь он не утомонится — я таких за девять лет, ой, сколько перевидела. Ну, как ты?

— Нормально. Мне перед доктором стыдно.

— Андрей Ильич, — официально окликнула она мужа, выходящего вместе с Санькой из перевязочной, — барышня хочет извиниться за обморок.

— Простите меня, — Аленка смущенно посмотрела в лицо доктора, глаза его смеялись.

— Я — Андрей, муж вот этой нахальной девицы и отец ее сына. С ним вы познакомитесь на выходе. Ну, что, такси у крыльца, поехали?!

— А как же Сашина рука?

— Ален, все хорошо. Это царапина, а не рана.

— Муж прав, — присоединился к нему Андрей. — Вы еще не видели настоящих ран. Обезболивающего стаканчик примет, запьет гранатовым соком, глядишь, завтра, домой с вами запросится.

68.

Он отправит ее домой. Не сразу, но отправит. Потому что оставлять без присмотра красивую девушку, на которую пялили глаза десятки мужчин, было нельзя. Это первые дни его голова была в тумане от температуры, но спасибо Марине и ее мужу, они здорово помогли ему. Санька не знал, где бы нашла приют Аленка, были ли места в гостиницах. А она, пролетев половину Союза, даже не представляла, что об этом нужно думать заранее. И как ее винить в том, что она не приспособлена к жизни, когда все свои тридцать лет прожила за спиной родителей, оберегаемая, как оранжерейный цветок. Есть женщины, для которых пот и кровь — обыденное дело, вот Марина, например. Но для Аленки, — он вспомнил ее побелевшие губы от вида раны, — это никогда не станет нормой. Она будет умирать каждый раз, видя кровь. Но почему-то ему нужна Аленка, а не Марина. Наверное, он ей нужен больше, чем какой-либо другой женщине — успокаивал Санька свое мужское самолюбие.

Если рядом с ней не будет родителей, то она точно пропадет без него. А он с детского дома заступался за слабых. Трусиха, какая же она трусиха, — улыбался про себя Санька. Когда они приехали к Никитиным, Аленка вспомнила, что не позвонила родителям. Но, набрав номер, отдала трубку ему, и Санька, поздравив всех с праздником, просил прощения за то, что вызвал жену, ни словом не обмолвившись о ранении. Голос Лидии Владимировны, готовой обвинить дочь в безрассудстве, обмяк к концу разговора. А сын, не видевший отца долгое время, говорил без умолку, и Санька забыл, что это межгород.

Аленки нет, а он лечится воспоминаниями о ней и сыне. Тепла от них больше, чем от аппарата, которым прогревали руку. Так приятно подчиняться приказу нежного голоса:

— Давай я тебя вымою, ведь не справишься одной рукой. Посмотри, какой грязный.

Это Аленка после разговора с родителями осмелела. Марина дала ему одежду Андрея — хороший мужик, не рубаха-парень, но и бойцов понимает. Говорит, что изучил их нутро лучше, чем они сами. Тактичные люди, сделали вид, что в порядке вещей, что футболка на Аленке промокла на груди после его мытья.

Санька накрылся простыней, потому что картина его помывки была уж очень живой. Она так беспокоилась за больную руку, что заставила его держаться за штангу, на которой висела клеенчатая штора, а сама беспрепятственно водила губкой по его телу. Он, конечно, раненый, но не мертвый и когда ее ручки в очередной раз провели по его груди, спускаясь к животу, не выдержал и притянул к себе...

Он вышел из ванны чистый и в сухой одежде, а Аленке пришлось переодеваться. Хозяева сами целовались, когда они вышли, так что объясняться

не пришлось. Пацаненок бегал по квартире, цепляясь за все подряд. Аленка ему понравилась, он попросился к ней на руки и потащил к столу, который ломился от закусок и яств.

Санька, честно говоря, и есть не хотел, но после нескольких стопок коньяка забыл об этом. После сухих пайков и незамысловатой солдатской кухни глаза разбегались от закусок: долма, назын, пирожки эчпочмак, салаты. Санька попробовал все и отяжелел. А Аленка глядела на него и не ела, да и к коньяку не притронулась, шампанского фужер весь вечер пила по глоточку. Хотя, кажется, и от него опьянела, потому что осмелела настолько, что любила его при свете ночника. Сама оставила свет включенным — боялась, что в темноте заденет раненую руку. Санька подставил бы и другую под пулю, чтобы это видение цветным снимком впечаталось в память. Она стеснялась, но, зная, что ему не удержаться над ней на одной руке, сама будет колдовать над ним, то целуя его и щекоча распушенными волосами, отчего каждый нерв в его теле замрет в сладком ожидании, то, забывшись, отдастся своим ощущениям. И вид ее расслабленного лица, приоткрытых в сладкой муке губ, вздрагивающих грудок, приведет Саньку в исступление. Он подомнет ее под себя, потому что ждать завершения у него не хватит терпения.

А ночью он проснется оттого, что Аленка приведет в комнату Марину, напугавшись исходящего от него жара. Та сделает укол, и он проспит до обеда, а Аленка просидит всю ночь на краешке кровати. Узнав об этом, он и настаивает, чтобы она улетела на Рождество домой. Хотя болеть в ее присутствии ему понравилось. А вот что ему не понравилось, так это здешние мужчины, глядевшие на его жену. Правда, он не видел, как глядят на нее в ее родном городе. Вот почему, когда мужики в палате начали подтрунивать над ним, он поглядел на них так, будто они роются в его вещмешке. Они перестанут скалиться. Хотя не раз зададутся вопросом, за что такая красивая женщина может любить Саньку и, хотя, не найдут ответа, зауважают этого молчаливого мужика. Бабочки ведь не садятся на дерьмо.

69.

Он вернется в Кабул в конце января, когда в Ташкентский госпиталь начнут прибывать раненые. Бойцы обрадуются его приезду, но словно ища у него справедливости, они, ждущие приказа о возвращении домой, будут с горечью рассказывать Саньке о бойне в Панджшере. Ротный Гончар, высокий, почти двухметрового роста, говорил чуть не плача:

— Сань, ну, зачем надо было устраивать это позорное побоище. Ведь у нас же была договоренность с Ахмадом, мы уходим, не трогая их, а они нас. Мы же знали все их посты, они у каждого командира на карту нанесены. Скажи, там, в верхах люди сидят или нелюди? Зачем надо было нарушать это соглашение? Масуд узнал о готовящейся операции и заблокировал все выходы из ущелья. Простые крестьяне стали заложниками. А мы бомбили их. Наши самолеты поливали кишлаки огнем. Тебе повезло, что ранен был, а я до смерти себя проклинать буду за то, что принял участие в этом позорище. Ты знаешь, после бойни женщины выходили на дорогу. Снегу было

много, а они выходили и бросали под гусеницы наших боевых машин своих мертвых детей.

Санька обнял его, пытаясь разделить эту горечь. Армия всегда будет заложником политики. Почему же во главе государства оказываются недоумки? В тот момент ему казалось, что он больше не возьмет в руки оружие, чтобы не выполнять приказы, от которых тошно на душе даже у таких матерых бойцов, как Гончар.

А первого февраля из Союза на вертушке прилетел Полкан. Он привез приказ о его переводе под юрисдикцию КГБ. Санька, не желающий обсуждать эту тему, схватился с ним:

— А ты спросил меня, хочу я воевать? Что ты, как змей, искушаешь меня своими предложениями?

— Сань, ты еще не жил в Союзе. И не знаешь, что той страны, из которой ты уходил в Афганистан, больше нет. Я знаю тебя. Кем ты будешь в ней — кооператором или рекэтиром? Что глаза вытаращил, не усек? Бандиты это. Свободы захотел, а куда ты ее девать будешь? Ты сейчас не горячись. Давай документы оформляй, и съездим в гости к Лехе, Оленю, Русту. Или ты хочешь под фанфары из Афганистана выйти?

Санька хотел оказаться на необитаемом острове с Аленкой и сыном. Но, остыв, согласился подумать над предложением Полкана. А съездить к матери Оленя и Руста надо обязательно. В штабе все уже было согласовано, и Санька опять задался вопросом, кто же на самом деле Пал Егорыч? Глаза у него выхватывали бойцов из бывшей Санькиной роты, и он невзначай, то ли спрашивал, то ли констатировал:

— А вот этот Тош — хороший парень. Где ты его нашел? Возьми адрес, такие друзьями до смерти бывают.

— А если я хочу, чтобы он жил долго?

— Ну, ты этому его должен был научить.

Санька, прощаясь, без Полкана спросил, где тот живет, и сам назвал Аленкин город. Тогда ему просто хотелось встретиться как-нибудь с Антоном на гражданке, может быть выпить пива или познакомиться с его семьей.

Да и с другими бойцами расставаться было нелегко. Вот ведь надоело все, и палатки, и казармы, а уж от пекла Афганистана летом и от пронизывающих ветров зимой сводило скулы. А на поверку, оказывается, привык. Жалко мужиков, с которыми судьба, может быть, больше не сведет. Есть и шутники среди них, и угрюмые, как сычи, но в бою не подведут. Он снова вспомнил Руста. Теперь и прощения не попросишь, что засомневался в нем. Надо будет мать навестить, как она теперь без сына?

Сделанное дело должно вызывать удовлетворение. Но, уезжая из Афганистана, Санька чувствовал щемящую пустоту, напрасность своей работы, будто десять лет он строил песочный замок, а набежавшая волна одним махом слизала его.

Тяготили и предстоящие встречи с родственниками погибших. Мало-душно хотелось найти причину, не ехать. Но побывать на могилах друзей нужно. В купе поезда они с Полканом больше пили, чем разговаривали. А на станции, где жил Леха, пытаясь выяснить, как пройти к нему, нарвались на гром-бабу:

— А он вам зачем? — спросила она, прищулив глубоко посаженные глаза.

— Да, вот служили вместе с ним в Афганистане, — под простачка закончил Полкан.

— Видела я таких дружков, пошли вон отсюда.

Не ожидавшие такого приема мужчины оторопели, а она, уходя, громко бубнила что-то.

70.

Они найдут его. Подскажет мужичок запойного вида. И дом Лехи окажется совсем недалеко от станции. Сам он на стук в дверь скажет:

— Кто это там такой вежливый — без бутылки не пушу.

Полкан войдет, стукнувшись о низкую коробку косяка, и увидит Рыжего с гипсом на ноге.

— О, японка мать, Полкан, ты? — неверяще спросит он.

А увидев из-за его спины Саньку, поскачет к ним на одной ноге:

— Мужики, какими судьбами, — бросится он в объятья.

— Да вот, решили проведать, как наша гвардия поживает, — отстранившись, ответил Полкан, — где это тебя зацепило, — кивнет он на ногу.

Но Леха, махнет рукой, мол, пустяки:

— Едрена вошь, не верю, что вы ко мне пожаловали. Эх, жены дома нет, за бутылкой сходить некому. Такая радость, такая радость. Мужики, вы подождите немножко, сейчас она вернется и соорудит нам что-нибудь на стол.

— Да ладно, не копошись ты — бутылка у нас есть. Ну а насчет закуски ты сам — мастер.

— Сань, сходи в курятник, там яйца в гнезде должны быть.

— Нет, я по чужим курятникам ни ногой.

— Полкан, может ты кур не боишься, — подначил Рыжий Егорыча.

— Где сарай? — согласился тот, и, выслушав Лехины наставления, вышел на улицу.

Не успели они с Санькой дойти до кухни, как с улицы послышался истошный женский крик:

— Ах ты гад, по чужим сараям лазить вздумал, на тебе, на.

Санька выглянул в маленькое кухонное оконце и увидел, как та самая гром-баба за шкирку, словно провинившегося котенка, тащит из низенькой сараюшки Полкана, успевая поддавать ему пинки под зад.

— Моя Ириша, — с гордостью похвастался Леха и, открыв форточку, крикнул:

— Отпусти человека. Ты, чего удумала генерала пинками учить, — для устрашения жены он на всякий случай повысил друга в звании.

— Этот генерал, — она развернула Полкана к себе лицом.

— Да, дорогая, генерал перед вами, — не то шутя, не то всерьез произнес Егорыч, поводя плечами, чтобы освободиться от цепких рук женщины, — то-то же вы не хотели видеть героических друзей вашего мужа — яиц жалко.

Женщина отпустила его:

— Да ничего мне не жалко, вид у тебя не больно-то генеральский.
— Без всякого почтения сказала она, — ладно, идем в дом, там разбираться будем, руки-то у меня не казенные. Полкан только сейчас обратил внимание на то, что эта баба скрутила его одной рукой, держа в другой сумку, набитую продуктами.

Санька хохотал на весь дом, видя своего наставника в глупом положении, но когда они вошли, сжал губы.

— Ириша, — медовым голосом пропел Леха, — знакомься — это мои друзья. Тот, который с тобой — Пал Егорыч, а это Санька, ну он меня спас.

— Ну, уж простите меня, гости дорогие, что так встречаю. Только и вы мне ответьте, что вы с моим мужиком сделали?

— Ириш, Ирисочка, — Леха на одной ноге скакал возле жены, которая была одного роста с ним, но из-за полноты казалась выше и мощнее, — будет тебе. Они из самого Афганистана приехали ко мне, говорят, война скоро кончится. Ты нам чего-нибудь на стол подай.

И эта женщина, одной рукой расправившаяся с боевым мужиком, приласканная теплым мужниным словом, расплакалась:

— Да разве мне жалко, за конец войны и я с вами выпью, только ты уж больше на крышу-то не лазь. Она быстро подала на стол то, что успела отovarить на талоны в магазине, порезала колбасы и хлеба, открыла банку консервов, пожарила яичницу — Полкан и сдачи-то не дал напавшему на него с тыла врагу только потому, что держал в руках несчастные три яйца. Начистила картошки и, залив ее водой, поставила на газ:

— Ну, наливайте, мужики, генералы вы или просто солдаты, а только, я думаю, и вам в радость, что под пулями ходить больше не надо.

Они выпили за окончание войны, за то, чтобы ее не было никогда, за тех, кто не вернулся.

Ирина, захмелев, стала пытаться Саньку:

— Ты вот мне скажи, от чего или от кого ты моего мужа спасал, если он, как напьется, так и лезет на крышу. Ведь жить в квартире, паразит, не смог, видишь ли, задыхается. А в доме, стоит только рюмку пропустить, так непременно на крышу лезет. Ладно бы, только у себя, а то ведь и в гостях. Вот три дня назад были у его брата, он паразит и прыгнул, теперь без ноги — сиднем сидит, а мне и на работу, и по хозяйству за двоих приходится отдуваться.

(Продолжение следует)

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

РОМАН НИ О ЧЁМ...

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ГЛАВА 6.

Вечерами в госпитале — скука, делать нечего, телевизор надоед, книги тоже. Писем мне никто не пишет, и отвечать некому.

Прихожу из музея, после ужина, вижу одну и ту же картину: летчики лежат на кроватях или травят анекдоты, или вспоминают интересные случаи из жизни. Два летчика служили недалеко от Ленинграда, а третий — за Петрозаводском. Первые два — окончили Тамбовское военно-авиационное училище, служили на севере, около Мурманска, и на юге, недалеко от Кушки; были в горячих точках, ранений не имели, но и наградами похвастаться не могли — три-четыре медали украшали их парадные кители. Их сосед закончил знаменитую «Качинку», Качинское военно-авиационное училище; постоянно служил на одном месте, в горячих точках не был, но на учениях всегда показывал хорошие результаты, за что и был награжден орденом «Красной звезды» и несколькими медалями. Первые летчики имели жен, детей, а семейная жизнь их соседа — не сложилась: в начале службы, привез молодую жену, но та сбегала через месяц — ни работы, ни веселой жизни для нее не нашлось. Так и прожил этот летчик один, почти двадцать лет. В Авиацию все пришли через Аэроклуб.

Я им тоже рассказал о своей летной жизни. Началась она в Ярославле, когда мне исполнилось семнадцать лет, пришел в Аэроклуб, хотел летать на самолете, но к этому времени из Аэроклуба сделали Вертолетный центр.

Я подал заявление о приеме на учебу. Меня направили в военкомат: принесли заявление и другие нужные документы, велели пройти медицинскую комиссию; в сентябре начались теоретические занятия.

Вертолетный центр находился в здании бывшего Аэроклуба, на улице Свободы, недалеко от Знаменских ворот. От моего дома туда можно было добраться за двадцать минут пешком. Центр занимал первый этаж старинного дома; всего было две больших классных комнаты и два маленьких кабинета. В одной комнате помещался настоящий вертолет Ка-15, с обрезанными лопастями винтов и без задней части.

Мы, курсанты, на каждом занятии садились в кабину и дергали за все ручки, нажимали на педали и на кнопки. Управление машиной казалось простым. Слева ручка — опускает и поднимает вертолет. Спереди ручка — двигает вперед — назад, там же — регулировка быстрого и тихого движения. Педали внизу — направляют влево — вправо, рация для связи —

сверху. Все казалось ясным и простым, а на самом деле, чтобы хорошо летать, надо было много знать и уметь.

Наш вертолет занимал четвертую часть комнаты, остальное пространство было предоставлено партам и столам для занятий. Между окон помещалась простая ученическая доска; в другом помещении — все то же самое, но без вертолета.

На первый курс взяли сорок человек: двадцать в первую эскадрилью, и столько же во вторую. Командирами были два молодых летчика, недавно закончившие летные училища. Они занимались организационной работой — зимой, и полетами — летом.

Начальником вертолетного центра был герой Советского Союза, майор в отставке, бывший летчик-истребитель, Смирнов М.А. Звание «Героя» получил в 1943 году; он лично сбил шестнадцать самолетов врага. Смирнов был невысокого роста, худощавый, спокойный и доброжелательный человек. Я никогда не видел его раздраженным и кричащим на подчиненных. На скромном сером пиджаке у него всегда блестели орденские колодки; сами ордена и медали он надевал только по большим праздникам.

Мне часто вспоминаются его слова: «Ребята, не верьте тем, у кого вся грудь в орденах и сохранивших хорошее здоровье; если человек по настоящему воевал — сидел в окопах, бегал в атаки, был под бомбежками — он к сорока годам становится больным и калекой, а в пятьдесят его уносят на кладбище». Наш начальник сам ушел из жизни в пятьдесят один год.

Его заместитель был резкой противоположностью ему: высокого роста, крепкого телосложения, горластый. С нами, курсантами, никогда не церемонился — грубо обрывал на слове, часто кричал там, где можно спокойно говорить, его высокомерие и постоянные издевки раздражали многих.

Надо сказать, что этот человек был хорошим преподавателем и летчиком-инструктором. Около него всегда надо стоять по стойке «смирно», молчать и смотреть в его рот, и делать вид, что это тебе приятно. Видимо, он когда-то служил в кадрах Армии и усвоил простую истину — «Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак!» В Армии, кто служит по этим правилам, жизнь простая и ясная, на твоей груди будут звенеть медали, на погонах — расти звезды, ты будешь в почете и уважении.

Я имел другой характер, заместитель это чувствовал, и когда другим прощал большие оплошности, то мне и за мелкие ошибки доставалось по «полной катушке». Несколько раз он обещал меня выкинуть из «Центра», а я ему, за три года службы, не сказал ни одного грубого слова. Правда, при первой нашей встрече, ему не понравился мой значок боксера, и он попробовал надо мной посмеяться. Я оборвал его насмешки и предложил подраться на ринге в любое время — он отвернулся, и молча, отошел. Для меня он был неприятным человеком, но приходилось терпеть — начальников не выбирают! Зато интересно было наблюдать за заместителем, когда он находился рядом с начальством: его поведение можно сравнить с поведением щенка около взрослой собаки — крутил хвостом, подобострастно заглядывал в глаза и изъяснял всякую готовность выполнить любое желание командира.

Лет через десять, во время праздника, я был на аэродроме в числе зрителей и увидел его около вертолетов; он совершенно не изменился — был таким же горластым грубияном. Начальником — не стал, но заместителем был усердным.

Было еще два старых преподавателя, я их всегда путал: одеты одинаково — в теплые технические штаны и кожаные летные куртки, ростом и сложением походили на двух братьев. Один преподавал что-то, связанное с «механикой», другой — с «теорией полетов». Спокойные «старички» никогда не кричали, объясняли толково. Всю свою летную жизнь прослужили на Севере, сильно промерзли, поэтому всегда на них была теплая одежда. На аэродроме я их никогда не видел; мы встречались только зимой на теоретических занятиях, где они вдабливали нам, курсантам, основные понятия эксплуатации вертолета. Объясняли так доходчиво, что по прошествии многих лет я хорошо помню их рассуждения о двух видах эксплуатации: летной и технической.

В летную входило восемь пунктов: подготовка к запуску и запуск; руление на исполнительный старт; взлет и набор заданной высоты; далее — полет, выполнение задания, маневрирование, заход, посадка, руление и выключение двигателей. Хорошо помню их уроки: как летать в простых и сложных метеоусловиях по приборам и без них. С улыбкой вспоминаю их рассуждения о том, что предельно малой высотой полета считается высота до двухсот метров над рельефом местности; в войсках мы выполняли стрельбы на высоте два метра, при скорости сто пятьдесят километров и выше.

Зимой, конечно, скучно сидеть в холодном классе и слушать нудную речь наших наставников. Одно развлечение было у нас, когда скучающим курсантам старые преподаватели рассказывали о своей прошлой жизни, о случаях веселых и трагических.

Часто вспоминаю рассказ начальника центра, как он раненый в ногу, истекая кровью, вел перевернутый самолет, так как у него был прострелен топливный бак, а в обычном положении — у него не хватило бы горючего долететь до аэродрома. Какое надо было иметь здоровье и веру в свои силы; я несколько раз висел на турнике — мог продержаться около пяти минут, а он летел минут двадцать и с простреленной ногой. Железный был мужик!

Весной наша жизнь преобразается: аэродром встречает нас, в теплые майские дни, особым запахом — сложной смеси ароматов выхлопов техники, керосина, масел и молодой зелени. Хочется скорее в небо, правда, вертолет сначала пугает своей сложной технической конструкцией, но, налетав несколько десятков часов, относишься к машине по-особенному — доверчиво.

Твоя вертушка стоит, ждет своего повелителя, поблескивая на солнце, свежеекрашенными боками; горделиво приподнятый нос стеклянной кабины, совершенные формы корпуса, с плавными обводами, нависающие упругие лопасти, покачивающиеся под напором свежего ветра — все волнуется и радуется летчика. Можно бесконечно любоваться совершенством форм машины, чувствовать ее характер, вместе с нею радоваться майским лучам солнца, играющим на стеклах блистеров.

Стоя рядом с машиной, пилот сразу улавливает ее настроение; вычищенный, прошедший все виды регламентных работ, вертолет сам стремился

в небо, где хотел ощутить упругость воздушных струй, рыхлую податливость облаков. Обойдя машину со всех сторон, внимательно осмотрев все положенные места, не спеша, садишься в кабину. С приборных досок сверкают циферблаты приборов; рычаги, тумблеры, педали с привычных мест подставляют себя для рук, ног и пальцев. Пристегнувшись привязными ремнями, поерзав на кресле, почувствуешь себя как в родном доме. Мысленно прокручиваешь в голове предстоящий полет, и чувствуешь, как внутри рождается, растет и крепнет, требуя выхода, огромная сила, рвущаяся вверх.

Жажда полета уже заполнила сознание; в памяти сами собой выплывают картины прошлых вылетов, в которых судьба дала возможность почувствовать необъятную ширь простора, счастье и умиротворение. Получив разрешение на полет, тянешься рукой к панели запуска и вдавливаешь кнопку стартера; где-то сзади хлопнула заслонка, и сжатый пускатом воздух с шумом ворвался в горловину двигателя. Вертолет оживает, сначала робко, а потом все быстрее замахав лопастями, покачиваясь на шасси.

И вот, над головой, сияет сверкающий нимб от вращающихся винтов; победный рокот заполонил окрестности, с шипением и свистом ему вторил движок; машина, пританцовывая, рванулась с тормозов вперед. Сдерживая порыв вертолета, плавно отпускаешь тормоза; улавливая стремление машины разогнаться, надо быть всегда на стороже: вертушка почувствует твердую руку пилота, присмирее, пойдет плавнее, спокойнее, откладывая проявление своей мощи на позднее время. Еще несколько минут томительного ожидания своей очереди на взлет, и ты занимаешь стартовую позицию; по контрольной карте еще раз проверяешь правильность включения нужных кнопок, тумблеров, смотришь на стрелки приборов, и решаешь — взлет возможен!

Взвыл в диком напряжении движок; вцепившись в рычаги, вместе с машиной напрягаешься всем телом и нежно, плавно, вкрадчивым движением зажатого в левой руке рычага шаг-газ, тянешь вверх, приглашая вертолет к полету. Вздвогнув, послушно следуя этим движениям, вертушка отделяется от земли, вначале неуверенно, а потом все более смело, ввинчиваясь в прохладный утренний воздух; машина зависла, пробуя запасы своих сил, рулей, пытаясь понять, хорошо ли ей сегодня в полете. Вроде все нормально; припадет снова к земле, послушает печальный звук своих амортизаторов, завиляет хвостом на воздушной подушке, и подтвердит пилоту свое намерение взлететь. Еще раз, попросив разрешение на взлет и получив «добро», уверенным движением рычагов ведешь машину вперед, одновременно набирая высоту и заставляя землю раскручиваться под себя. Мгновение... и ты в воздухе! Сдерживая восторг, вливаешься глазами в приборы, стараясь удерживать их стрелки на нужных местах: скорость, авиагоризонт, вариометр, высотомер. Так, все в порядке; теперь надо осмотреться перед разворотом, что бы никто не подходил со стороны к кругу полетов. Если никого не видно — разворот: отклонить ручку и одновременно педаль в сторону разворота, поддержать шагом машину в горизонтали. Желательно, чтобы получилась красиво изогнутая траектория полета.

Вертолет подчинялся воле пилота, послушно выполнял все команды, отданные управлением. Сколько надо тренировок и усидчивости, чтобы автоматически правильно передвигать рычаги управления на определенную величину, при которой машина летит, как надо пилоту.

Выполнив нужное задание, направляешься к аэродрому, увидев посадочную полосу, стараешься точнее на нее выйти. Предметы на земле увеличились в размерах и подступали все ближе и ближе. Раздался писк радиовысотомера, установленного на высоту прохода ближнего привода. Гасим скорость; интересуемся ветром — десять метров, встречный. Спасибо руководителю полетов за предупреждение: значит надо попозже ручку брать на себя; теперь, мимо посадочных знаков не проскочу! Дальше — контроль за высотой, по прибору. Начинается самый ответственный момент — посадка! Правой ногой легко нажать, погасить скорость, плавно подойти к знакам, зависнуть. Осталось опустить машину вертикально к земле. Ниже! Опирается струей на воздушную подушку, елозит. Легко нащупала правым колесом землю. Коснулась. Теперь остальные плавно ставим, но так, чтобы балка не качнулась — тогда и будет чистая посадка.

Вот так, примерно, происходят все полеты на вертолете; если, конечно, не считать некоторых отступлений от запланированных действий — резко изменится направление или сила ветра, в этом случае машина может или проскочить, или не дотянуть до нужного места. Все зависит от опыта пилота.

После полетов, командиры собирают своих курсантов, и тщательно разбирают вылет каждого. Хорошо, если разбор ведет один инструктор, а то может появиться заместитель начальника центра; вот тогда, малейшая ошибка может превратиться в грубую распушенность, «которую надо выжигать каленым железом». Громовым голосом, с пеной у рта, начальник «долдонит» о твоей халатности, неумении летать, и делает намек, что тебе не место среди будущих летчиков. Спасибо Всевышнему, что не этот человек был моим первым инструктором, открывшим дорогу в небо. С таким учителем, я точно утробил бы и машину, и себя. Среди его группы курсантов, немногие доживали до конца учебы, но те, кто сумел пережить такого воспитателя, были отличными летчиками и настоящими мужиками. Но с моим характером в его группе делать было нечего!

Особенно стыдно было вспомнить первый полет; спасибо инструктору — спокойному, немного равнодушному парню, всякую ошибку исправляя, и тихим голосом поддерживал. Напротив, вертолет показал такой свое нравный характер, что страшно и представить. Я всего-то хотел немного повисеть невысоко над землей, но машина, как норовистая кобылица, отказывалась подчиняться, мотая корпусом в разные стороны. Она двинулась назад — я отдал ручку от себя, а вместо остановки, вертушка вдруг вздыбливает нос и, потом стремительно дернулась вперед. Уловить логику ее движений, попасть в ритм этого бешеного танца, соразмерить движения рук и ног при управлении, помогал мой инструктор. Спасибо ему огромное!

Только благодаря его терпению и таланту педагога, вся его группа сумела получить удостоверения летчиков. Особенно он намучился, когда начались полеты в составе группы. Пара вертолетов является основой построения

группы воздушных судов любого состава — звено, эскадрилья, поэтому отработке группового полета уделяется большое внимание. При этом, под групповой слетанностью понимается не только умение ведомого (вертолет сзади) правильно сохранять свое место в строю, но и умение ведущего (вертолет спереди) обеспечить ведомому необходимые условия для этого.

Заданный строй (боевой порядок) пары представляет собой полет вертолетов на дистанции семьдесят метров и интервалы пятьдесят метров с превышением ведомого относительно ведущего три метра. Эти святы правила были кровью написаны в уставах погибшими летчиками. Представьте, задний вертолет летит точно по следу переднего и... сразу попадает в спутную струю (неоднородная плотность воздуха), у него начинается болтанье всей машины, а если малая высота или сложные метеоусловия — нарушается управление машиной, что приводит к катастрофе.

Один раз у меня был такой неприятный случай: летим в паре, я — сзади, на повороте попадаю в спутную струю и сразу возникла неожиданная тряска и болтанка, вертолет стал самопроизвольно крениться, разворачиваться и смещаться в бок, резко изменилась высота полета. Спасло то, что подомной было четыреста метров запаса; сто метров я потерял в этой болтанке. Неприятные воспоминания! А сколько раз, будучи курсантом, проскакивал на поворотах передний вертолет! Только постепенно пришел опыт в полетах парой. Ведомому для сохранения постоянного места в боевом порядке необходимо непрерывно следить за вертолетом ведущего и не терять его из виду. Необходимо определять глазомерно интервал и дистанцию до ведущего и при появлении отклонений, вносить исправления. При этом, движения рычагами и педалями должны быть координированными, плавными и небольшими по величине. Может, я и утомил читателя, но надо знать минимальные правила поведения летчика в полете.

В вертолетном центре я учился три года; когда поступил — нас было сорок человек, а при окончании — корочки пилота вертолета получили всего двенадцать.

За три года произошел большой отсев; ребята уходили по разным причинам, основные — это разочарование в профессии летчика, «медицина» многих списала, некоторые не выдерживали летные нагрузки, несколько человек отстранили инструкторы. Тем, кто получил «летные корочки» было предоставлено три пути-дороги. Первый — уйти в запас, в звании младшего лейтенанта, и устроиться в мирной гражданской жизни. Второй — через вербовщиков, которые ждали у ворот аэродрома, отправиться покорять огромные северные просторы нашей необъятной страны, там было много интересной работы, платили большие деньги и... огромная смертность среди летного состава. Часто разбивались из-за погодных условий. Последний путь — идти учиться на военного вертолетчика и дальше служить в вооруженных силах страны.

Из нашей группы три человека ушли в запас, пять — отправились покорять север, а остальные написали заявления на учебу в военные летные училища. На медицинской комиссии двоих списали, и они поехали на север, меня и моего приятеля, Кольку, отправили на учебу в Сызранское военное вертолетное училище. Ребята, которые отправились на север, были устрое-

ны в разные авиаотряды, от Якутии до Урала. Они прошли трехмесячную переучебу на другой тип вертолета, и получили должности вторых пилотов, получали приличные деньги за тяжелую работу. Через пять лет в живых осталось только трое, да и те вскоре исчезли из моей видимости. На севере нет дорог, там только вертолетом можно добраться до нужного места. Климатические условия — крайне тяжелые: погода меняется в день по несколько раз. Вся тундра усеяна костями оленей и остовами разбитых вертолетов, и это не мои вымыслы, а рассказы ребят, там проходивших службу.

Мы с Колькой приехали в военное училище, еще раз прошли медицинскую комиссию, и нас зачислили в специальную группу летчиков, которые переучивались на военный тип вертолетов. Учили нас девять месяцев, сначала, как всегда, теория, потом — практика; а заодно, я как боксер, вошел в команду училища и три раза выступал на соревнованиях, два раза сумел выиграть в тяжелых боях. Мне пообещали, после окончания учебы, предоставить направление в войска южного округа; люблю тепло, море, горы, фрукты — я десять лет жил в Сибири, еще десять лет в средней полосе, пора пожить и в теплых краях.

В училище мы изучали новое вооружение и вертолеты, которые были в Армии. Это, прежде всего — Ми-4; на нем, еще в конце пятидесятых, установлено восемь мировых рекордов, в том числе подъем груза массой две тонны на высоту шесть тысяч метров, перелет из Москвы до полярной станции «Северный полюс», протяженностью более пяти тысяч километров. Вертолетные полки были укомплектованы этими типами машин: шестьдесят вертолетов на полк. С 1956 года они использовались в военных действиях в Венгрии, Индии, Пакистане, Ираке, Эфиопии. Ми-4А — базовая модификация, основной транспортно-десантный вертолет, в нашей Армии с 1958 года. Ми-4АВ — вооруженный вариант Ми-4А. Первый отечественный транспортно-боевой вертолет, для непосредственной поддержки наземных войск; на ферменных пилонах по бокам фюзеляжа могли подвешиваться авиационные бомбы массой до тысячи килограмм, шесть блоков с неуправляемыми ракетами, всего 96 штук, или пусковые установки для четырех противотанковых с радиокомандной системой наведения. Представьте себе знаменитую «Катюшу» в воздухе — это и будет вооружение военного вертолета того времени. По конструкции вертолет одновинтовой схемы с рулевым винтом, одним поршневым двигателем — это его слабая сторона, случись отказ двигателя, и вся эта машина рухнет на землю. Кабина экипажа, для двух летчиков, находилась над двигателем, мало приятного испытывает летчик, когда под ним трясется движок. В грузовой кабине можно перевозить сразу шестнадцать десантников; для Армии — огромное приобретение, три вертолета с солдатами и почти рота в тылу врага. В носовой части фюзеляжа, под грузовой кабиной, размещалась гондола для стрелка с пулеметом. Жаль, что этот тип вертолета можно пилотировать днем, в простых метеорологических условиях. Ночные полеты, шквальные ветры, грозы-молнии — ему были противопоказаны; его скорость полета — около двухсот километров в час, дальность полета около пятисот километров. Вертолет летал, в основном, на высоте тысяча метров.

Знакомили нас еще с вертолетом Ми-6, тяжелый десантно-транспортный вертолет, но летать на нем не приходилось. Зато на Ми-4, кроме воскресений, полеты каждый день по несколько часов. Доходило до того, что после дикой тряски, верхом на движке, на земле еле успеваешь добежать до туалета, и это с армейской кормежкой, где каша — основное блюдо.

Пролетело время учебы, мы сдали экзамены, получили еще по одной звездочке на погоны — стали лейтенантами. Моему приятелю выписали направление на Дальний Восток, в район города Благовещенска, а мне, как и обещали, предложили на выбор: или служить в Закавказском военном округе, или остаться в училище инструктором. Быть инструктором и мучиться с курсантами, как мучились со мной — я не хотел, поэтому сразу выбрал службу на Юге. Два месяца отдыхал дома, в Ярославле, потом поехал в свой округ; в штабе дали направление в отдельный авиационный отряд, который базировался недалеко от Еревана. Добрался автобусом, без особых происшествий, если не считать, что на вокзале мне порезали сумку и вытащили кое-что по мелочи. Доложил начальнику отряда о прибытии, устроился в общежитии, в одноэтажной деревянной казарме, и на другой день приступил к выполнению своей работы. В отряде было всего шесть вертолетов К-15М, этот тип машин мне был хорошо знаком по Ярославлю. Территорию отряд занимал небольшую; два ряда проволочных заграждений, отделяли от внешнего мира — штаб, казармы для солдат, общежитие, мастерские, склады, ангары и небольшой аэродром, на котором можно было взлетать по-вертолетному, и по-самолетному — с разбега. Размещать на Юге, в горной местности, содержать целый полк вертолетов — это шестьдесят машин, не было смысла, поэтому командование поступило мудро: в нескольких точках военного округа устроили небольшие авиационные отряды.

Задачи отрядов были простые: возить начальство для проверок, больных, врачей, доставлять небольшие грузы для пограничников, а заодно, просматривать сверху линию границы, особенно в труднодоступных местах. Границу на Юге нарушали часто: существовал специальный тип дельцов-переносчиков, в рюкзаках носили товар из Турции — радиоаппаратуру, кожаные вещи, оружие, лекарство, наркотики. С этими переносчиками могли просочиться всякого рода шпионы-диверсанты. Таких случаев было много, поэтому служба в округе требовала большого напряжения и внимания. Из шести вертолетов — два были всегда на дежурстве, в боевой готовности, и могли вылететь в считанные минуты. Другие — четыре, проходили осмотр, ремонт или находились на каких-нибудь заданиях.

В отряде праздников, выходных дней не было: дежурство и наряды занимали все время; правда, два раза в месяц офицеры могли на автобусе съездить в Ереван, отдохнуть. Аэродром, казарма, штаб или в «воздухе» — вот где должен быть летчик отряда. Выезд в ближайший поселок или город — только с увольнительной и обязательно в группе военнослужащих. Семейные офицеры и сверхсрочники жили в небольших деревянных щитовых домах. Водонасосная станция и котельная были свои, поэтому казармы и дома хорошо обогревались в холодное время. Небольшой магазинчик, буфет и сто-

ловая снабжали офицеров и солдат всем необходимым. Так что, жить было можно; правда, никаких развлечений для молодых не было, кроме кино, которое показывали в казарме три раза в неделю, и телевизора, с очень плохим изображением. Женам офицеров работать было негде, они скучали в своих квартирах, и потихоньку убегали от своих мужей к «мамочкам». Недалеко находилась крупная воинская часть, где можно устроиться на работу: в больницу, в столовую, в школу, поэтому там и семейных пар было больше.

У нас, в отряде, большинство офицеров, в том числе и я, только платили алименты своим убежавшим подругам и проклинали судьбу, что не встретили хорошую девчонку из детдома. Наш военный округ считался привлекательным для службы, и командир отряда, недовольный работой какого-нибудь офицера, выговаривал тому: «Вот погоди, отправлю тебя служить, где я был, узнаешь почем фунт лиха». Ему пришлось несколько лет прослужить в Средней Азии и на Дальнем Востоке: он рассказывал такие истории, что нам, молодым, становилось страшно. В Средней Азии в воинских частях своей воды не было, им привозили три раза в неделю в цистернах какую-то мутную жидкость, от которой многие болели; баня работала только в субботу, сначала мылись солдаты, а семьи офицеров — в последнюю очередь, воды им часто не хватало. На Дальнем Востоке вертолетный полк находился недалеко от китайской границы, но до наших поселков и городов невозможно было добраться из-за плохих дорог. Некоторые военнослужащие не выдерживали тяжелых условий жизни или спивались, или стрелялись. Наслушавшись таких рассказов, я благодарил Господа, что попал в Закавказский военный округ.

Две недели командир и его помощник натаскивали меня на полетах в горах. Летать на вертолете можно было в такой местности или утром, или вечером. Особое внимание летчику надо обращать на следующие моменты: посадку желательно проводить в проверенных местах — опасность кроется в оползнях и крутых склонах, сильно пересеченная местность создает непросматриваемые участки, горные реки меняют свои русла, долины покрываются туманом — возникают затруднения в правильности оценки высоты горных кряжей, радиотехнические средства часто отказывают. Неравномерный прогрев горных склонов образует сильные вертикальные потоки воздуха, возникают вихреобразные сдвиги ветра, частая болтанка при пересечении горных хребтов.

Полет в ущелье проходит в сильной тряске, летом часто бывают грозовые ливни, зимой — резкое изменение скорости и направления ветра, низкая облачность, туман — нельзя входить в облака. Горные хребты надо пересекать с превышением пятьсот метров, в ущелье выдерживать высоту пятьсот метров до дна. Это только некоторые неприятности в летной жизни; почти все, о чем я написал, летчику приходилось нарушать из-за специфики полетов — особенно военным пилотам. Правда, в горах существовали летные коридоры, проверенные годами; там метеорологические условия были известны. Многие поколения летчиков летали по этим коридорам из одного поселка в другой. Но все равно, почти в каждом населенном пункте в горах вы найдете памятники погибшим пилотам. Я не помню название поселка,

где я впервые увидел красивый мраморный памятник русскому летчику; монумент находился в центре, на возвышенном месте, около него красовался большой букет ярких цветов. В другом поселке, тоже на возвышенном месте, недалеко от реки, стоял памятник скромнее — из нержавеющей стали, к нему прикреплен деревянный винт от самолета; на фотографии русское улыбочное лицо, на земле, вернее на камнях, в ярком синем кувшине свежие цветы. Этот летчик погиб лет двадцать назад — попал в сильный туман. Я спросил: «Кто ухаживает за могилой?» Мне ответили: «Все!»

Две недели пролетели — из ученика я превратился в настоящего пилота; первый мой самостоятельный вылет в авиаотряде был связан с доставкой почты и документов в воинскую часть. Вылетел в восемь утра, прилетел в назначенное место без всяких происшествий. Там провозился до часу дня, обратно лететь испугался из-за изменившейся погоды — усиление ветра, дождь. Решил ждать вечера. Через пять часов был в своем отряде. Вот так можно летать в горах: ночью и днем — нельзя, а утром и вечером — по четыре часа; никакого героического риска быть не должно — попадешь в туман или сильный ветер, тебе конец!

Однажды, задержался в погранотряде — возил врача, мне предложили лететь назад, а диск солнца лежал на вершинах гор и я отказался; врач устроила истерику, но через тридцать минут, когда черная мгла накрыла землю, она извинилась; обратный полет занял бы минут сорок — в темноте только в кино сажают машину. Утром, в восемь часов, врач была дома, в кругу семьи. Когда ты летаешь по «коридорам», там все ясно, но нас посылают и в погранотряды, для проверки линии границы — вот там можно ждать любой сюрприз и от погоды, и от нарушителей. Летать приходится в основном, по ущельям, над рекой, на высоте двести метров. Этими полетами пугают переносчиков товара из Турции, а заодно, высматривают новые нарушения границы. Задача летчика, увидев группу чужаков, сообщить по радиации в погранотряд, откуда высылают дежурный наряд для перехвата. Нарушителями являются многие местные жители, они хорошо знают местность, правда, их часто ловят, забирают товар, штрафуют, сажают — но они живут контрабандой. Переходят границу рано утром, когда вертолет бессилен помочь пограничникам, из-за туманов, но часам к девяти тем, кто не успел далеко отойти от реки — приходится тяжело, их ждут наши воины.

Граница, в этих местах, проходит по горной речке, неширокой, но очень быстрой, в некоторых местах ее можно перейти по камням. Речку переходят всегда при помощи веревочных лестниц — это две хорошо натянутые веревки, по одной идут, а за другую держатся. Товар, купленный в Турции, продают с большим «наваром». Товар — деньги, такая формула понятна всем жителям Юга. Промышленных предприятий в горах не было, а у каждой семьи имелся хороший дом. Во дворе — машина, штук двадцать овец. Русский крестьянин, в то время, имел в своем хозяйстве дом-развалюху, свинью и несколько куриц, коровы — редко у кого были. Вместо машин — мотоцикл, велосипед. Откуда южане брали деньги — конечно, перепродажа турецкого товара. Однажды, я заночевал в одном погранотряде; к утру — тревога! Всех подняли «в ружье», в том числе

и меня; дали каску, автомат, пару гранат и положили в оцеплении, во втором эшелоне. Пограничники обнаружили крупный «прорыв», в небольшом леске пряталось человек восемь нарушителей с ослами, те орали от боли — их тащили через непроходимые заросли. Наши солдаты окружили эту группу, а те, на предложение «сдаться», открыли беспорядочную стрельбу, ранив двух пограничников. Этой дурной стрельбой они подписали себе «смертный приговор» — выстрелами из гранатометов лесок и все живое в нем было уничтожено. Наш второй эшелон пролежал часа два, послушал звуки выстрелов, свист пуль, и спокойно ретировался в отряд. Через первый эшелон пограничников не проскользнула ни одна живая душа. Ради больших денег контрабандисты рисковали жизнью в каждый свой «проход».

В конце пятидесятых годов на вооружение пограничников поступили автоматы Калашникова (АК). Стоимость единицы этого оружия была равна стоимости автомобиля. Местные джигиты и турки, из-за границы, рискуя своей жизнью, нападали на погранотряды, чтобы с мертвых солдат снять желанный автомат. В то время погибло много наших пограничников, а еще больше нападавших. Знакомый сверхсрочник рассказывал, что отряд, куда я летал, был почти весь вырезан в шестидесятом году; спаслись только те, кто был в наряде, в том числе и он. Рассказывал, когда утром наряды вернулись с дежурства, в отряде их встретила необычная тишина: ни лая собак, ни ржания лошадей, ни голосов — не было слышно. Вошли в казарму и увидели, спящих вечным сном двадцать солдат. Убивали просто: тихо «сняли» охрану, подходили к кровати, будили, когда солдат открывал глаза, били ножом в сердце и платком закрывали рот, что бы случайно не закричал; потом забрали оружие и исчезли.

Время таких лихих убийств — прошло, рынок «насытился» автоматами (АК), теперь эти джигиты торгуют кожаными вещами и джинсами. Я сам себе на рынке достал пару этих штанов, кожаную куртку и несколько свитеров — все вещи турецкого производства. В отряде это не приветствуется, поэтому носить пришлось только в отпуске, на Родине. В Ярославле один раз сцепился с двумя парнями из-за своей куртки, так что и не знаешь, где быстрее получишь нож в спину — на границе, или дома.

В этом авиационном отряде я прослужил почти два года, служил бы и дальше, но произошло неприятное происшествие: был расстрелян в воздухе наш вертолет, который проверял линию границы между погранотрядами. Мы все по очереди летали на такие проверки. Я с этим погибшим летчиком был мало знаком. Он был невысокого роста, плотного сложения, неразговорчивый, лет двадцати трех, всегда держался в стороне от наших гулянок, хороший специалист, был женат, ребенку два-три года. Ребята поговаривали, что он прибыл из другого авиаотряда, где «отбил» жену у своего друга. Но это были только разговоры, никто не знал точных подробностей; у нас больше половины личного состава — не женаты, или разведены.

Летали мы на вертолете КА-15, отличная машина для границы, но не приспособленная для боевых действий, подстрелить ее можно довольно легко: ранив выстрелом из карабина летчика или повредить редуктор — механическую движущуюся часть. Один точный выстрел с земли и... вертолет

полыхает пламенем, сгорает быстро, из-за разлившегося топлива — спасения никакого нет! Вся машина обшита дюралем, который можно отверткой пробить. Вооружение состояло из пулемета, который часто барахлил, в полет выдавали всегда автомат, пару гранат, а на поясе висел пистолет (Макаров). Нет ничего удивительного, что наш товарищ погиб от простого выстрела. Не повезло! Останки летчика похоронили на местном кладбище, где уже лежали двое погибших из нашего отряда — разбились лет пять назад. Я спросил летчика, который его знал: «Почему не отвезли на Родину?» «Он — детдомовский» — услышал ответ. Жена, видимо, не очень любила своего мужа и не захотела «возиться» с телом погибшего. Она долго не задержалась в отряде — через две недели уехала в Россию. Это происшествие скоро забылось. Из округа привезли новую вертушку, а скоро прибыл и летчик: молодой лейтенант, высокий, красивый, всегда улыбающийся, неженатый и компанейский. Мы, летчики, с ним быстро нашли общий язык, и в свободное от службы время дегустировали местное вино. Из соседней воинской части прислали оружейников по регулировке вертолетных пулеметов, провели тренировочные стрельбы — вселили уверенность летчиков в нашем оружии.

Кто бы мог подумать, что на участке границы, где погиб наш летчик, нарушители снова обстреляют вертолет, но уже со мной, видимо, им понравилось смотреть, как после нескольких их выстрелов, машина ярким факелом падает на землю и взрывается. Я в восемь утра получил задание лететь в погранотряд, а там укажут направление полета, в половине девятого был на месте, связался по радию с начальником, и получил обычный приказ — проверка границы; на высоте четырехста метров полетел вдоль реки по нашему берегу. Как всегда, рация хорошо работает на свободном пространстве, а в ущелье и за горами — или сплошной треск, или полная тишина. Влетаю в небольшое ущелье, и на повороте вижу внизу, как группа людей по веревочному мосту с турецкого берега перебралась на наш, с несколькими тюками и рюкзаками. Мое внезапное появление ошеломило их, часть группы бросилась в кусты, а несколько человек, видимо, охранение, вскинув оружие, хотели стрелять, а может и стреляли. Вот где пригодился бокс, моя реакция была быстрая: делаю боевой разворот, и сверху, в упор, расстреливаю видимого противника. Пролетая на высоте пятьдесят метров, дал длинную очередь по кустам. Выскочил на открытое место — рация заработала — сообщил о «прорыве» и моей атаке, дал координаты присутствия нарушителей. Скоро там появилась группа захвата, которая задержала еще двух нарушителей, а результаты моей стрельбы — мне не сообщили. Я спокойно долетел до своего авиотряда, где меня ждали все мои сослуживцы. Командир отряда, широко улыбаясь, называл меня «героем» и обещал написать рапорт о боевой награде. В моем вертолете было обнаружено два пулевых отверстия, одна пуля прошла около головы.

Вечером командира вызвали в штаб округа, вернулся он только утром; ни с кем не разговаривал, не улыбался, а что-то все писал, делал замеры пулевых отверстий в вертушке, и внимательно читал мой рапорт. Днем — снова улетел. На следующий день дал мне толстый пакет, велел собрать свои

вещи и тихо сказал: «Тебя вызывают в штаб, могут перевести в другой отряд». В глаза мне не смотрел, все как-то виновато отворачивался.

Я попрощался с ребятами, забросил сумку с вещами в вертолет, и скоро стоял перед дежурным офицером штаба, которому передал пакет. На ночь меня устроили в общежитие. Утром, ровно в восемь, я стоял перед толстым полковником с красным, потным лицом, который громко и внятно сказал, что меня переводят в другой военный округ, куда-то под Ленинград. Документы и деньги получу в канцелярии штаба, месяц дают на отпуск, и никому не рассказывать, лет десять, что случилось на границе. Ни о каких наградах разговора не было. Я, молча, козырнул и вышел.

Через три дня, утром, подходил к своему дому, в Ярославле. Матери не было, она работала экономистом в какой-то строительной организации, и должна была прийти на обед в два часа. Я пошел искать своих бывших приятелей: никого не нашел — кто был в Армии, кто «женится — уехал».

Вернулся к своему подъезду, устроился на лавке, с какой-то глухой бабкой; она что-то бубнила себе под нос, пару раз дернула меня за рукав и... забыла обо мне.

Скоро пришла мать, особой радости на ее лице я не заметил; о причине приезда, сказал, что переведен в другой военный округ, под Ленинград. Она ехидно заметила: «Что натворил, признавайся! Всегда переводят через пять лет». Я промолчал. Мать сменила тему разговора, и рассказала о моем приятеле, которого отправили служить на Дальний Восток: он погиб на Даманском, во время стычки с китайцами. Его вертолет сожгли в воздухе, выстрелами из гранатометов; там пропало много танкистов и вертолетчиков. Жаль было парня, у него были такие мечты на будущую жизнь.

После таких рассказов, настроение у меня было не очень веселое. Я провалялся остаток дня на диване с книгой. На следующее утро сходил в военкомат, встал на «учет», и поехал к жене и ребенку, которых не видел около года. Дверь открыла теща, которая меня «на дух не переносила», она прошипела, что жена в школе, а дочка в садике. Я ей помешал устроить жизнь дочери с богатым женихом. Сходил в школу, договорился о встрече с женой. Вечером встретились и пошли к моей дочке, в садик. Ребенок меня не узнал, и все испуганно смотрел в мою сторону. Мои подарки взял, но вскоре о них забыл. Жена тоже особой радости не проявляла, и мне стало понятно — я здесь лишний. Мать была права — жена давно живет с другим мужиком; ей об этом сказали старухи, любящие посидеть на скамейке около подъезда, и знающие все о жильцах дома. Я не стал устраивать сцены ревности — передал деньги на ребенка, сказал, что может еще зайду. Так сухо и мирно мы распрощались. Тащить ее с собой, не было никакого смысла — через пару месяцев она убежала бы под крыло своей матери. О разводе тоже не говорили, я не мог представить, что моего ребенка будет воспитывать другой отец. Лезть к жене в постель — тоже не хотелось, передо мной была абсолютно чужая женщина, которая постоянно жила с другими мужиками. Вся юношеская любовная чистота исчезла, осталась грязная, взъерошенная жизнь, с ее неурядицами, истериками и с неопрятным, дурно-пахнущим бельем чужих постелей. Деньги пообещал высылать на ребенка каждый месяц, как алименты; а там посмотрим?

Месяц отпуска пролетел быстро и весело, с моими бывшими подругами, деньги были истрачены, и на дорогу в часть пришлось занимать у матери.

В Ленинград приехал утром, сразу направился в штаб округа, который находился недалеко от Московского вокзала. На пропускном пункте представил документы, и дежурный сразу отвел меня в нужный кабинет. Там проверили все документы, забрали старые, выдали новые. Направили служить в авиационный полк, который располагался около Петрозаводска. Утром следующего дня я был на пропускном пункте полка, откуда сразу попал в кабинет начальника штаба; полетов не было и все начальство сидело по своим местам. Я представился; проверили мои документы и сообщили, что мне придется служить не в полку, а в батальоне авиационного обслуживания, там есть два вертолета К-15. Меня отвели в штаб батальона, где я познакомился со своим будущим начальством. Начальник штаба, майор Кабаев, здоровый мощный мужик, с красным лицом и рыжими волосами, лично отвел меня в строевой отдел, где оформили все нужные документы на службу в этой части.

Через час я знал о своей работе и новой жизни абсолютно всё. Авиационный полк был укомплектован истребителями Су и МиГ; его задача — охрана северных рубежей нашей Родины. Я должен, как вертолетчик, на своей вертушке, проверять охрану аэродрома, поддерживать связь с другими воинскими частями и еще много других мелких работ. В батальоне было два вертолета Ка-15М, один в рабочем состоянии, другой — неисправный, который теперь принадлежал мне. На исправном вертолете летал лейтенант моего возраста, неплохой парень, любитель выпить за чужой счет. Он был в штабе, и горячо спорил с каким-то капитаном, маленьким, шустрым татаринком. Мой напарник повел меня знакомить со всем хозяйством батальона и полка.

Я, как бывалый вояка, все быстро усвоил и скоро имел свою койку в офицерском общежитии, свое место в столовой, успел познакомиться и выпить сухого вина с летчиками в буфете Дома офицеров, сыграть несколько партий на бильярде.

На другой день, после построения, мы сели на автобус и поехали на аэродром, через двадцать минут были на месте. Авиационный полк базировался на окраине маленького старинного городка, ничего от прошлого в нем не осталось — война все разрушила. Несколько двухэтажных домов и море деревянных строений представляли его облик. Погода почти всегда плохая: холод, дожди, теплые дни — это большая редкость! Зато грибов и ягод в лесах предостаточно; семейные военнослужащие делали на зиму их большие запасы. Аэродром — огромное летное поле, вышка, ангары и небольшие домики для летчиков, техников, врачей, метеорологов, охраны.

Когда в глубине ангара увидел свой вертолет, то был страшно разочарован: какое-то покосившееся сооружение, с винтами наверху мало походило на военную машину. Подойдя поближе, успокоился, вертушка была почти в рабочем состоянии. Мне предоставили техника, который имел некоторый опыт работы с этим типом машин. Механик был небольшого роста, полноватый, с пышными усами и абсолютно лысой головой, которую он

протира́л платком каждые пять секунд. Лет ему было около сорока, неторопливые движения, вразумительная, четкая речь — он мне понравился, можно доверить и машину, и свою жизнь.

После тщательного осмотра, мы сделали список недостающих деталей, и с этой бумагой он отправился к заместителю по технической службе полка. Через месяц тяжелой работы, мой вертолёт был готов нести службу. Пару дней «подпрыгивал» на вертушке, боясь высоко взлететь, потом осмелел и поднялся на рабочую высоту. Машина работала исправно, правда, некоторые узлы скрипели и стучали, надо было время на приработку деталей. Потихонечку, со вторым пилотом, облетели аэродром, точки охраны, ближайшие воинские части — я познакомился в воздухе со всеми особенностями своей работы. После ремонта моего механика забрали в полк, а мне подсунули молодого лейтенанта, после училища. Он ничего не понимал в вертолетах, и я без своего присутствия не разрешал ему производить какие-либо работы.

Перед полетами в полку моя задача была разогнать через громкоговоритель всех грибников и охотников, находившихся около аэродромной полосы, что я всегда аккуратно выполнял. Однажды, после моей проверки территории аэродрома, в воздух поднялся только один истребитель-спарка, с двумя летчиками-капитанами на борту; минут через десять после взлета на аэродроме забегали начальники и мы услышали, что самолет исчез с экранов наблюдающих за ним радаров. Это означает или гибель самолета, или неисправность аэродромной техники. Вскоре картина пропажи истребителя прояснилась — самолет разбился, погибли два офицера-летчика, которые уже получили приказ на «дембель», и это был их последний полет в полку, и... в жизни. Виной всему — человеческий фактор, летчики решили поохотиться на лосей, которых обнаружили недалеко от аэродрома. Охота заключалась в следующем: самолет низко спускался к стаду животных, затем летчики выполняют взрывное ускорение двигателей, и истребитель ракетой уходит вверх. От грохота и вибрации воздуха лоси погибают, и летчики после полета приезжают на машине и забирают туши. Этим капитанам не повезло: отказал двигатель, а высота была маленькая, скорость тоже — истребитель рухнул и взорвался.

К вечеру фельдшер-прапорщик привез в медицинский пункт останки: часть руки и часть ноги — что осталось от горе-охотников. В красные гробы положили части дюралевой обшивки самолета и останки летчиков. Гробы выставили в Доме офицеров в большом зале, рядом на стендах были помещены некрологи, на фотографиях и в памяти летчиков остались два красивых, улыбающихся парня. Туши лосей подобрали и отправили в воинские столовые.

Я знал этих капитанов: не раз играл с ними в бильярд, пил вино в буфете. Хорошие были ребята. Плакать о них было некому — родственники не приехали, а жен и детей не было. Похоронили на городском кладбище. Погода была ужасная, два дня подряд лил дождь. Гробы опустили в черную жижу, поставили стандартные памятники из нержавейки со звездами, солдаты выстрелили из карабинов — отдали последние почести. И... забыли! Полеты были прекращены; понаехало много комиссий из Ленинграда

и Москвы — разбирались в случившейся трагедии. Командира полка перевели в другую часть, а через год с почестями уволили на пенсию.

Его место занял — заместитель. Это был крепкий, горластый мужик, говорили, что у него большие связи в Москве и что он потихоньку идет к генеральским погонам. На должности замполка он был всего два года, а это очень маленький срок для занятия следующей ступени по службе.

После службы в Армии я понял, что хорошие личные качества офицера ничего не значат. Вот простой и яркий пример. Был у меня знакомый капитан Иванов. Великолепный служака, его ставили в пример всем остальным. Он работал в штабе. Все награды, которые приходили на полк, были у него на груди. И ... всё! Никакого продвижения наверх. В капитанском звании он прошел два срока, еще один срок и выгонят на пенсию. Жена от него давно сбежала, привел другую — та тоже его покинула. В отпуск поехал отдыхать на Черное море, там познакомился с женщиной, старше его на пять лет, не красивой, но умной. Она оказалась дочерью генерал-полковника из Ген. штаба. Женила его на себе. Через месяц капитан Иванов был вызван в штаб округа, где получил новое назначение в Академию тыла — преподавателем. Скоро на его плечах были майорские погоны. А через три года стал подполковником. Через год в Академии прошла реорганизация, и наш герой уже ходит в полковничьих погонах. Как-то раз, я встретил его в Ленинграде, он с гордостью сообщил, что получил назначение в Москву на генеральскую должность. Вот такая армейская жизнь...

В строевых частях до капитана пройти можно всегда, а вот выше... большая проблема. Два знакомых офицера из капитанов перебрались в майоры. Один устраивал банкеты, его заметили, назначили начальником штаба, майором. У другого, жена работала продавцом в магазине, его начальству «доставала» дефицитные вещи. Вскоре и тот стал майором.

Еще один яркий пример. Во время учебы, один сокурсник имел родственника в штабе. При распределении всех по строевым частям от Кушки до Благовещенска, его направили в Германию, через два года в Академию Москвы. После окончания Академии был направлен в родное училище на должность подполковника. А его родственник был уже генералом в Москве. Правда, в училище он проворовался, и его выгнали из Армии. Но в основном все мои знакомые, которые не погибли, выше капитанского звания не имели.

В авиационном полку я прослужил немного более года, и на меня снова обрушилась неприятность. Я разбился на самолете, на котором летел за запчастями для «вертушки» в Ленинград. Мой старый механик раньше работал на вертолетном заводе и был знаком с таким ремонтом. Но, в то время, он был в отпуске и его замещал новичок. Заместитель по технической службе полка послал меня в Ленинград, опасаясь, что там подsunут старый механизм, или детали от другого вида вертолета. Лететь пришлось на АН-28 — красивой и сильной машине. Этот самолет берет груза в два раза меньше чем АН-2 (кукурузник). Зато он незаменим для мелких перевозок и для парашютистов.

Вылетели рано утром, погода прекрасная, командир корабля — опытный летчик, но очень маленького роста, отличный семьянин, все сво-

бодное время проводил с двумя детьми. Он был ужасно самолюбив, ни с кем не поддерживал дружеских отношений. В Доме офицеров и в бильярдной я его никогда не видел. Раньше он был летчиком-истребителем, но за какую-то провинность его отстранили. Когда он садился за штурвал своего самолета, у него под задом всегда было два парашюта. Один по технике безопасности, а другой чтобы выше сидеть. Второй пилот был мой приятель Санька — старший лейтенант, не женат, вернее был женат, но его благоверная сбежала через месяц к матери и забыла про него. Санька был такой же забуддыга, как я. Все свободное время тянул сухое вино в буфете, играл в бильярд, стучал мечом в спортзале и ходил по разным девицам. Он был красивым парнем, высокого роста. Капитан никогда не стоял рядом со своим помощником, разговаривал только на расстоянии или сидя на своем командирском месте. Рядом они выглядели довольно комично. Кроме меня в том полете был еще один технарь — старший лейтенант. Ему надо было забрать на складе кое-какие детали для истребителей. В двенадцать часов дня мы были на военном складе, за два часа получили и упаковали в самолет детали. Нам разрешили вылет в три часа, но предупредили, что на нашем аэродроме погода ухудшилась: порывистый ветер и дождь. Командир торопился к жене и детям, дал согласие лететь. Санька сказал мне, что самолет перегружен, и сажать при большом ветре очень опасно. Но слово командира закон для всех.

Вылетели хорошо, картина полета изменилась при подлете к нашему аэродрому. Сильная низкая облачность, боковой ветер, сделали наш полет непредсказуемым. Посадка тоже не предвещала ничего хорошего. Командир решил сходу пойти на «бетонку», но ветер у земли швырнул легкий самолет на бок, пилот благодаря своему опыту сумел снова поднять машину в воздух, но правое колесо у шасси было сломано. С земли предложили полетать кругами, выработать горючее и снова попытаться сесть на полосу. Командир так и сделал. Отлетал три круга и на пустых баках пошел на посадку. Я бы ему предложил выкинуть весь груз, но в кабине самолета один начальник. Почувствовав, что самолет сейчас врежется в землю, я спрятался за ребрами жесткости фюзеляжа и привязался к ним ремнями. Что я ожидал, то и произошло. Самолет с креном шел на одно колесо; ветер ударил в бок, высоты нет, скорости нет, двигатели без горючего практически не работали. Мы ударились о полосу, стали крутиться и переворачиваться. Когда самолет весь искореженный, зарылся в землю у полосы, я висел вниз головой, на половину придавленный ящиками и тюками. Голова гудела, все тело ныло. Плечо, рука и нога зверски болели, вдобавок меня несколько раз вырвало. Спасатели подъехали через минуту. Сначала вытащили командира и второго пилота, потом стали выбрасывать все из нашего «лайнера», освободили меня и «технаря».

Итог был плачевный, второй пилот и «технарь» погибли, командир отделался несколькими ушибами, я получил три перелома, массу синяков, сотрясение головного мозга. Жаль было погибших, особенно моего приятеля Саньку. Самолет упал на его сторону, поэтому шансов выжить не было. Нас с командиром отвезли в санчасть, оттуда через два часа меня перевезли в госпиталь Петрозаводска. А капитан на следующее утро был в кругу своей

семьи и принимал поздравления со вторым днем рождения. Саньку похоронили на летном кладбище, а тело технаря забрали родственники и увезли на родину.

В госпитале меня поместили в хирургическое отделение, которым командовал подполковник Монахов, отличный врач и мужик. Он любил искусство, дома имел коллекцию альбомов по живописи и сам пробовал рисовать. Целый месяц я пролежал в гипсе с задранной рукой и ногой. Три раза в день медсестра делала уколы, кормила витаминами и прочими лекарствами. В палате находился — один. Скука смертная. Одно удовольствие — смотреть в окно, там было видно часть здания и маленький палисадник. На здании виднелась табличка — кожное отделение. Я спрашивал у медсестер: «Почему кожное, а не кожно-венерическое?» Они хихикали, но вразумительного ответа дать не хотели.

С кожно-венерическим отделением у меня было много воспоминаний по Армии. Меня миновали эти грозные заболевания, а вот друзьям и знакомым досталось сполна. Был у меня приятель — Вовка С. Хороший парень, отличник в учебе, спортсмен. Начальство в нем души не чаяло, награждали его грамотами и медалями. Но Армия — Армией, а жизнь — жизнью. Мы были молоды, я гулял на всю катушку... А Вовка только укорял меня, что веду развратный образ жизни. Я его внимательно слушал и продолжал заниматься своими любимыми делами. Когда мы закончили учебу, командование устроило прощальный вечер. На танцах я впервые увидел Вовку с девушкой, если ее можно было так назвать. Длинная, худая, накрашенная баба, как минимум после десятого аборта — висела на плечах моего приятеля. В перерыве он подошел ко мне и с гордостью сказал: «Вот идеал моей женщины!» Я промолчал — не хотел его разочаровывать. Через пять дней я собрал документы и вещи, пошел прощаться со своими знакомыми, Вовка куда-то исчез. Один наш общий приятель сказал, что его увезли на машине в госпиталь. Я подумал, что его избили гражданские, такое у нас часто было. В санчасти моя знакомая медсестра рассказала о его болезни — сифилис. В госпиталь к нему не пустили, и, я уехал, сначала в Ярославль, потом на юг — в Сочи. Пока я отдыхал на море, Вовка лечился от своего заболевания. Вот так закончилась его первая любовь. Через много лет я узнал о печальной судьбе нашего отличника. Он служил на Черном море, взял в жены женщину с ребенком. Пока он плавал и летал, его вторая половина «развлекалась» на суше и второй раз заразила его венерическим заболеванием. Вовка напился и зарубил ее топором. Его расстреляли.

Другой мой знакомый тоже Вовка М., тоже лечился от венерического заболевания, немного другого характера. Я должен был идти дежурным по части, в наряд, и только прилег поспать на часик, как двери в мою комнату распахнулись. На пороге стояли два моих приятеля по кутежам, два бравых капитана — Вовка М. и Витька. «Кончай дрыхнуть, пошли с нами; водка с закуской на столе, три молодых красавицы в постели» — крикнули они. Я объяснил ситуацию, что иду дежурить на сутки. Меня поняли, всячески жалели, что я лишаясь земных удовольствий. На другое утро встречаю у столовой Вовку М.: серое лицо, хмурый, руку мне не дает, а все бубнит: «Убью суку! Будет меня помнить, и на том свете!» Я не придавал значения его

словам. Пошли с ним в туалет; я быстро вышел и жду приятеля. Прошло пять минут и появляется мой капитан: лицо красное, волосы дыбом, глаза горят, руки дергаются. Ни сказал, ни слова, выскочил из столовой и побежал в сторону санчасти. Встречаю врача, и он мне говорит: «Твой приятель Вовка М. подцепил какую-то венерическую заразу, и мы его отправили на обследование в госпиталь. А второй капитан — проскочил, остался здоровым. Кому как повезет в женской постели! Между прочим, Вовка М. оказался удачливым в женитьбе. В свое время послушал умных офицеров, которые советовали брать жену из детдома. И специальность у нее должна быть или медсестра, или повариха. Он так и сделал. Поэтому жена у него была преданная и понимающая. А у меня и моих приятелей семьи не сложились. Слишком умных взяли жен, и они от нас сбежали. Вот о чем мне напомнила простая надпись — «Кожное отделение».

Рядом с входом в это отделение стояла скамейка, на которой я часто видел одну и ту же скрюченную фигуру молодого парня в халате. Медсестра рассказала его печальную историю. Молодой лейтенант-строитель прокладывал кабель на стрельбище со своим взводом и их покусали клещи. Два солдата умерли через месяц, а пять человек и их командир со скрюченными фигурами и язвами на теле, вот уже два месяца лежат в госпитале и врачи не знают, как их лечить. Таких видов клещей еще не встречали. Историю болезни этого лейтенанта я запомнил на всю жизнь и в лес, особенно весной, ходил с неохотой.

Почти два месяца я пролежал в Петрозаводском госпитале. После снятия гипса, массажисты привели мое тело в полный порядок. Правда, к вечеру, при плохой погоде болела голова. Врачи сказали, что это со временем пройдет. А головные боли видимо происходят из-за гематомы. Я им поверил, потому что военные врачи самые лучшие специалисты. Они не кичатся своими званиями и наградами, а просто работают. На гражданке таких врачей — единицы.

Через некоторое время, я предстал перед врачебной комиссией, которая определила мою пригодность к Армейской службе. Когда председатель комиссии спросил: «Желаю ли я продолжить службу не летчиком, а по другой специальности?» Я ответил, что хочу служить только в авиации, а если мое здоровье не позволяет, то пусть меня уволят из рядов Вооруженных сил. Они со мной согласились, написали ходатайство на увольнение в центральный госпиталь, а мне выдали медицинские документы и отправили в воинскую часть, откуда я прибыл. Командование отстранило меня от полетов, но заставило ходить на дежурство по батальону, два раза в неделю.

Мои приятели знали, что я ухожу из Армии: одни — сочувствовали, другие — радовались за меня. У меня на будущее был простой план. Поступить в институт в Ленинграде, получить квартиру в Ярославле и обменять ее на комнату в Ленинграде или Москве. Хорошо было мечтать на узком топчане, в комнате для дежурных офицеров. Передо мной находился оружейный сейф с пистолетами и патронами, а ключи от него были у меня в кармане. У нас на вооружении было два вида пистолетов: «Макаров» и «ТТ».

На дежурстве я любил рассматривать эти пистолеты. Вытащу все патроны и щелкаю в холостую. Один раз такая игра чуть было не стоила мне жиз-

ни. Я достал обойму с патронами, приставил пистолет к своему животу и медленно натянул курок. Выстрела не было. И тут меня как током ударило, пот прошиб все тело — в пистолете остался патрон в стволе. Почему он не выстрелил?! Загадка для меня, по сей день. Если бы произошел выстрел, то пуля разорвала бы все кишки, и шансов выжить не было. Несколько раз я прочитал «Отче наш», поблагодарил Господа за то, что отвел руку моей глупости. Убрал оружие и больше к нему не прикасался.

А через неделю с моим хорошим знакомым — капитаном случилось несчастье, тоже по собственной глупости. Мы пошли в лес сделать шашлыки и отдохнуть на природе. Остановились на берегу маленькой речки, где и раньше бывали часто. Хорошо выпили, решили позагорать, и вдруг наш приятель вскочил, и никому ничего не говоря, с берега нырнул в воду. Там было всегда мелко, мы это знали и купались всегда только лежа на спине. Он ударился о дно головой и сломал шею. Мы на руках принесли его в санчасть, где он, не приходя в сознание, умер. Скоро пришел приказ командующего округом о моем увольнении. Я устроил прощальную пьянку, и уехал в свой Ярославль.

(Продолжение следует)

*Алексей Воронов
(Россия, Санкт-Петербург)*

«Я ВСЕГДА БЫЛ УБЕЖДЁН, ЧТО ПРАВИЛЬНО ВЫБРАЛ СВОЙ ПУТЬ...»

В феврале 2014 года исполнилось 70 лет со дня рождения Александра Юрьевича Хочинского — замечательного артиста, воплощавшего в себе лучшие качества истинно петербургского интеллигента и творца. Редкостный талант, данный ему «от Бога», сочетался с необыкновенной, «невозможной» по нынешним меркам человеческой порядочностью и душевной ранимостью. Может быть, именно поэтому его жизнь оказалась такой недолгой...

В 1990-е годы Александр Хочинский тесно сотрудничал с театрально-продюсерской организацией «Классик-центр», в которой тогда работал (и продолжает работать) автор этой статьи. Он выступал в театрализованных концертах, участвовал в благотворительных акциях, направленных на спасение бесценных культурных памятников Санкт-Петербурга. В 1996-1997 гг. снимался в авторских телевизионных программах Классик-центра: «Основной инстинкт», «Атланты и кариатиды», «За далью». В конце 1997 года он принимал участие в празднованиях, посвящённых 60-летию юбилею известного петербургского композитора Станислава Пожлакова, а также 30-летию первого в СССР вокально-инструментального ансамбля «Поющие гитары», состоявшихся на сцене Мюзик-холла.

Тогда же состоялась моя встреча с Александром Хочинским, во время которой он дал интервью журналу «Закулисье» (так называлось ежегодное информационное издание Классик-центра, выходившее в 1996-2003 гг.). К сожалению, это интервью, в котором артист с удовольствием вспоминал различные моменты своей биографии и делился новыми творческими планами, стало последним в его жизни. 11 апреля 1998 года народный артист России Александр Юрьевич Хочинский скончался и был похоронен на Seraфимовском кладбище.

Интервью, которое он дал в канун своего ухода, было опубликовано дважды — весной 1998 года в газете «Вечерний Петербург», и в 2001 году в журнале «Закулисье» (к тому времени получившему второе название — «Русский вклад»). Сегодня я хочу предложить несколько фрагментов беседы с Александром Хочинским, а также напомнить основные вехи его жизненного и творческого пути.

Из интервью Александра Хочинского:

— Сегодня мне хочется говорить не о своей биографии, а о тех людях, с которыми меня сталкивала жизнь, и без которых я себя не мыслю. Думаю, что и наш город чувствовал бы себя обделённым, если бы они не жили здесь, не одухотворяли своим присутствием его улицы. Это мои современ-

ники: актёры, художники, певцы, музыканты, режиссёры. Не все они родились и выросли на берегах Невы, но каждый из них — безусловно, петербуржец. Как, например, мой учитель Зиновий Яковлевич Корогодский, который родом из Новосибирска.

— Получается, что он ваш земляк — вы ведь тоже родились в Новосибирске?

— Но у него там жили родители, а я родился в семье студентов Ленинградского театрального института, который был в годы войны эвакуирован в Сибирь. Так что, фактически я был «дитя Моховой». На одном курсе с моей мамой учились Валентина Павловна Ковель и Анатолий Самойлович Шведерский — позднее он стал педагогом драматической студии ТЮЗа и преподавал на нашем курсе...

Немногие сегодня знают о том, сколь драматичной была судьба Ленинградского театрального института в годы Великой Отечественной войны. Первую, самую страшную блокадную зиму 1941-1942 гг. институт пережил в Ленинграде, потеряв многих студентов и преподавателей, умерших от голода. Весной 1942 года институт был эвакуирован — сначала в Кострому, а затем в Пятигорск. Там, на солнечном Кавказе, студенты не только учились, но и активно «подрабатывали» концертами. По воспоминаниям тогдашней студентки института, впоследствии народной артистки СССР Валентины Ковель, они так часто выступали на детских утренниках, что вскоре пятигорская детвора узнавала на улицах практически всех её однокурсников и кричала им вслед: «Осёл обед понёс! Мартышка в трамвай залезла!».

Однако мирная «передышка» оказалась недолгой. Летом 1942 года немецкие войска прорвали фронт и, перейдя в наступление, буквально ворвались в Пятигорск. Наступление было настолько стремительным, что многие артисты (а их в то время на Кавказе было немало) не успели эвакуироваться. Среди коллективов, поневоле оказавшихся тогда на оккупированной территории, был и драматический театр из Ленинграда, которым руководил известный режиссёр Сергей Радлов (до войны он давал спектакли в здании «Пассажа» — там, где сейчас находится театр им. В. Ф. Комиссаржевской). Заполучив в своё распоряжение первоклассную труппу, немцы два года возили несчастных актёров по всем фронтам, под страхом смерти заставляя их выступать перед «новыми хозяевами» России. Только в 1944 году артисты театра, наконец, обрели долгожданную свободу от гитлеровцев... и тотчас же, в полном составе, во главе с главным режиссёром, отправились в ГУЛАГ — отбывать срок по печально известной 58-й статье.

Ленинградскому театральному институту удалось тогда спастись лишь каким-то чудом. Одна из студенток, Ирина Шик, случайно узнала о начавшемся немецком наступлении ещё до того, как об этом было объявлено в официальных сводках, и успела сообщить об этом руководству института. Однако, предупредив товарищей о надвигающейся беде, она сама не успела эвакуироваться из-за больной матери — и, вскоре после вступления фашистов в Пятигорск, была арестована и казнена.

Добравшись «на перекладных» до Баку, преподаватели и студенты института были переправлены через Каспийское море вглубь страны — сна-

чала в Томск, а затем в Новосибирск, где находились почти два года, до самого возвращения в Ленинград. Город в то время по праву мог считаться неофициальной «культурной столицей» Сибири — именно сюда были эвакуированы из Ленинграда и Москвы самые известные музыкальные и драматические коллективы. Местом обитания театрального института стало городское коммунальное общежитие, в официальных документах обозначенное аббревиатурой «КЭЧ». В нём студенты занимались, репетировали, здесь же и спали на двухъярусных койках. Именно здесь сделал свои первые шаги маленький карапуз Саша, появившийся на свет 29 февраля 1944 года в семье студентов Юрия Хочинского и Людмилы Красиковой, и сразу же получивший прозвище «дитя КЭЧа».

После войны жизнь мальчика складывалась непросто. Его отец, ставший эстрадным певцом, в 1948 году трагически погиб, и Саша воспитывался под присмотром мамы и бабушки. Актёрская карьера Людмилы Красиковой складывалась удачно — она стала ведущей артисткой ленинградского ТЮЗа, первого не только в СССР, но и в мире профессионального театра для детей, основателем которого был легендарный режиссёр и педагог А. А. Брянцев. В то время при театре была актёрская студия, куда Саша Хочинский поступил после окончания средней школы. ТЮЗ находился тогда в здании бывшего Тенишевского училища на Моховой улице, как раз напротив театрального института. Благодаря такому соседству, студенты и студийцы ощущали себя как некое «единое творческое целое», о чём сам актёр с удовольствием вспоминал в нашей беседе...

Из интервью Александра Хочинского:

...В то время студия располагалась напротив театрального института, в здании нынешнего Учебного театра. Так что я тоже причастен к институту на Моховой, тем более что мы дружили курсами. Студенты Театрального института то и дело бегали в нашу тюзовскую столовую есть сосиски и винегреты, которые всем давала в долг буфетчица тётя Валя. Я не знаю, как она могла запомнить всех по физиономиям, потому что нас было очень много, но у неё была огромная толстая книжка, где были записаны имена, фамилии и какие-то значки, обозначающие того или иного студента. В день стипендии она всегда садилась с этой книжкой в театральном институте около мраморной лестницы, отлавливала нас и собирала долги. Не знаю, как она при этом не вылетела в трубу. Вот такая тётя Валя, которая тоже была неприметной частицей Моховой улицы и культуры города. И то же самое можно сказать о моих друзьях, которые делают всё для того, чтобы наш город жил — хотя, возможно, они сами об этом и не думают...

В 1964 году, когда Александр Хочинский окончил студию и стал актёром ТЮЗа, театр уже переехал с Моховой улицы в специально построенное для него здание на бывшем Семёновском плацу, неподалёку от Витебского вокзала. Тогда же новым главным режиссёром театра был назначен З. Я. Корогодский, до этого успешно руководивший драматическими коллективами в Калуге и Калининграде, а также прошедший стажировку в Большом драматическом театре, где вместе с Г. А. Товстоноговым поставил спектакль «Не склонившие головы», ставший заметным событием в культурной жизни Ленинграда. Именно «эпоха Корогодского», продолжавшаяся более

20 лет, стала временем наивысшего расцвета ленинградского ТЮЗа, получившего за это время не только всесоюзное, но и международное признание...

Из интервью Александра Хочинского:

— В годы вашей учёбы в драматической студии ТЮЗа был еще жив легендарный основатель этого театра Александр Александрович Брянцев. Ему на смену пришёл Зиновий Яковлевич Корогодский — тоже выдающийся режиссёр, но принадлежавший уже к другому поколению. Что, на Ваш взгляд, сближало этих мастеров?

— Я думаю, что сходство между ними было, прежде всего, в верности служению идее театра. Брянцев его создал, это был первый в мире профессиональный театр для детей. Он появился в двадцатые годы и развивался соответственно воздуху той эпохи. Однако наступило такое время, когда перемены стали необходимы. И Зиновий Яковлевич, пришедший на смену Брянцеву, занимался тем же самым, но при этом расширил рамки самого понятия «детский театр». Он хотел, чтобы возглавляемый им театр был интересен прежде всего взрослым, то есть подлинным ценителям искусства. Ведь ребёнок еще только начинает разбираться в нём, а взрослый приходит в театр с уже сложившейся системой эстетических и духовных ценностей. И если детский театр интересен взрослым, тогда он будет интересен и детям. Нет специально «детских» или «взрослых» театров — вот идея Зиновия Яковлевича. Просто детский театр должен быть расширен в сторону детства.

— Помните ли вы собственные ощущения от первых сыгранных ролей, и когда вы впервые по-настоящему поверили в себя?

— Я всегда был убеждён, что правильно выбрал свой путь. Конечно, первые роли часто выходили по пословице «первый блин комом», но, по-моему, это нормально. Ведь художнику всё время надо учиться. Корогодский был прав, когда говорил нам, что научить актёрскому делу нельзя, можно только научиться. И при этом неважно, у кого ты учишься — у какого-нибудь мастера, у старших товарищей или у младших. Потому что в искусстве вообще нет старших и младших, здесь юноша или девушка могут быть великими мастерами.

Конечно, художники не должны быть похожи друг на друга. Каждый мастер, каждый творец индивидуален, и это замечательно. Поэтому в искусстве соревнование недопустимо, это не спорт, где лавры достаются только победителям. В искусстве иногда и поражение очень почётно, потому что талантливый человек имеет право на ошибки, без этого не будет успеха. И потом, что называть успехом?..

Вскоре после первых небольших ролей в детских спектаклях, начинающий актёр был призван в армию и три года провёл в Выборге заведующим художественной самодеятельностью местного гарнизона. Там же впервые проявился его талант поющего артиста — на концертах он часто выступал с гитарой, исполняя песни на стихи Булата Окуджавы, Александра Городницкого и других поэтов-«шестидесятников», в то время входивших в моду, как в воду.

Ещё до призыва, Александр Хочинский женился на артистке Ирине Асмус, недавней выпускнице театрального института на Моховой. Как это

нередко происходит у молодых актёрских пар, брак оказался не долгим — Ирина оставила супруга, не выдержав разлуки, когда он служил в армии. Для Александра случившееся оказалось настоящей трагедией: он посидел буквально в одну ночь. Впоследствии Ирина оставила сцену ради цирковой арены, став женщиной-клоунессой по имени Ириска. В 1970-е годы её узнала и полюбила вся страна — благодаря детской телевизионной передаче «АБВГДейка», в которой Ириска была одним из главных персонажей. «Звёздный» полёт Ирины Асмус трагически оборвался летом 1984 года, когда во время выступления в Гомеле артистка разбилась насмерть, сорвавшись из-под купола на манеж из-за неисправной аппаратуры...

После возвращения из армии, Александр вернулся в ТЮЗ — и вскоре стал настоящей «звездой» театра, сыграв в нём более 60 ролей. Каждое новое появление любимого актёра на сцене становилось настоящим праздником — как для детей, так и для их родителей. Его работы отличались виртуозностью пластического рисунка; фантастическим, почти нереальным сочетанием психологической глубины с музыкальностью и озорной «шалопайской» эксцентрикой. Шекспировский Гамлет, пушкинский Борис Годунов, Клаверов из комедии М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» — вот лишь немногие из сценических шедевров Александра Хочинского, созданных им за время работы в театре, который действительно стал для него родным домом.

Впрочем, ленинградский ТЮЗ того времени можно было назвать настоящей «фабрикой звёзд» (если прибегнуть к современной терминологии). Антонина Шуранова, Георгий Тараторкин, Ирина Соколова, Николай Иванов, Ольга Волкова, Николай Буров, Татьяна Шестакова, Игорь Шибанов, Юрий Каморный — вот лишь некоторые из актёров, успех и популярность к которым пришли благодаря участию в спектаклях З. Я. Корогодского, Л. А. Додина и других режиссёров, в то время работавших в ТЮЗе. Когда некоторые из них со временем переходили в другие театры, то и там почти всегда оказывались на первых ролях. Потому что режиссёры всей страны прекрасно знали: если актёр прошёл «школу ленинградского ТЮЗа» — значит, ему можно безбоязненно доверять выполнение любых, даже самых сложных творческих задач.

Свои первые роли в кино Александр Хочинский сыграл ещё в конце 1960-х годов, однако они остались почти незамеченными. По-настоящему большой успех пришёл только в 1972 году — после того, как на телевидении состоялась премьера фильма «Бумбараш», в котором он сыграл цыгана Лёвку. Исполненная им песня Владимира Дашкевича на стихи Юлия Кима «Журавль по небу летит...» сразу же стала знаменитой, а на артиста наперебой посыпались приглашения сниматься. Правда, центральных ролей было сыграно им не так уж много. Среди них особого внимания заслуживают телевизионный фильм «Шаги императора» по рассказу Ю. Тынянова «Подпоручик Киж», в котором А. Хочинский был Лицом от автора, а также детектив по сценарию братьев Вайнеров «Свидетельство о бедности», где он играл следователя Соколова. Этот фильм любопытен тем, что роль главного злодея — бандита по кличке «Крест» — в нём исполнял Борис Хмель-

ницкий, ещё один легендарный актёр того же поколения, блиставший в спектаклях Ю. Любимова в Театре на Таганке.

Гораздо чаще ему доставались в кино так называемые «роли второго плана» или небольшие эпизоды — однако многие из них были сыграны им так ярко и выразительно, что и сегодня остаются в зрительской памяти. Почти все киногерои Александра Хочинского — люди с «обнажённым нервом», бескомпромиссные в отстаивании того, что для них по-настоящему дорого и значимо. Именно такими были и мелкий воришка Родькин в культовом сериале «Рождённая революцией», добровольно взявший на себя чужие преступления ради спасения жизни своей дочери, и джазовый музыкант Илья Захарович Мендель по прозвищу Баня в фильме «Когда святые маршируют». К числу нравственных максималистов относится и «загадочный» Геннадий, сыгранный Хочинским в детективной мелодраме «Странные мужчины Екатерины Семёновой» — «последний романтик» эпохи шестидесятых, которому в горах дышится гораздо легче и свободнее, чем в каменных джунглях большого города, где на смену настоящей живой жизни всё чаще приходит её суррогатная имитация. И, конечно, почётное место в фильмографии артиста занимают картины с «музыкальным» уклоном. При этом Александр Хочинский не только сам исполнял песни своих героев, но и пел «за кадром», озвучивая других персонажей. Так, именно он в своё время исполнил «бразильскую народную песню» на стихи Роберта Бернса в комедии В. Титова «Здравствуйте, я ваша тётя!», а также песни и романсы на стихи Дениса Давыдова в драме С. Ростюцкого «Эскадрон гусар летучих».

Вслед за театром и кино, Александр Хочинский в 1970-е годы становится желанным гостем и на ленинградской эстраде. Особым успехом у зрителей пользовалась его программа «Стыдно быть несчастливым», созданная по мотивам произведений выдающегося писателя и драматурга А.М. Володина. Спустя много лет, в своём последнем интервью артист подробно рассказал о том, как возникло его творческое содружество с мэтром питерской литературы.

Из интервью Александра Хочинского:

— Если в театре Вас называют «актёром Корогодского», то Ваше эстрадное творчество связано прежде всего с Александром Моисеевичем Володиным. Каким образом возник этот необычный дуэт?

— Встреча с Александром Володиным — это тоже подарок судьбы. В этом смысле я очень счастливый человек. А наше первое знакомство состоялось давно, лет двадцать назад. Он тогда выступал в Доме актёра и читал свои стихи — странные, как странен и сам Александр Моисеевич; талантливые, как талантлив и сам Александр Моисеевич. Потом, уже сидя дома, я вдруг подумал, что можно попытаться положить эти стихи на какие-то мелодии, сделать из них песни. Для этого мне нужны были тексты, но они нигде не были опубликованы. Тогда я нашёл телефон Володина и позвонил ему, трясаясь от страха. Он отнёсся к этой идее очень благосклонно, пригласил меня к себе домой. Мы выпили коньяку, потом сыграли в теннис (я, конечно, проиграл, потому что очень волновался) — так и подружились. Он мне дал очень много стихов, я, насколько мог, при-

думал для них музыку, а потом сделал спектакль по его книге «Оптимистические записки». Он очень стеснялся этого названия; говорил, что сейчас никто не пишет оптимистических вещей, и что вообще оптимизм — это глупость. У него есть такое стихотворение: «Стыдно быть несчастливым». Он говорил: «Мне стыдно за эти стихи, ведь сейчас такое время, что стыдно быть счастливым!». Я говорю: «У вас же про это и написано, просто там такой перевертыш получается». А он опять: «Нет! Это неправда!» ...

Тем не менее, я сделал по его прозе моноспектакль, к которому потом подключился и сам Александр Моисеевич. И получился такой «спектакль на двоих», когда сначала он сидел в зрительном зале, а потом я приглашал, точнее — провоцировал его выйти на сцену. И получалось, что на эстраде как будто соединялись два человека в одном. Один из них автор — настоящий, подлинный, — а второй артист, который играет этого автора. Наш дуэт получался очень странным, потому что Володин всегда был непредсказуем. Я никогда не знал, что он сегодня сделает или скажет, выйдя на сцену, а мне же за ним надо всё подхватывать, да еще и вставлять музыкальные куски. Но когда это получалось, то было очень интересно. По-моему, зрители тоже получали удовольствие, включаясь в нашу игру и работая вместе с нами. Ведь игра — это тоже работа, во всяком случае, для артиста. Сейчас мы больше не работаем вместе на сцене, но периодически перезваниваемся и встречаемся.

Он очень переживал потерю своего друга, Булата Шалвовича Окуджавы. Они очень дружили, и судьбы их похожи — оба совсем молодыми ушли на фронт, оба талантливы и интеллигентны. Булат Шалвович когда-то сказал: «Можно кончить много институтов, и при этом совершенно не быть интеллигентным человеком. Можно не кончить ни одного института, даже три класса, и быть по-настоящему интеллигентным человеком». Потому что интеллигентные люди — это, в первую очередь, те, которые не изменили самим себе. И это прекрасное качество. Зиновий Яковлевич когда-то говорил, что мы должны всю жизнь «изменяться, но не изменять». Конечно, все мы с возрастом меняемся; меняются наши представления о жизни, да и жизнь сама меняется. Но при этом мы должны стараться не изменять самим себе; все время открывать что-то новое — в той же природе, в своих друзьях, в окружающей жизни. Много сегодня надо менять, в том числе и в Петербурге, но при этом — не изменяя его высокой идее. Надо все время помнить, что наш город — многострадальный, его пожалеть надо. Не насиловать, а жалеть. А это значит вкладывать: в культуру, в науку, в людей... Конечно, деньги тоже нужны, без них никуда не денешься. Но главное — вкладывать в наш город душевные силы, одухотворять его...

К началу 1980-х годов ленинградский ТЮЗ был безоговорочно признан лучшим детским театром страны. Достаточно сказать, что когда коллектив приезжал на гастроли в Москву, то вокруг зданий, где проходили его выступления, приходилось ставить патруль конной милиции, чтобы хоть как-то сдерживать напор театралов, жаждавших любой ценой прорваться в зрительный зал. Все были довольны — кроме «чиновников от искус-

ства», многие из которых самоуверенно заявляли: «Советским детям такой театр не нужен!». Вскоре после того, как ТЮЗ отпраздновал свой 60-летний юбилей, а его руководитель З.Я. Корогодский был удостоен почётного звания народного артиста России, на коллектив была организована травля, тщательно продуманная и срежиссированная так называемыми «искусствоведами в штатском». Почти все новые спектакли чиновники либо заставляли переделывать до неузнаваемости, либо запрещали сразу после премьеры (как, например, военную драму «Будь здоров, школяр!», поставленную по одноимённой повести Б. Окуджавы). Всё это сопровождалось разгромными рецензиями и призывами обратить внимание на неблагоприятное положение дел в театре, состряпанными, якобы «от имени простых советских трудящихся».

Весной 1986 года, решив, что благоприятный момент настал, партийные клеветы перешли от угроз к действиям — на выдающегося режиссёра и педагога З.Я. Корогодского было заведено заведомо сфабрикованное уголовное дело. О его «заказном» характере свидетельствует тот факт, что практически одновременно с началом уголовного преследования, Зиновий Яковлевич был уволен из театра и отстранён от преподавательской деятельности. В усердии своём, высокопоставленные чинуши даже распорядились убрать фамилию З.Я. Корогодского из всех театральных афиш, вымарать её в программках и буклетах поставленных им спектаклей — словно такого режиссёра и вовсе не существовало!

Заметим, что эта вакханалия творилась не в эпоху «застоя» или «культ личности», а в годы правления М.С. Горбачёва, официально объявившего курс на «демократизацию и гласность». Однако на деле мало что изменилось — судьбы художников по-прежнему зависели от прихотей доморощённых «наполеончиков в мундирах». Правда, многие обвинения, предъявленные Зиновию Яковлевичу, бесследно испарились ещё в ходе следствия, ввиду их откровенной абсурдности и полной бездоказательности. Так что, по итогам судебного разбирательства выдающийся режиссёр избежал участи «простого советского заключённого», получив «всего лишь» два года условно (впоследствии, уже в 1990-е гг., его уголовное дело было отправлено на пересмотр, закончившийся снятием всех обвинений). Однако тогдашних «вершителей судеб» подобные нюансы мало интересовали. Весь этот омерзительный маскарад был затеян ими с одной-единственной целью — отлучить «неуправляемого» режиссёра от театра, в котором отныне хозяйничали совсем другие люди.

Для Александра Хочинского всё, что произошло с его наставником, было настоящим потрясением. Ему, ни разу в жизни никого не предавшему, было немыслимо представить, что на это могут пойти другие. Поэтому в начале 1988 года он и его жена, народная артистка России Антонина Шуранова, ушли из родного для них театра, официально — в штат актёрской студии на «Ленфильме», фактически — в никуда. Дело в том, что репертуар студии киноактёра в то время состоял из трёх камерных спектаклей, которые шли на сцене ДК «Маяк» с интервалом «сто лет в обед». Были, конечно, и съёмки в новых картинах, и творческие вечера — но всё это не могло заменить полноценной работы в театре.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов, после отмены многочисленных запретов и снятия цензурных ограничений, новые драматические театры и студии росли во всей стране, как грибы после дождя. К сожалению, почти все новообразованные коллективы оказались недолговечными — одни из них исчезли после двух-трёх сыгранных спектаклей, другие «самоликвидировались» ещё до первой премьеры. Не избежал этой участи и Александр Хочинский, также попытавшийся открыть собственный театр, и, в результате, сполна испытавший на себе все прелести «эпохи новых возможностей». В своём последнем интервью он с горечью размышлял над причинами, по которым многие творческие начинания того времени обернулись прахом, о судьбах творческой интеллигенции нашего города в «постперестроечную» эпоху и о том, как это может отразиться на его «культурном генофонде».

Из интервью Александра Хочинского:

...Когда Пётр Первый закладывал Петербург, он наверняка понимал, что «прорубает окно в Европу», но эти прекрасные слова всё-таки принадлежат Пушкину. А Петру некогда было говорить, ему надо было работать. И многие из моих друзей, может быть, и не мыслят так масштабно, как легендарный основатель Петербурга, но при этом стремятся хорошо сделать свое дело. Наверно, это и есть подлинная творческая интеллигенция.

В своё время судьба свела меня с известнейшим композитором Андреем Павловичем Петровым. По своему характеру он мягкий, интеллигентный человек, а должность-то у него чиновничья, и встречаться ему приходится чаще всего не с художниками, а с чиновниками. Он никогда не говорил со мной об этом, но я представляю, какие колоссальные душевные муки испытывает художник, которому надо было разговаривать с Богом, а вместо этого приходилось общаться с министерскими чиновниками, или в своё время с соответствующими «органами». Он уже столько лет возглавляет петербургское отделение Союза композиторов и, что интересно, Дом композиторов сегодня — один из немногих творческих домов, который ничего не сдал в аренду. И никакого банка у них там внутри нет. А ведь это великолепный старинный особняк, который очень трудно поддерживать в порядке — особенно сейчас, когда денег у творческих людей, как говорится, кот наплакал.

Очень близкие отношения связывали меня с Вениамином Ефимовичем Баснером, которого, к сожалению, больше нет среди нас. Он был заражён идеей создания музыкального театра, и даже придумал для него название — «Симха», что в переводе с древнееврейского означает «радость». Несколько лет назад на один спектакль нашлись какие-то спонсоры, но когда они ушли — кончился театр. Обидно, что мы не можем продолжить дальше это дело, ведь у Вениамина Ефимовича было много заготовок для будущих произведений, так и оставшихся незаконченными.

— Но ведь и вы тоже попытались несколько лет назад создать свой театр — в здании Адмиралтейства?

— Это был опыт, который закончился, так и не начавшись. Закончился потому, что всё банально упёрлось в материальную сторону. Нет, на словах нам не отказывали, но как только доходило до дела — все деньги сра-

зу куда-то исчезали. Адмиралтейство предоставило нам помещение практически безвозмездно — но зал был совершенно не театральный. Для того, чтобы привести его в порядок, требовались средства, которых у Адмиралтейства просто не было. Там даже люстра горела на одну треть из-за отсутствия денег на лампы. Так всё и ушло...

— На самом деле эта проблема очень актуальна. Казалось бы, подумаешь — одним театром больше, одним меньше. Но ведь каждый из них, пусть даже самый крохотный, все равно определяет неповторимость «культурного ландшафта» нашего города...

— Если со стены старинного здания исчезает какое-то, на первый взгляд незначительное украшение, это лишает его неповторимого облика. То же самое относится и к художникам, формирующим петербургскую культуру. Попробуйте убрать хоть бы одного персонажа из такого, казалось бы, «густонаселённого» полотна, как «Последний день Помпеи» Брюллова. Или крошечную белую церкушку из картины Левитана «Полдень». Это будут уже совершенно другие произведения, что-то из них безвозвратно уйдёт. То же самое происходит и с «культурным генофондом» нашего города. Когда-то еще в студенческие годы наш педагог по танцу, в прошлом замечательная балерина, Валентина Петровна Петрова говорила: «Вот существует Москва, а вот Ленинград. И Москва всё делает здорово, а Ленинград хорошо». И между этими «здорово» и «хорошо» — очень большая разница. Поэтому неправильно было в своё время устраивать соревнование между Москвой и Ленинградом. Не надо соревноваться. Пусть они делают здорово, а мы будем продолжать делать хорошо.

Но «хорошо» не всегда поощряется, не всегда так бьёт в глаза, как «здорово». И поэтому Товстоногов был прав, когда говорил о том, что наш город — «столица с областной судьбой». Очень сложно быть «вторым», и при этом сохранить своё лицо. И поэтому многие из тех, кто составляет культурное ядро Петербурга, покидают этот город. Казалось бы, опыт прошлых лет, когда мы потеряли Бродского и Довлатова, Барышникова и Шемякина, Юрского и Райкина, должен был нас образумить. Но почти все театры, появившиеся в нашем городе несколько лет назад на волне перестройки, к настоящему времени исчезли. И отток продолжается — просто сейчас стало сложнее оплатить переезд или купить квартиру.

Петербургу всегда было сложно — и при царе, и в годы революции; во время войны было трудно, да и сейчас нелегко. И если он до сих пор живёт — то во многом благодаря нашей творческой интеллигенции. Но, к сожалению, старики уходят из жизни, а подхватят ли эстафету юные? Вот почему все наши творческие вузы требуют особенного, пристального внимания.

Как и многие представители творческой интеллигенции нашей страны, Александр Хочинский с женой очень тяжело переживали эпоху «демократического безвременья». Жили очень тяжело, практически впроголодь. Доходило до того, что Антонина Шуранова собственноручно лепила глиняные цветочки — на продажу, чтобы хоть как-то свести концы с концами. «Луч света» забрезжил, когда супругов пригласили работать в Театр Сатиры на Васильевском острове. Сначала Антонина Шуранова сыграла там роль

Вассы Железновой в постановке одноимённой пьесы М. Горького, а затем на афише театра появилось и имя Александра Хочинского — как исполнителя песен в кукольном спектакле о Сталинградской битве.

Из интервью Александра Хочинского:

— Не так давно Антонина Николаевна Шуранова сыграла роль Вассы Железновой на сцене петербургского Театра Сатиры; вы сами участвовали в создании спектакля «Песня о Волге» в том же театре. Не ожидается ли в ближайшее время в Театре Сатиры новых спектаклей с Вашим участием, уже как актёра?

— В Театр Сатиры я попал благодаря Вениамину Ефимовичу Баснеру, автору музыки к спектаклю «Песня о Волге». Он пригласил меня записать песни к этой постановке, благодаря чему я познакомился с Резо Габриадзе. Это талантливейший человек, наделённый самыми разносторонними дарованиями; я думаю, он может всё. В основе придуманного им спектакля «Песня о Волге» лежит страшное событие — Сталинградская битва. И её играют куклы — ну было ли когда-нибудь такое в искусстве?! Обычно война ассоциируется у нас с чем-то вроде киноэпопеи «Освобождение», когда кругом рвутся снаряды, горят танки, грохочет артиллерия... А тут — очень маленькие куклы, наверно не больше десяти сантиметров. И мне кажется, что этот щемящий до слёз спектакль — истинно петербургский, несмотря на то, что его делал тбилисец, волей судьбы оказавшийся в России. И памятник гоголевскому Носу, и нахохлившийся над Фонтанкой Чижик-Пыжик, которые сделал нам Резо Габриадзе — всё это петербургское по духу.

А что касается моего дальнейшего сотрудничества с этим или каким-либо другим театром... Понимаете, я так устроен, что проситься не буду, это противоречит моей природе. Если позовут — я подумаю. Я мечтаю о таком театре, в котором хотел бы не только играть, но и мыть пол — не потому, что я обязан это делать, а потому что хочу внести свой посильный вклад. Ведь мы же моем полы в своём доме, а театр — это тоже наш дом. Таких театров я сейчас, к сожалению, не вижу (за редким исключением). Но туда, где есть редкие исключения, меня не зовут, а в другие места я не хочу. Конечно, какие-то предложения существуют, и буквально на днях я начал репетировать в новом спектакле на сцене Театра Сатиры. Что ж, посмотрим, что из этого получится...

В те дни, когда было взято это интервью, Александр Хочинский начал репетировать роль Пастора в постановке пьесы Г. Ибсена «Привидения». Однако незадолго до премьеры, когда спектакль был уже практически «на выпуске», он скоропостижно скончался. Светлая память...